

Родионов Данил

КЛЯТВА НЕКРОМАНТА

Навий мир – 1

Легенда

Далеко или давно, когда вышедший в сумерках из леса старик зачастую оказывался лешим, а не припозднившимся грибником, когда под «ночными танцами» подразумевали не вечеринки в клубах, а ведьмовской шабаш на Лысой горе и поднимали голову, чтоб увидеть не самолёт, а расправляющего крылья змея-огневика, именно тогда, жил в одной суровой стране не менее суровый человек, некромант-чернокнижник Эйтерн Мак Хейлин, по прозвищу Космач.

*

Самые древние старцы не помнили, откуда он родом и когда пришёл в их земли. Да и он ли пришёл? Может статья, это они пришли в его. Перешёптывались даже о том, что и вовсе не пользуется колдун путями смертных. Не знают его сапоги дорожной пыли, ибо поднялся он однажды на самую высокую скалу и вызвал на битву яростный горный ветер ущелий. И победил. Склонил голову могучий соперник, сложил крылья. Оседлал его колдун и носится теперь, покоривший ветер, на призрачных крыльях. Другие же сказывали, что не ветер то был, а дух древнего дракона, вызванный магией смерти из небытия вечного, в ведьме с болот заключённый. Третьи усмехались только, какая, дескать, ведьма-дракон, делов-то — свернуть голову птице, да произнести слова заветные и лети куда хочешь, на крыльях вольных. Как бы то ни было, но все в землях этих тайну колдуна чтили и к замку подходить не осмеливались.

Недаром ведь сказывали, будто не построен он из дерева да камней, как испокон у людей заведено, а вытесан прямо в скале, что каменным надгробием возвышается над пенным морем. И если в ночь полной луны подобраться незамеченным к жилищу колдовскому и взглянуть через колечко, свитое из омелы, срезанной на заброшенном кладбище в то же полнолуние, то и увидеть удастся в кипящей пене, как бьются о подножье скалы-замка могучие седовласые старцы. Сияются разрушить своё же творение души порабощённых некогда некромантом великих друидов. Тех, что поднимали плиты Стоунхенджа, скрытые туманом древнего Альбиона. И скрипит над их головами, подвешенная на старой цепи странная бочка, окованная ржавыми обручами. Рыдают старцы тянут к ней свои крючковатые пальцы. словно спрятано в ней великое сокровище. Тщетно, в невыразимом гневе и отчаянии, вновь и вновь бьют они разбитыми в кровь кулаками по несокрушимой бочке, швыряют её о гранитную скалу, в надежде разбить. И стоны их сливаются с ревущим ветром, а седые волосы взмываются ввысь вместе с морской пеной.

Каждый день и каждую ночь продолжается их мука, ибо гласит пророчество - как только будет разрушен Кэр Туир, Замок-Башня, обретут свободу пленённые колдуном души. И слышат старцы этот шёпот, верят проклятьям, знают, свершится пророчество, ибо

слетело оно с губ их великой колдуньи, а, может, и древней богини даже, в час её смерти лютой. Ведь отозвалась на их мольбы то ли суровая богиня, то ли фея озёрная, али ведьма лесная, а то и болотная по имени Моргейн или Моргана или даже Морриган, кто ж сейчас упомянет.

Собрала она войско несметное из чудищ лесных, да нечисти мерзопакостной и повела к замку ненавистному... Что далее было никому не ведомо. Говорят, битва великая. Да такая, что солнце лик свой спрятало. Чёрные тучи небо затянули, а может, то полчища драконов своими крыльями свет затмили, а когда рассеялась тьма на равнине трупами усыпанной, одна Моргейн на коленях стояла, а над ней невредимый чародей возвышался. А дальше самое страшное приключилось. Сорвал он с неё кольчугу окровавленную, обнажил тело белое. А затем израненную, но живую бросил чародейку в бочку дубовую, тринадцатую обручами железными обвитую, а на каждом обруче руны пылают, смерть от ведьмы отпугивают. Вырвал затем колдун острые когти да клыки у слуг её верных. Ссыпал в бочку. Забил крышку, словно у гроба. Живой замуровал. Произнёс: «Служили хозяйке до смерти, мне послужите после. Хотела она вам мою плоть скормить, теперь её отведайте» Закричала Моргейн страшно, истошно, осознав, какая участь ей уготована, когда заскрипела тяжёлая цепь, швырнула бочку о стену замка волна, впились в нежное тело когти и зубы мёртвых друзей. Захрипела колдунья, завывала. Заскребла о днище и крышку, ногти до мяса обламывая. Приподняли бочку набежавшие волны, хлынула морская вода в щели, вьелась соль в раны...

Час прошёл, набегали волны. Швыряли бочку о скалу неприступного замка. Заходила криками ведьма, захлёбывалась водой и кровью. Не давали ей умереть наложенные руны... Взмолилась она о смерти, упрашивала разорвать на куски, отдать кости псам бродячим, а плоть крысам помойным, но непреклонен был суровый колдун. Не тронула его девичья мольба. Не ведало жалости каменное сердце владельца Башни. А может попросту не слышал её Эйтерн Мак Хейлин. Не глядел на кровавую пену волн, не внимал затихающим воплям. Как всегда, поднялся он в библиотеку и погрузился в чтение. И не вспоминал больше ни о болотной ведьме, ни о рыдающих старцах. Потому и не услышал проклятия, вырвавшегося сквозь хрипы из окровавленного ошмётка некогда божественного тела: «Да продлится в смерти твоя жизнь, пока не рухнут возведённые на крови стены!» Ну, а если о проклятии не знать, то и не сбудется оно. То каждому ведомо.

Как бы то ни было, никто не срывал на кладбище омелу, не скручивал колечко, не подкрадывался к скале и не смотрел на бушующие волны, чтобы узнать правду. Боялись. А вдруг... Да и зачем проверять самому, что и так известно? Гоже ли сомневаться в том, что тебе деда говаривали? Поэтому жили себе люди, перешёптывались, долгими ночами рассказывали страшные сказки, особенно во время разыгравшейся бури и старались обходить зловещее место стороной. А Скала темнела, как и прежде, как и прежде скрипела ржавая цепь, и всё так же стонал ветер, разбивая волны о гладкий гранит утёса. И всё так же о него билась ветхая бочка в брызгах алой пены. И несокрушимы были стены Кэр-Туира. И крепки чары колдуна-некроманта. И не было дела Эйтерну Мак Хейлину до крестьянских сплетен.

*

Что, страааино? Нее? Ну, прям ни капельки? Скучно? Ладушки! Если честно, мне тоже. А что поделать? Всякая история начинается с легенды, ей же и заканчивается, повелось так. А то, что я не мастерица слова и ёжику понятно. По чистоте языка мне и аканамэ фору даст. Кто? Очаровашка одна заморская, живёт в уборной, питается... А, вообще, фиг с ним, может, встретитесь когда, главное, вы поняли, как трудно, рассказывать, если не знаешь, что хотят услышать. И кто хочет. И, главное, понимают ли. Тут даже заплечных дел мастера красноречие не привьют, не то что профессора риторики. Поэтому я не рассказываю, только говорю. Вы

почувствуете разницу, если, конечно, станете слушать малолетнюю девчонку, которой и нет вовсе...

Ну а нет – бегите дальше, от меня не убудет. В прямом смысле. К этому быстро привыкаешь, когда ты – ничто, просто эфир, которого, кстати, нет тоже. «Ментальному конденсату» жаловаться не пристало. Так что я привыкла.

В общем, я поняла, сказаний вы больше не хотите? Хватило? Ладно. Тогда – про любовь? Про близость, поцелуй? О чём ещё болтать пятнадцатилетней несуществующей соплячке, привязанной к могущественному колдуну. Наверное, вы правы, ведь вы уже познакомились с моим Терри. Хотя, наверное, я не с того начала, Когда-то один Король посоветовал Белому Кролику, которого, как считают некоторые тоже не было, а был лишь мыслеобразный осадок. Так вот монарх объяснил пушистому чердачно - норному ментальному осадку, что начинать всё же лучше с начала. А потом умные и не очень дяденьки всем объяснили, что психотравмы, расстройства и даже мы с Белым Кроликом родом из детства. Поэтому и история Эйтерна МакХейлтина воина, чернокнижника и некроманта должна начаться не с легенды, а за сотни лет и тысячи лиг от Кэр Туира, в гораздо менее суровой стране, неподалёку от побережья Кантабрийского моря в живописной горной долине, в маленьком городишке, которого сейчас на карте и не сыскать. Обитал там вместе с друзьями вихрастый паренёк со странным именем Эйт «Терновник» или просто Терри. Хотя так называть его могла только я.

Ха! Если б он узнал, что я вам тут рассказываю...

Чтобы он сделал? Хм... Он, конечно, мастер выворачивать наизнанку людей и реальность, да и фантазией не обделён, но есть у меня подозрение, что со мной всё же не в силах сладить даже он. Маленький бонус несуществования. Ох, а может и нет бонуса и Терри меня точно убьёт, если узнает, что я тут наболтала... Ну ладно, мне не привыкать. Слушайте... Итак...

Баронесса

Главная улочка Лого дель Лобо, та что тянется от площади к городским воротам, несмотря на грязь и только что кончившийся ливень, наполнилась народом. Главная для Эйта-Терновника, малыша Тевье, Фарфоровой Чари и других жителей «Пристенья» цыган, евреев, хугларов, нищих школяров и преподавателей, тех, что предпочли городок университетской общине, ну и «признанных» нищих, которых, впрочем, в городе почти не было. Всё-таки не Мадрид. И не потому что все жили богато, просто милостыню в «Пристенье» давать было нечем, а от замка барона, возвышающегося на горе, попрошаек городская стража гнала нещадно. Поэтому люди предпочитали работать... или воровать. Чари Сегри сейчас занималась вторым. Сначала Эйт сидел на надколотой чурке примостившись рядом с другом. Тевье ха-Леви, по кличке Тяф-Тяф, прикрыв от солнца глаза длинной рыжей чёлкой, по обыкновению вырезал очередную куколку из подвернувшейся деревяшки. Только что вместе с другими зеваками, они, приоткрыв рот, глазели на то, какие чудеса их подруга выделявает с тремя яблоками на бревне, водружённом на козлах. Гуттаперчевая цыганочка, египтянка, как она себя называла, во внешности которой цыганского было на ресничку из воробьиного пёрышка, готовилась к представлению в городском саду в честь именин юной баронессы. Хуглары, актёры не прогадали, решив задержаться в городе. С тех пор, как епископ Родриго основал Университет, а в Лого дель Лобо, перевалив Пиренеи, обосновался барон ДАльбре с дочерью, город распух словно бутон по весне и готов был лопнуть. Но вот только Эйт

сомневался, что в результате на свет появится прекрасный цветок. Мэтр Скварчиаре, его учитель, сказал бы, что из почки выйдет только желчь... Хотя... глядя как танцует Чарита, хотелось думать лишь о цветах. Нет, Эйт понимал, что лукавит... не только о цветах... Но, несмотря на это, с появлением кареты, из зрителей у белокурой, голубоглазой «египтянки», кроме вихрастого школяра, да мелкого резчика остались лишь два поросёнка, расположившиеся в луже, и выводок радостно пищущих цыплят во главе с кудахчущей мамашей. Диспозиция изменилась. Малышня со свистом и гиканьем понеслась разгонять живность с улицы. Свиньи, получив пинка и высказав всё что думают о людях возмущённым хрюканьем, понимали, что место лучше уступить. Гуси, подобно сказочным василискам, шипели и гнались за своими обидчиками, но цель была достигнута – путь для кареты с алым гербом и лилиями на синем фоне расчищен. Пара андалузских лошадей, белоснежных красавиц, созданных для верховой езды и боя, а ныне скованные упряжью, как рабы цепями на галерах, обречённо тащили по морю из грязи и навоза громоздкую колоду гербовой кареты. Позади, видимо соперееживая сёстрам, понурил голову брела третья. С алой попоной, осёдланная. Видимо, юная баронесса собралась на верховую прогулку, но дождь заставил укрыться в карете.

Вокруг толпа зевак месила эту же грязь, распозаясь, занимая место согнанных свиней. И те могли чувствовать себя отомщёнными, их обидчиков точно так же разгоняли возница криками и щёлканьем кнута и молодой красавец, гарцующий на гнедом жеребце вокруг кареты. Эйт знал его. Дон Альваро. Молодой идальго-южанин, как и многие застрявший в Лаго дель Лобо, за несколько месяцев очень уж проворно вскарабкался по служебной лестнице аж до начальника стражи при бароне. Как? Среди студентов ходили слухи, и глядя на молодого красавца и учитывая одиночество баронессы их даже можно было считать обоснованными, но Эйт предпочитал списывать сплетни на глупую юношескую ревность школяров. Мадлен Застенчивую, молодую баронессу, обожали все студенты. Она стала королевой искусств в Лаго дель Лобо. Поэты, музыканты, художники осаждали замок барона. Устраивали турниры, воспевая красоту своей прекрасной покровительницы. Барон по просьбе дочери распорядился построить коралле, гостинный двор для актёров. Эйт хоть и числился на факультете свободных искусств, но талантами к стихосложению не обладал. Да и мэтр Скварчиаре с него шкуру бы спустил, напиши он хоть строчку о любви. Поэтому даже Чари обходилась без серенад. Хотя, нет, конечно, Тевье Ха-Леви наверняка переплюнул всех придворных трубадуров. Если уж не по качеству любовных баллад, то по количеству точно.

Чарита, тоже заинтересовавшаяся суматохой, оседлала бревно и вгрызлась в яблоко, ловко перекинув своим друзьям – «вороньятам» два оставшихся. С озорным любопытством оглядела толпу, подмигнув Эйту, по-кошачьи облизнулась и мягко прыгнула на землю. Тёрн скривился и толкнул друга в плечо, кивнув на девушку, которая, завернувшись в тёмный плащ, уже скользила среди зевак. Тевье лишь пожал плечами, не отрываясь от своей куколки. Оба парня не любили, когда Чарита воровала, но поделаться ничего не могли. Для неё то была игра. Вообще для сколоченной ей банды «белых воронят» в лице Чари, Эйта и Тевье вся жизнь была игрой. А отобрать любимую игрушку у тигрицы мало кому по силам. Чарита вышла на охоту. Но добычей служили не деньги. Их она зарабатывала кровью, потом, адскими тренировками, смертельными номерами, а сейчас Каридад оттачивала ловкость, оттягивалась, поднимая настроение. Кошельки она не брала, ну или только у тех, кому они явно оттягивали пояс. Но таковых в этой части Лого дель Лобо почти не наблюдалось. Так что попасть в лапы альгвасила, который доставит её прямиком на виселицу, Чари тут не грозило. Чарита оказалась на вершине пищевой цепочки. Охотилась она, но никак не на неё. Всю свою добычу: леденцы, скомканные фантики, носовые платки, зеркальца, ленточки, складные ножи, которые так обожал Тяф-Тяф и срезанные цветастые куски одежды, Чари с гордостью вручала Тевье. Как кошка,

волокущая пойманную мышь на постель хозяев. Деревянными куколками тоже нужны красивые платья.

Единый «вах!» толпы, «хрясть» кареты и отборнейший мат возницы – заставляли предположить, что по курсу следования её милости баронессы возникли непредвиденные затруднения. Даже Эйт и Тевье вытянув шеи поднялись с насиженных мест. «Непредвиденные затруднения» проявились в виде заехавшего в размытую колдобину и слетевшего к чертям собачьим с оси колеса, если верить ответу возницы высунувшейся из окна дуэнье. Эйт предпочёл бы увидеть личико юной баронессы, о котором наслушался столько рассказов, а не пожилой матроны с лицом и манерами кухарки, если судить по её ответу хлюпающему по колену в грязи кучеру... Шторка на дверцы со стороны баронессы лишь слегка шевельнулась. Видимо не зря её прозвали Застенчивой. Эйт вздохнул, но всё же подошёл поближе. Любопытство чертовски заразная штука. Возница покорячился у накренившейся кареты и беспомощно развёл руками. Настала очередь выругаться сеньору Альваро.

– Эй вы! – гаркнул он, ни к кому отдельно не обращаясь. – Живо поднимали карету. А ты, болван, насаживай колесо обратно.

Люди восприняли призыв без излишнего энтузиазма. Проще говоря, никто не двинулся с места.

– Эй, вшивые, вы с первого раза не поняли?

Глаза дона Альваро метали молнии.

– Кнутом поторопить, отребье?!

Эйту происходящее не нравилось всё больше. Пылкие южные манеры начальника стражи тут на севере грозили превратить обычную фарсовую сценку в трагический этюд.

Эйт разглядел, как в руке Стервятника однорукого вора из Барселоны, который учил Эйта и Тевье обращению с ножом, сверкнула наваха. Бывший наёмник с двумя пальцами вместо пяти на левой руке по кличке Краб правой поднял увесистый камень. У мясника Чино в кулаке вдруг оказался зажат тесак. И даже нищий-инвалид Скабелло как-то чуть иначе ухватил свой костыль. М-да. Северяне остались неподвластны маврам явно не из-за своего кроткого нрава. Дон Альваро нужно это было учесть, прежде чем в него прилетело пущенное с удивительной меткостью свежее конское яблоко. Месть за измученных лошадок. У Эйта сразу появились подозреваемые на примете. Верне одна. Как и у Тевье.

Альваро взревел, а в толпе раздался хохот. Мальцы подхватили предложенную игру.

– Господи! что она делает, – зашипел Тевье! – нас же потопчут или порубят!

– Умничка! – восхищённо прошептал Эйт, – Никого он один не потопчет. А его бы на вилы подняли и вот тогда бы точно всех положили. Так что она не только жизнь этому франту спасла, нам всем. Чари настрой толпы, как акула кровь чувствует. Смотри, сейчас хохочут все, а миг назад ему брюхо вспороть готовы были. Даже ты свой ножичек пудобнее перехватил.

Тевье хмыкнул и торопливо спрятал нож в карман.

Перед доном Альваро стоял жуткий выбор оставить свою подопечную и под хохот и свист умчаться за подмогой. Либо, потакая гордости, ринуться в бой, подвергнув опасности жизнь баронессы, заодно лишившись своей. Начальник стражи полным дураком всё же не был. Смекнул, что герой, измазанный говном при любом раскладе уже и не герой вроде, да и баронессе, собственно ничего кроме его присутствия, не угрожало. Да и представать перед глазами её милости в нынешнем виде дону Альваро явно не улыбалось. Поэтому, крикнув вознице и дуэнье, что сейчас приведёт помощь, кабальеро хлестнул коня, вымещая весь гнев на бедном животном и унёсся по направлению к замку. Торжественный клич победителей, главным образом состоящий из матерных шуток, свиста

и хохота разнёсся над «Пристеньем». Под эти сомнительные овации на грязе-навозную «сцену» выступила Чари.

– Сеньоры и сеньориты! – звонко крикнула она, – в виду неоспоримой победы конского дерьма над дерьмом конным предлагаю вам принять участие в уникальном, азартном аттракционе «грязное энсьерро». Грязное во всех смыслах, поэтому милым дамам я советую запастись мылом, терпением и скалками... – Чари, под одобрительный смех и свист, сбросила плащ, оставшись в тонких шоссах из лосиной кожи и короткой тунике, перехваченной широким поясом-корсетом.

– Итак, игра, которая развивает реакцию и...

– ...усиливает потенцию! – выкрикнул кто-то из толпы.

Оценив шутку и приняв спорный комплимент (к такому она была привычна) что, между прочим до дрожи коробило Эйта, Чари изящно поклонилась и продолжила:

... и может принести неплохой доход. Победитель получает всё! И один реал сверху, от меня лично! – Монетка взлетела с ладони девушки, описала дугу и исчезла, казалось прямо в воздухе, – А по сему, мне нужен распорядитель аукциона. Мэтр Скабелло, пожалуйста, сделайте честь, станьте нашим казначеем.

– Я? – заикаясь переспросил нищий? – П-почему?

– П-потому, что вы кристальной честноты человек, – засмеялась Чари, – и сохранили мою монетку.

– К-какую монетку?

– Вот эту, – девушка мягко скользнула к нему и погладила по руке, в которой он держал костыль, – разожмите ладонь.

В заскорузлых пальцах нищего сверкнул реал.

– Н-но я не брал, твоей монетки, девочка! Клянусь! – Под общий хохот стал отнекиваться Скабелло

Чарита мило улыбнулась:

– Это вам за труды, дон Скабелло. Вы ведь наш казначей. У вас есть сума, вы определяете номинал монетки по звуку и, главное...

– Я ч-честный?

– ... вы не убежите!

Снова хохот. Представление явно пользовалось успехом, но для чего Чари всё это затеяла, Эйт не понимал. Явно, не только для наживы.

Голос и движения девушки завораживали. Стала видна разницу между тренировкой и выступлением. Сейчас бы даже громыхающая кавалькада с королём во главе не заставила людей отвернуться. О карете они забыли и думать.

– У нас не коррида, я не тореро! Поэтому не бойтесь, бычки, шпаг не будет, но и вы свои не выставляйте напоказ! На всякий случай я завязываю глаза.

Девушка взмахнула рукой, прямо из воздуха доставая белоснежный платок, – Тут уж без трюков. Можете проверить сами, сквозь него ничего не видно.

Чари поправила волосы и сложив платок несколько раз плотно завязала глаза.

– Ну-ка , малышня, раскрутите меня. Хватайтесь за руки иииии... раз-два-три полетели... – и цыганочка закружила с вопящими от восторга мальцами по улице. Всё быстрее-быстрее... Крепче держитесь! – закричала она, когда ноги ребятишек под счастливый визг оторвались от земли, разбрызгивая грязь по всей «арене». Эйт невольно улыбнулся.

– Всё, мелкие, брысь. Не путаться под ногами! – дыхание Чари даже не сбилось, – Итак, почтеннейшая публика, пожалуйста вокруг. А самый смелый –добро пожаловать на арену. Не забудьте о возможной награде! Я готова, сеньоры. – Девушка развела руки, – Кто первый? Задача боевого быка та же что и в энсьерро – поднять меня на рога, затоптать.

Успокойтесь, милые дамы, это не эфемеризм, не красивая фигура речи, за которой кроется, нечто постыдное. Ни в коем разе, уверяю. Я скромная девушка, и строгий хозяин вынужден будет меня отодрать, если я посмею намекнуть на что-то подобное.

Громкий хохот подтвердил исключительную заинтересованность в аттракционе мужской части аудитории.

– «Быку» требуется меня схватить, ничего более. Есть кто смелый?

– А, чо, я согласный! Моя краля меня как раз «бычарой» кличет. Могу показать за что, – Вперёд вышел здоровенный мужик. Бочкарь по кличке Скрепень, – Ха! Мне девка сама ещё никогда не предлагала, чтоб я её ухватил. Да ещё за деньгу.

– Не удивлена, – улыбнулась Чари – И, похоже, сей прискорбный факт останется неизменным. Во всяком случае сегодня. Я не предлагаю ухватить. Я паредлагаю попробовать. И, думаю, сейчас вы почувствуете разницу. У «быка» три попытки! Что ж, делаем ставки, кабальеро, делаем ставки.

И тут Эйт всё понял и с неохотой выскользнул из толпы. Быстрее, пока «кабальеро» не до баронессы. Чари специально отвлекала именно мужиков, чтоб они выпустили пар, поэтому и затеяла это пошлое игрище, понимая, что одним навозом да смехом обиду не загладишь. Француженку надо отсюда убирать, пока дон Альваро не вернулся со стражей. Но как же Чари? Если вдуматься, её аттракцион был опаснее и корриды и энсьерро вместе взятых. Эйт Оглянулся. Скрепень расставив сои огромные лапищи приближался к Чари. Огромный медведь против беленького замершего зайчонка... Эйт собрался было рвануть назад, но вдали у покосившихся ворот заметил отца Чари, хозяина актёрской труппы, потрясающего жонглёра и метателя ножей Стево Тобара, а за его спиной огромную немую скалу – силача Пешо Палли, по кличке «Питти» что, собственно и значит-скала. Эйт облегчённо вздохнул. За безопасность Чари теперь можно было не переживать. Он быстро зашагал к карете. Возница, привстав на козлах силился рассмотреть происходящее на «арене». Эйт безнаказанно прошмыгнул к дверце, провалившись чуть ли не по колено в яму, в которой и отлетело злополучное колесо и тихонько поскрёбся в окно. Узорная занавеска отодвинулась и Эйт отпрянул, едва не сев в лужу.

За окном мелькнул голый безносый череп с чёрными провалами глазниц и окровавленным ртом... Лишь мгновение спустя, Эйт понял, что это всего лишь костяная маска, а губы просто ярко накрашены. Будь проклята эта французская мода! И ещё он понял, что владелица маски обладает завораживающе огромными, карими глазами. По выражению коих было неясно, кто же испугался больше. Эйт или юная баронесса. Вспомнилось, за что её прозвали Застенчивой. Девушка очень редко показывалась на людях с открытым лицом. Ходили слухе и об уродстве и о проказе, но сошлись все на застенчивом нраве. Хоть и были счастливицы среди студентов, которым якобы довелось узреть Мадлен без масок, но это всегда были «друзья моего друга» рассказывающие о невероятной красоте юной француженки.

Эйт поскрёбся ещё раз. Занавеска снова отодвинулась, на этот раз шире. В глазах девушки читался уже не ужас, а скорее любопытство. Яркие губы дрогнули в робкой, вежливой улыбке:

– Да, юноша...

– Ми... – начал Эйт но в горле пересохло и вырвался какой-то мышинный писк. Он никогда не умел разговаривать с девушками.

Ободряющий кивок маски по логике должен был придать уверенности. Придал.

– Миии... – снова запищал он, на этот раз гораздо громче и решительнее, но отчего-то чувствую, что любопытство во взоре баронессы вполне закономерно сменяется недоумением.

Эйт прокашлялся и выдохнул

– Ми..лая...вы и я... – и замер сам ошалев.

Глаза девушки распахнулись так, что стали шире прорезей в маске...

– Что вы себе позволяете, юноша?!

– Милостивая, – выдавил Эйт с третьей попытки, – Милостивая государыня, во избежание дальнейших эксцессов... вам было бы лучше... чтоб я взял вас прямо сейчас, пока никто не смотрит и...

– Пожалуйста, оставьте меня в покое! Я сейчас закричу!

«Боже!» – застонал про себя Эйт, заметив округлившиеся от ужаса глаза француженки и побелевшие щёки. Отступил на шаг, чертыхнулся и рывком распахнул дверь. Подхватил завизжавшую девушку на руки и вытащил из кареты. Вопль дуэньи и мат возницы служили славным аккомпанементом похищению.

Эйт выбрался из лужи и направился к осёдланной лошади, стараясь не уронить брыкающуюся баронессу. Она оказалась лёгонькой, вряд ли тяжелее Чари. И такой же решительной. Эйт возблагодарил провидение за то, что тонкие пальцы девушки обтягивала кожа перчаток иначе она бы расцарапала ему всё лицо, а то и оставила без глаз. А так, лишившись пары своих вихров, он благополучно подсадил её в седло и отвязал поводья от кареты.

– Пожалуйста уезжайте, и не держите на нас зла. Простите и не позволяйте дону Альваро отомстить. Это хорошие люди, поверьте. В большинстве. Только, всем нам не очень повезло.

Эйт торопливо отошёл на шаг назад, опасаясь, как бы острый каблук на сапожке не распорол ему лицо, если девушка всё же решит его пнуть. Но она не пинала, лишь как-то странно смотрела на него сверху вниз с высоты седла.

–Ну, некоторым, видимо, повезло чуть больше остальных... А вы смелый юноша и благородный, – вдруг проговорила она, – вам повезло, что Альваро здесь нет. Он бы вас зарубил.

– Именно за это?

Красные губы улыбнулись, на сей раз искренне, обнажив жемчуг зубов:

–И никак иначе. Спасибо, юноша. Я не забуду. И вот, купите своей невесте, что-нибудь красивое. А то она волком смотрит на меня. Мне становится страшно, и я невольно начинаю верить в местные сказки о чудовище из лагуны.

В воздухе как несколькими мгновениями раньше сверкнула монета. Только блеск на сей раз был золотым, и она не исчезла, а благополучно шлёпнулась в ладонь Эйта.

– Я буду рада, если вы навестите меня в замке. Только не зовите меня милой. Хотя бы при папе. Он не так поймёт. Для начала просто – Мадлен. Золотая середина между «милой» и «милостивой». А как ваше имя, юноша?

– Э-э... Эй-тт... – запинаясь произнёс Эйт, ошалев от такого поворота.

– Эй-Ты? – бровь девушки удивлённо и чуть насмешливо изогнулась. Я решила, по вашим манерам, что вы цените себя выше. Что ж, Эй-Ты, странный юноша, до свидания. Я буду ждать, – баронесса тронула каблучком лошадь, а Эйт остался стоять, по колено в грязи, разинув рот и сжимая в кулаке золотой эскудо.

*

Гуаха

Что ж, знати не стоит верить. Чари это повторяла не раз, хохоча над его историей. Так и вышло, баронесса его не дождалась. С месяц назад чёрной тенью поползла по улочкам Лого дель Лобо весть о её болезни. А вчера девушки не стало. Траурным покрывалом опустилась ночь на город и башни Университета. Тёплая ночь. Такая как была

сама Мадлен. Хотя... если без поэзии – то Эускал Эрриа вообще не скупится на жаркие ночи. Пиренеи надёжно укрывают долины от ветра, а тёплое ночное дыхание Кантабрийского моря каким-то чудом ощущается даже здесь у стен Университета.

Но эта теплота не распространяется на незваных гостей. Плач Роландова рога, что бьётся эхом в ущелье Ронсевала – вечный тому свидетель. А двое мальчишек с заступом и лопатой явно относились к этой категории. Но Эйт выполнил обещание. Он пришёл и вот вместе с Тевье стоял у зева Волчьей пещеры, так внезапно превратившейся в склеп, по прихоти, вернее, согласно последнему волеизъявлению почившей дочери барона. Им было страшно. Но кто бы их стал за это винить? Ведь грязные от могильной земли пальцы торопливо засунутые в рот для предостерегающего свиста не сравнятся с Олифаном и не призвут на помощь войско Великого Карла. И «чёрная» или попросту навозная лопата, зажатая в худых ручонках – увы, не Дюрандаль. Да что лукавить, ни один из парнишек на маркграфа Бретонской марки тоже не тянул. Оба тощие, чумазые, только один высокий с тёмной копной спутанных волос, а другой рыжеватый бойкий коротыш.

– Я за тобой Тяф, пошли, Полночь. Пора уже.

– Эйт, жутко мне чего-то, может не надо, а? – голос Тевье дрожал и скорее всего не от холода.

– Не скули, Тяф! Не оправдывай прозвище! Думаешь мне всё это нравится? – Эйт говорил отрывисто, с жаром, явно пытаюсь убедить в чём-то своего поделельника, – Думаешь я постоянно вытаскиваю трупы из гробов? Что я ресуситар какой проклятый? Воскрешатель?

– А то нет!!! – рыжий сплюнул через плечо и сложил грязные пальцы в каком-то замысловатом знаке оберега, – То ли я не знаю, чем твой мастер занимается, о чём лекции в Университете читает. Анатом он. Людей тайком и чекрыжит.

– Не людей, балбес, а... – Эйт споткнулся и замолчал, – ладно, но тебя я хоть раз втягивал в дела мэтра Скварчиаре?

– Сегодня, Тёрн! Вот сейчас прямо! И не только меня! А вдруг...

– Не бывает «вдруг», Тяф. Любое «вдруг» это ошибка. Отступление от плана. Как говорит мэтр Скварчиаре. А мы всё продумали. Не ошибёмся. И потом, не сдюжил бы я один, ты же знаешь.

– Не один, со мной, но... mierda... нас же повесят, если узнают. Всех!!! Понимаешь?

– Хватит! Пошли, не надо её надолго оставлять, – Эйт пригнулся и шагнул в темноту пещеры.

–... отдадут Святым Жандармам, – не унимался Тевье.

– Ага! Сам Железный Герцог за тобой приедет.

– А вдруг? Ну а коли нет, для наших шей и местной пеньки хватит с приказом алькальда. Барон не смилует. Мы ж оскверним... Его дочь...

– Тяф! Кого ты осквернять собрался? Ты что несёшь?! – Эйт остановился так резко, что Тевье налетел на него и совсем по-детски ойкнул.

– Ну, не дочь. Могила, – угрюмо пробурчал он, потирая, ушибленный локоть, – Пристанище последнее. Её же душа мытарствовать будет, коли места не найдёт. Мне дедушка говорил, что если душа покоя не найдёт, то и диббук явиться может.

– Тяф, ну какой диббук?! Это ваши страшилки, она христианкой была. Невинная душа, добрая, поэтому Господь к себе и призвал.

– Еретичкой она была! – если Тевье что-то вбил себе в голову, то его уже не остановить. Эйт это знал и только тяжело вздохнул.

– Не начинай, пожалуйста. И плохо о сеньорите Мадлен тоже не говори. Тем более у тела её.

– Я не плохо, я правду! Она ж из Франции с отцом приехала в нашу дыру, чтоб схоронится, когда там еретиков резать начали.

– Не брешь о том, чего не знаешь. Не люблю я этого.

– Ладно, А чего ж её не по-христиански, не по-людски, не в церкви похоронили, а тут. В пещере этой проклятой?

– Она просила. Барон не смог отказать.

– Ха! Просила! Руки она на себя наложила! – Тевье заводился всё больше. Барон её замуж выдать решил, а она Альваро шибко любила. Не смогла без него.

Эйт не перебивал. Эту версию он уже слышал. Школяры шушукались по углам. История трагичной любви стала финальной строкой в венке сонетов, в выдуманной сказке несчастной Мадлен. Никого не волновало, что девушка месяц кашляла кровью, что только за неделю до смерти ей стало лучше. Эйт понимал, почему Тевье злится. Ему и самому было страшно, а гнев порой вытесняет страх. Сейчас бы это пришлось даже кстати,

– Самоубийца, – не унимался рыжий, – вот её за оградой и хотели зарыть. Падре не позволил телом грешницы да блудницы святую землю запятнать.

Эйт скрипнул зубами, нащупал в кармане золотой эскудо и сжал монету так что края врезались в ладонь. Слишком долго он знал Тяфа. Парнишка хоть и поносил грязью всех вокруг, но был добрым и отходчивым, а за грубостью прятал слишком мягкое сердце. Иначе было не прожить. Собственно, поэтому Чари его и прозвала Тяф-тяфом. Не судти, да не судим будешь. Ведь и сам Эйт получил прозвище Терновник не только из-за густых непослушных волос. Поэтому сдержался. Только тихо проговорил:

– Зря ты про блудницу-то. Чистая она была. Непорочная. А то что по французской моде одевалась, так понять можно. Хоть какая-то отрада ей в нашей глуши. Как птичка в клетке. Ну и то что все школяры с факультета свободных искусств в неё влюблены были тоже ясно. И хвастались, кто больше наврёт. Но её имени это не марает. Так что и ты не лай её.

Тевье и сам понял, что палку перегнул.

– Да я ж не о ней плохо. Я к тому, что боязно, что разозлим её, коли потревожим. Одно дело, когда добрая христианка в святой земле покойся. И Ангелы её душу уже прибрали. И совсем иное, если душа в теле грешном, блудном застряла...

– Заткнись ты уже! – взорвался Эйт – Мертва она, понимаешь? Обычное холодное тело, труп! Ты сам видел! Идём! Или если хочешь оставайся здесь, один, раз решил всё бросить! Вообще, я зря за тобой поднимался. Её одну оставил.

– Не брошу я никого, – пробурчал Тяф, – Идём.

Свет от двух фонарей почти не освещал огромной пещеры. Только резной саркофаг в центре. В ритме русалочьих напевов Волчьего озера колебались и тени. Казалось, они играют, то подползая, хватая парнишек за ноги, то резко отскакивая назад, прижимаясь к каменным сводам. Тевье дрожал, переводя взгляд с саркофага на дубовый гроб у стены в дальней части пещеры оббитый черно-белым бархатом отличавшейся от тёмных камней лишь своими зловещими очертаниями. Именно в нем Мадлен совершила путь к своему последнему дому. Послышался лёгкий глухой стук, от которого вздрогнул даже Эйт.

– Тяф, это капли, – Эйт взял друга за худенькое плечо. – Я проверял. Капли со свода пещеры упали на гробовую крышку. Возьми себя в руки, Тяф! Всё хорошо будет. Нам нужно дождаться утра и всё.

– Вот именно. Но как его дождёшься? – буркнул Тевье и, словно буквально восприняв слова друга, обхватил себя руками за плечи, чтоб унять дрожь.

Эйт опустился на колени, положил сначала руки, а потом и голову, на крышку саркофага. Тихо прошептал:

– Не знаю, слышишь ли ты меня, но не бойся, девочка, мы рядом. Ты не одна. Хотя, что я говорю, ты смелая, ты ничего не боишься. Что тебе темнота. Ты ведь паришь среди

звёзд. Ты сама как прекрасная звезда. Прости, что я не решался сказать тебе это раньше. Сейчас уже поздно, я понимаю. Ничего не изменить. Но ведь могло быть иначе, если бы я... был смелее, решительнее хотя бы на один взмах твоих ресниц, – Эйт на миг замолчал, Его голос дрогнул, – Твой взгляд. Он преследует меня ночами, я захлёбываюсь, тону и просыпаюсь в слезах. Господи, как мне стыдно, что я оказался таким трусом. Но кто ты и кто я? Но что бы я мог тебе сказать? Весь мир у твоих ног. Все заворожённо замолкают стоит тебе повести бровью. Что я бы тебе предложил. Нищий школяр на побегушках у старого анатома. Ты была для меня чем- о недостижимым. То, чего хочется, но никогда не получить. Как солнце Можно смотреть, но недолго – и оно, хоть далеко, но всегда рядом, всегда согреет. А сейчас опустилась ночь, – Эйт шмыгнул носом и вытер глаза, – Милая, прости меня, если сможешь. Я отпускаю тебя! Лети. Тебя здесь ничего не должно держать. Даже моя лю...

– Эйт! – Зашипел Тевье, – Там... там свет и голоса. Кто-то идёт!

– Ковырялку свою перочинную убери, балбес! – Эйт вскочил на ноги, – Если это Сип и его прихвостни нас на ломти порежут. Особенно здесь. Вон и озеро рядом. Проклятие! Мэтр Скварчиаре правильно опасался! Всё же решились выкрасть её тело. Твари! Так, – Эйт глубоко вздохнул.

Тевье неуверенно сложил нож и сунул в карман, – Но может тогда лучше спрятаться иии... Забрали бы её и всё! Тебе-то какое дело? Герой любовник. Неет, теперь всех порешат!

– Тсс! Тихо!

Свет факелов приближался. Тени тут же ухватились за новую игрушку.

Но пришлецов напугать не смогли. В данном случае вино оказался действенным лекарством против страха. Да и вообще, как вполне резонно считал Эйт «воскрешателей», из компашки Васко Эрреры тенями не проймёшь. Как и увещеваниями. Похитители трупов не больно-таки чувствительны и сентиментальны. Единственно, чего не мог понять Эйт, почему тяжесть последней стражи выпала на его долю. Почему барон не оставил тут солдат? Днём они были, ночью ушли. Что за дурь? Если Альваро её любил, зачем увёл солдат? Не мог же быть таким ослом. Хотя... наверное, мог.

Наклонив голову, в пещеру вошёл Сип, а за ним ещё двое. Эйт знал и их тоже. Крысоед – мелкий, меньше Тевье, полубезумный злобный гад, которого мог удержать на привязи только сам Эррера. И Тупой Курро, в общем-то неплохой, даже добродушный увалень, который безумно любил кукольные спектакли Тевье, хлопал, смеялся и плакал, но если Васко прикажет сломать хребет Тяфу – сломает не задумываясь... ну, на то и Тупой. Глупый, сильный и верный.

Эйт сжав кулаки, не для воинственности, а лишь бы унять дрожь шагнул вперёд. Тевье держался позади, прикрывая то ли спину друга, то ли саркофаг. Руку он не вынимал из кармана. Тевье ха-Леви, домашний мальчонка, внук раввина, кукольник. Из друзей танцорка да школяр, куда ему со своим перочинным ножиком против Сипа. Васко Эррера по кличке Сип – что тень коршуна для резвящихся на дворе цыплят. Весь молодняк испытывал перед ним благоговейный ужас. Во-первых он был старше. Лет восемнадцати. Во-вторых, здоров как буйвол. Ростом с Эйта, но раза в два шире. В - третьих, его украшал шрам, тянувшийся через всё лицо. Говаривали, что он получил его в ножевой драке в пригороде Цветов полулегальном, борделе, на полпути между городом и Университетом. Да и само пребывание Васко Эрреры в этом «элитном» закрытом для молодняка районе возносило его на недостижимую высоту. И вот сейчас кумир и ужас городских мальчишек стоял перед Эйтом. Ну или Эйт перед ним. Невозможно было разобрать, когда Сип

улыбается. Может и к лучшему. Шрам на щеке стягивал угол рта вверх украсив лицо Васко вечной усмешкой.

– Я не буду спрашивать, что вы здесь делаете. Навозному жуку ясно.

«Самокритично, – хмыкнул про себя Эйт, – и, главное, в точку» но в слух сказать ничего не решился.

– И для вас это вдвойне плохо. Потому как, выходит, вы, вороньё белопузое, решили обскакать меня. И вопрос был только во времени. Не успели.

– Сип, на перо их? А то заложат. Это ж не нищяя мертвячка – баронская дочка. За неё всех... – Крысоед скривил тощую шею и вывалил язык.

– Вот именно, дурень, что всех! – Эйт старался говорить спокойно, – Мы – не исключение. Слышь, Сип, я вот чего предлагаю. Позволь нам оттащить её к Скварчиаре. Это учитель мой. А потом у него вы её уже и умыкнёте. Делов-то час подождать, а перед бароном чисты. Вина на нас. Мы девчонку из гроба вынули.

– Васко, мутит он! Два сопляка, порежем и всё.

– Цыц, Крыса! Не шурши! Знаю я старика Скварчире. Хорошо знаю. И тебя, длинный, с ним видал. На побегушках ты у него, верно. Не думал, что созреешь для такой работы. Хлипкий. У школяров всегда кишка тонка для этих дел, – Сип презрительно сплюнул, под ноги Эйту, – Похоже Скварчиаре совсем на мели, раз тебя подрядил, со мной не поговорив. Или мозги поплыли. Хотя... цену бы всё равно не перебил. Ладно, жердь. Ты дело говоришь. Только беда в том, что мы уже тут и кто баронесске первым титечки мям из гроба вытаскивая, алькальда волновать не будет.

– Сип! Не слушай его! – Тяф вырвался вперёд, – Забирай французску! Только, слышь, голову ей сначала отрежь. Ступни отруби ну или пятки, там, располосуй и щетины насыпь...

Эррера даже отпрянул.

– Таракан, ты кто такой? Чего несёшь? Я сейчас тебе пятки располосую, чтоб не прыгал так.

– Это кукольник, – пробасил Курро, – внучонок раввинский. Смешной.

– Дерьмово, хмыкнул Сип, – из общины трогать кого – себе дороже. Так, мелкопузые. Сдригнули отсюда. Если хоть слушок обо мне пойдёт – выпотрошу обоих, усекли? Панчо, открывай крышку.

– Погоди, Сип, – Тевье едва не вис на руке верзилы, – ты ж слыхал про Волка из Лагуны, того что девок в Цветочном городке рвал. Сказывали тогда ещё что монстр это, а не человек.

– Ну...

– Так тогда же было. Дед говорил, похоронили нехристя – колдуна за оградой кладбищенской. Он и вышел мстить. А сейчас она!

– И я слыхал, – кивнул Курро, – тогда ещё могилу разрыли, а она пуста.

– Ну и что что пуста? – хмыкнул Сип, – И тогда анатомы были, что добру пропадать. Да и то колдун-нехристь, а тут дочка баронская. Вышвырни их, Курро, и открывай домовину.

– Ты не понимаешь! – завизжал Тевье, – Ведьма это французская, ворожея! Обольстила всех а потом отравилась – душу дьяволу продала. Последнюю жертву принесла, чтоб он волю её исполнил. Отомстить всем обещалась. Откроете саркофаг беды начнутся. Кол в сердце ей сначала, а потом волоките куда хотите. Ну не убудет же от вас! А так ночами приходить начнёт, в могилу сведёт! Сначала нас всех, а потом за других возьмётся! Сами боитесь, дайте мне, что ли! Я ей сухожилия подрежу.

– Слышь, приткий, ты-то это всё откуда знаешь, чай не сидел под подолом у французки, когда она чародейство творила. А люди ещё не такого набрешут. – в голосе Васко слышалось сомнение, то ли в словах Тевье, то ли в собственных планах.

– Так, когда ей совсем худо стало, – барон всех целителей звал и моего деда первым, – затараторил Тевье, – он и видел, как демон прелюбодейницу эту юную терзал, ломал просто, все кости выкручивал. А она кровью харкала и проклятья слала. Страшно до одури. Кричала, что смерть – не конец. И что всё равно с любимым будет. Дед барону сказал, что одержима она и демона сперва изгнать надо, запечатать, а после хоронить только, иначе не найдёт еретичка покоя, да ещё в чужой земле... Падре тоже всё знал, отказался её в церковь-то...

– Заткнись! – взревел Эйт и толкнул Тевье так, – что бедняга отлетел к самому гробу – Никто к ней не подойдёт! Никто её не тронет! Иначе клянусь, сдохнете все! Сип, ты знаешь, кто такой Скварчиаре? Что о нём говорят. А зачем ему трупы, думал? Что он с ними делает? Не анатом он! Некромант. Чернокнижник. От инквизиции сбежал. А я сколько лет я у него учился, знаешь? И что, решили, что впустую? Мёртвые могут за себя отомстить! Про волка рыжий правду сказал. Только вот не сам он из могилы встал. Подняли его. Я то же сделаю если вы хоть на шаг к Мадлен приблизитесь. Ну-ка толстый, отошёл! Ты первый будешь!

– Щенок! – заорал Эррера, мне угрожать вздумал? Поперёк становится? – удар кулака опрокинул Эйта на землю, – Некроман, хренов! Курро, открывай чёртов саркофаг. Крыса, рыпнется – режь, но не наглухо, а то со Скварчиаре не расплачусь! А ты, таракан, раз вызвался, – Сип повернулся к Тевье, – вынимай нож – и горло ей, от уха до уха, пока Курро крышку держит. Голову пилить долго, – Сип усмехнулся, – думаю и этого хватит.

Тевье побледнел, но вытащил нож и шагнул к саркофагу.

Эйт жутко ухмыльнулся разбитым ртом, сплюнул кровь прямо на ноги Крысоеду и забормотал:

– Nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege, nullum crimen sine poena legāli

– Пасть закрой! – взвыл тощий, вытаращив глаза, – порешу же!

Aequam memento rebus in arduis servare mentem...

Дальше произошло жуткое. Тяжело рухнула на землю крышка. Завопил. Вернее, заблеял странно и дико, попятился назад, тыча рукой в открытый гроб.

– Что там, толстый, – Крысоед, не знал, что делать, то ли заткнуть Эйта, то ли бросится наутёк.

– Т-т-там – икал Курро – к-к-кровь изо рта у неё и глаза чёрные... гуаха это! Кровосос! – он завыл, когда за край саркофага ухватилась белая тонкая девичья рука с длинными когтями.

Закричали все. Потому как дальше всё происходило совсем не как в старых страшных сказках о мёртвых, но прекрасных принцессах. Не поднимался величественно из труп Мадлен, не сидел в нём, медленно обводя склеп невидящим взором, позволяя насладиться производимым эффектом, успеть почувствовать обволакивающий страх, ну или, в конце концов, убежать.

Тварь вылетела из саркофага мягко, по кошачьи приземлившись на все четыре лапы... Человеческого в её облике почти не осталось. Только лицо обезображенное жуткими чёрными глазами и окровавленными клыками, почти до подбородка. Тевье говорил правду... руки и ноги существа гнулись в любую сторону под неестественным углами, будто суставы вывернули, а кости переломали. Тварь жутко зашипела на

светильник у сброшенной крышки и прыгнула в темноту. Пещерные тени приняли её как родную.

– Я говорил! – рыдал Тевье. – Говорил, – паренёк дрожащей рукой вытянул перед собой нож. Впустую. Белоснежной летучей мышью страшное существо упало прямо на него. Повалило, подмяло под себя. Как кошка мышь. Обвив визжащего Тевье ногами, мёртвая баронесса вцепилась ему в волосы, запрокинула голову и погрузила клыки в шею. Фонтаном хлынула кровь. Тевье задёргался, забулькал и затих. Кровавая лужа под ним маслянисто поблёскивала в свете опрокинутого фонаря. Чудовище торжествующе, восторженно завывало. Слышалось в этом вое что-то от волка, от хохота гиены, но самое жуткое: угадывалось в нём что-то неуловимо человеческое.

Эйт оцепенел от ужаса и не сводил глаз с прекрасного некогда тела на его глазах превращающегося в... Никто бы не сказал во что.

Труп скатился с Тевье и змеей заскользил к Толстому Курро. Тот заскулил и на четвереньках пополз к выходу. Видимо нажравшись, тварь не стала его преследовать, свернувшись червячьим кольцом она вдруг выгнулась, голова прижалась к пяткам, вывалился окровавленный язык. Тело продолжало гнуться, словно позвоночника в нём уже не было. Ноги и руки переплелись и разобрать, где что стало невозможно. Жуткая многоножка повернулась к Сипу...

– Подстава! – прохрипел тот, – Крыса, заходи ей в спину, отвлеки от выхода... я... Сука! – Сип обернулся и увидев, что Крысоеда давно нет в пещере, выхватил нож и саранчой скакнул к остолбеневшему Эйту:

– Верни её в ад, слышишь! Иначе брюхо вспорю. Пусть твои потроха жрёт.

– Я... я не могу... Это не я...

Диббук, гуаха или кто бы это ни был, повела себя странно. Она вдруг развернулась, принимая человеческое обличье, встала на ноги. Тоненькая, бледная девочка в саване, почти обычная, только мёртвая, с жуткими провалами глаз, окровавленным ртом и поблёскивающими в свете факелов жёлтыми клыкам. Двигаясь с невероятной скоростью, она метнулась к парням. Полоснула когтями Сипа по лицу, перехватила его руку с ножом, впилась зубами в запястье. Хрустнуло... Выплюнула кровь и что-то похожее на осколок кости. Наваха вывалилась из внезапно ослабевших пальцев. Сип в ужасе взвыл. Либо испугавшись его воя, либо выбрав более субтильную жертву, тварь отскочила назад, облизулась и пиявкой присосалась к Эйту. Повиснув на нём закружила по пещере, утягивая в тёмный угол. Сип всё ещё завывая и зажимая рану на руке, рванул к выходу, пусть даже к лунному, но свету. Оставляя за спиной мрак погребальной пещеры и отчаянные вопли обречённого школяра.

*

– Жубы шломала, – грустно объявила «тварь», прижавшаяся к Эйту и обвивавшая руками его шею, – ты мне што-то хотел скажать? Ну, когда я под крышкой лежала. Я не расслышала, – добавила она, выплёвывая обломки деревянных протезов, – Бубнил чего-то долго. Повтори?

– Уже не важно, – качнул головой Эйт, размыкая кольцо рук и опуская девушку на землю. – Сказал только, что ты прекрасна и у нас всё обязательно получится.

– А-а.. ну это да, Спасибо. – Чари присела в реверансе, – Ну как вам, мальчики? Признайте здорово было! Для финального выступления – блеск! Теперь с чистой совестью можно и в Барселону. Ну,воронята, скажите, что я была крута!

– Я почти обделался, – признал Эйт.

Чарита захохотала:

– Не ври. Я бы на тебя тогда прыгать не стала. Учужала бы и всё, выпутывался бы сам, некромант-чернокнижник.

– Что вы ржёте, дураки? – проныл Тевье, – а если всё правда?

– Что правда?

– Всё что я сказал. Чари,ними эти нашлёпки с глаз, а. Жутко же! Мурашки по коже. Когда ты меня грызла, я зажмурился аж. Что это вообще?

– Шёлк, – пояснила Чари – только тонкий очень. У отца стащила кусочек, он таким глаза завязывает, когда ножи метает «вслепую». Лоскут у китайцев выменяли. Я чулки и перчатки из него сшить хочу. Дорого только выйдет, но зато костюм будет – шик.

– В нём тебя на костёр и отправят, – проворчал Тевье – Стыдно! И так одеваешься как...

– Как кто? – в голосе девушки послышалась сталь, причём настолько опасно – режущая, что Эйту, который отвечал за заточку ланцетов, скальпелей и ножей мэтра Скварчиаре оставалось только поразиться. Этот спор мог длиться часами перетекая в ругань. Жёсткое воспитание Тевье не оставляло ему ни единого шанса насладиться выступлениями Чариты. Зачастую он их просто игнорировал. Но боготворил девушку. За ум, решительность, отзывчивость и доброту, за все душевные качества... но её наряды и манера поведения, абсолютное пренебрежение нравственными нормами доводили Тяф-Тяфа до белого каления. Сейчас всё грозило повториться. Но нет. Чари взяла себя в руки.

– Ничего, завтра уеду, – бросила она, – стыдиться некого будет, – Но сегодня мы повеселились знатно! Красивая точка в приключениях! Спасибо, что позвал, Тёрн. Годное вышло прощание. Как мы их! Никогда бы не подумал, что Сип может так драпать. Жаль, что кусать пришлось. Как бы он себе руку теперь не оттяпал. Да и просто противно было. Девушка сплонула, а парни переглянулись.

«Как мы без неё?» Невысказанный вопрос, но повисший дамокловым мечом над головами, даже не на конском волосе, а на серебристо – белом девчоночьем обрубал всё лишнее, сужал границы их яркого мирка на троих до узенького туннеля. И свет в его конце неумолимо тускнел. Скоро, скоро наступит тьма. И останутся лишь шорохи воспоминаний в углах замурованной пещеры прошлого.

Шорохи... Эйт насторожился. Шорохи в пещере и, кажется не только в воображении. Он покосился на Тевье, на Чари, опасаясь увидеть отражение своих страхов в их глазах. Увидел. Скрестившиеся взгляды троицы невольно метнулись к массивному гробу, временному пристанищу мёртвой баронессы.

Звуки, доносившиеся оттуда списать на капли стало уже невозможно.

– М-мыши? – робко предположил Тевье

– А они так скулят? – прошептала Чари, – Нуу, Эйт, скулят?

– Да, не знаю, я! Разве что летучие? Тут их много. Может, когда мы крышку прикрывали одна сидела на обратной стороне и... – Эйт сам не верил своим словам. Но что-то сказать было нужно. Хотя бы затем, чтоб приглушить звуки, доносившиеся из страшного угла. Жуткие звуки. Царапанье когтей о дубовую крышку, перемежалось чем-то похожим на стоны, булькающими всхлипами, напоминающими рыдания, глухими ударами по стенке гроба. Что-то отчаянно рвалось из него наружу.

– Тикать надо, – выдохнул Тевье, – выходит, я правду говорил. Диббук это.

Спорить Эйт не стал. Сейчас от нелепого предположения было уже не отмахнуться.

– Тёрн, а может это ты её... ну... своей латынью, когда заклятие читал... – девушка говорила тихо и неуверенно и Эйт только сейчас понял, что её ногти чуть ли не до крови впиваются в его ладонь. Невероятно, но Чари боялась. Это изменило всё. Страх вдруг ушёл, отступил на второй план. Эйт знал, чувствовал, что только он сможет защитить девушку. Пусть даже от мертвеца, гуахи, или самого Зверя из Лагуны.

– Нет, то было всего лишь римское право, никакой некромантии. Мертвецы не оживают – он решительно шагнул к гробу, хоть сам в последнем утверждении очень сомневался.

Страх всё ещё бился где-то глубоко внутри, но уже не господствовал над телом и, что важнее, разумом. Главным образом потому, что Эйт чувствовал – Чари и Тевье неотступно следуют за ним. Хотел остановиться, сказать, чтоб бежали к выходу, пока он поднимает крышку, но знал, что слова повиснут в сыром воздухе пещеры новыми капельками пара, никто его не послушает и одного не оставит. Эйт глубоко вздохнул и отодвинул крышку...

Что произошло дальше трудно было разглядеть в чадающем тусклом свете брошенного Сипом факела. Судя по всему, по древней алхимической формуле время свернулось змеем, кусающим себя за хвост. То, что несколько минут назад происходило как фарс, по закону жанра повторилось трагедией. Теперь всё шло по сказочному канону. Мёртвая баронесса села в гробу. Тонкие белые руки метнулись к горлу. Время на миг сжалось, замерло, как и сердце в груди. С окровавленных красных губ сорвался жуткий жалобно-тяжкий стон разбуженного мертвеца, вырванного из могильно-холодных объятий смерти. И без того огромные, а сейчас ещё и широко распахнутые глаза, чёрные, без зрачков могильные провалы на мёртвом восковом лице, наполненные тьмой и кошмарами потусторонней вечной ночи слепо озирали пещеру, пока не встретились взглядом с не менее огромными и тоже наполненными ужасом глазами Чари. От двойного девичьего визга заложило уши. Загнанным зверьком заметалось по пещере эхо, с воплем, испуганно вырвалось наружу и наверняка, если кто-то притаился у входа, обратило несчастного в бегство. Эйт не знал, закричал ли он сам. В любом случае его крик потонул в общем вопле, к которому наверняка присоединился и Тевье. Но Тяф кричал не долго. Он вдруг упал на колени перекрестился, зажмурился и зашептал, чудовищно смешивая не только молитвы, но и языки и даже религии. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного... Избави нас от лукавого... *Sáncta María, Máter Déi*, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей... tsey, tsey, dybbuk!» Эйт знал, что каждая молитва будет услышана Господом и человеку воздастся по делам его, но столь стремительного результата не видел никогда. То ли сказалась неистовая вера Тевье, то ли его отчаянное обращение сразу на всех языках возымело усиливающий эффект, но глаза покойницы вдруг подёрнула жуткая серая пелена. Чернота сменилась белизной и неизвестно, что было страшнее. Теперь они не отличались от мертвенно-бледного лица, а из тела словно разом выдернули все кости: оно обмякло, и баронесса рухнула обратно в гроб глухо стукнувшись головой о край дубовой доски.

"*Maledicte Diabole, exi ab eo!*" – выдавил из себя Эйт древнюю форму экзорцизма Фомы Аквинанта, дрожащей рукой пытаясь перекрестить Мадлен.

– Кол! – визжал Тевье, – Кол в сердце, пока не встала. Он шарил взглядом по пещере, надеясь обнаружить хоть что-то отдалённо напоминавшее требуемый предмет.

Чари сунула ему в руки черенок от лопаты. Тевье выхватил нож и торопливо принялся заострять конец.

Видя, что вероятно на это времени уйдёт больше, чем потребуется трупу на повторение своей попытки вернуться в мир живых, девушка бросилась к светильнику у саркофага.

– Подпалим её! – выкрикнула она, – огонь очищает. Колдунью можно убить только так. Ну, Тёрн! Что ты замер, отойди! Боже, Эйт, что ты делаешь?! Эйт...

...Эйт не знал, что делает. Он опустился на колени и, на всякий случай прошептав ещё раз: «проклятый Дьявол, изыди», коснулся лица девушки.

– Кровь, – едва слышно произнёс он, – ребята, это кровь!

– О чём и речь! – завопил Тевье, – У неё и рот в крови, она сожрала уже кого-то! Отойди, я сейчас... он занёс свою кое как заточенную лопату для удара.

– Нет! – закричал Эйт, вцепившись в черенок и вырывая оружие из рук друга, – Это её кровь! Она сейчас ударилась о край гроба, разбила бровь. Да и когда бы она успела кого-то сожрать? Где? Ты пойми, у трёхдневного трупа не идёт кровь от царапины! А на губах – дурацкая помада. Никого она не жрала! Чари ну ты-то отличишь краску для губ от крови, взгляни. Первый раз, когда я увидел её в карете тоже испугался.

Его пальцы скользнули ниже, к тонкой шее нащупали дрожащую жилку под нежной кожей.

– Живая, – прошептал Эйт, – Она живая!

– С хрена ли!? – не унимался Тяф, – ты видел эти мертвячьи глаза? Сначала чернушие, а потом белые и без зрачков оба раза.

– Это обморок! – Эйт слегка оттянул девушке веко, – Глаза закатились, когда она потеряла сознание. А до этого наоборот. Она кареглазая, да ещё в темноте расширились зрачки. Вот и чудилось, что глаза – одна чернота. Это мы напугали её до безумия, – Эйт перевёл дыхание, успокаивая сам себя, – Мэтр Скварчиаре рассказывал, что есть такое состояние, человек засыпает и не может проснуться, выглядит как мёртвый. Порой его даже могут похоронить. Что если с Мадлен произошло так же? Никто не усомнился в смерти, ведь она болела...

– С Мадлен? – голос Чари показался холоднее промозглого воздуха крипты.

– С её милостью, – поправился Эйт, – не важно. Главное другое, представьте себя на её месте. Очнуться в гробу, похороненной заживо, а потом увидеть нас. Взгляните друг на друга. Вашу кровь с помадой уж никак не спутать, словно целого быка зарезали, а не кролика. Рубаху Тяфа отжимать можно. От тебя, Чари, любой упырь бы шарахнулся.

– Ну да, – обиженной кошкой фыркнула девушка, – от меня только упырям шарахаться, а к ней тебя прям на аркане тянет. Лапать её прекрати!

– Да я корсет ослабить хотел, – смущённо пробормотал Эйт, – ей воздух нужен, – И торопливо перевёл тему: – Так что никакой это не диббук от нашего экзорцизма спасающийся тело оставил, а всего лишь девочка от ужаса и слабости сознание потеряла. Всё. Её надо вынести отсюда. Тяф, помоги мне.

– Дурак, что ли?! Не притронусь я к ней!

Эйт вздохнул и осторожно приподнял тело баронессы. Несмотря на то, что сейчас она не визжала, не сопротивлялась и не пыталась выцарапать ему глаза, вытащить девушку из гроба оказалось намного сложнее, чем из кареты. Особенно под мечущие молнии взгляды Чари и неумолкающее нытьё Тяф-Тяфа.

– Она сейчас бельма вылупит, пасть раззявит и глотку тебе когтёй раздерёт.

Баронесса точно услышала его. Вылупила бельма, но пасть не раззявила и глотку Эйту рвать не стала, а лишь обвила его шею руками, и склонила голову на плечо, превращая показавшийся поначалу таким тяжким процесс перетаскивание тела в нечто совсем иное и... даже приятное

– Эй-Ты! – едва слышно прошептала она, дрожащим зверьком прижимаясь к груди Эйта, – Я тебя узнала. Вот теперь узнала, она слабо улыбнулась, – вы не изменяете своим манерам, юноша. И верны слову, всё-таки пришёл. Не оставляй меня. Мне очень страшно. Помоги.

Как бы это ни было тихо произнесено, но Чари услышала.

– Мерзь... – змеей зашипела она на ухо Тяфу, но так, чтобы слышал Эйт, а значит и баронесса, – Благородные... Ненавижу! Только выползла из могилы, а уже нашла челядь, приказывает. А он и млеет, прихвостень. Рад служить госпоже, как пёс слюни пустил. Тяфу...

Баронесса удивлённо и слегка испуганно через плечо Эйта покосилась на Чари, белым призраком скользящую за спиной, – я чем-то обидела вашу подругу? Если так, то искренне прошу прощения. Я была не в себе и очень испугалась, когда...когда... – Эйт ощутил, как Мадлен вздрогнула, но тут же взяла себя в руки, – когда я очнулась. Я очень благодарна, что вы мне помогли. Ещё немного и я бы... я бы умерла там. Я подумала, что меня закопали. Живой. Я читала рассказы. Я помнила, что не надо кричать, раньше закончится воздух, но... – девушка всхлипнула, – простите меня за то как я выгляжу, как вела себя... Мне было очень страшно. Обычно, я не плачу, честное слово. Но я царапала крышку, толкала и... мне показалось, что я задыхаюсь и... когда она вдруг поддалась я увидела... – она вновь бросила взгляд на Чари, – я поняла, что попала в ад, за всё что сделала, что собиралась...

– Тише, тише, ми-милостивая госпожа, – Эйт снова начал запинаться, – Всё позади. Мы наверху, почувствуете какой воздух. Мы вышли из пещеры. Тут свежо, вам станет легче. Чуть ниже, под уступом озеро. Видите?

– Да, – улыбнулась баронесса, – я выбрала красивое место для упокоения.

Эйт опустил девушку на землю,

– Не бойтесь, мы не причиним вам зла. Наоборот. Мы должны были стеречь вас... – он запнулся, – оберегать вас. Меня зовут Эйт. Эйтерн МакХейлин, а вон те два чудища кличут Терновником или Тёрном.

Кровососущая мертвячка это Каридад Сегри. Фарфоровая Чари. Актриса и акробатка. Чари закатила глаза, так что остались видны лишь белки и растянула окровавленные губы в нарочито жутком оскале, вывалив язык почти до подбородка. А затем, словно забытая марионетка в руках парализованного кукловода застыла в ломаном реверансе, приподняв забрызганный кровью подол савана. Мадлен вздрогнула. Эйт покрутил двумя пальцами у виска и продолжил: – а вон тот окровавленный мальчик – Тевье Ха-Леви, кукольник и прекрасный резчик по дереву. Блин, при лунном свете вы ещё страшней, умойтесь, а? – тихонько попросил Эйт и вновь повернулся к баронессе.

– Не бойтесь, город не далеко, вон за той горой. Присядьте пока здесь. Сейчас Тевье побежит, позовёт стражу и через час-другой вы будете дома, с отцом...

– Нет! Пожалуйста, не надо стражи! – девушка с удивительной силой схватила Эйта за руку, – Я вам не всё рассказала. Пожалуйста, – умоляюще повторила она.

– Вы нам ничего не рассказали, – поправила Чари.

– Но, – начал спорить Эйт, – вам нужна помощь, вы слабы, а у нас с собой только немного воды и кусок вяленого мяса, его вам нельзя.

– Замолчи ты! – неожиданно перебила Чари, – Дай ей сказать, если действительно хочешь помочь.

– Она два дня без еды и воды, – возмутился Эйт, ей необходимо...

– Заткнись и слушай! – рявкнула Кридад, – Неужели не видишь, что мы вляпались в ... – не пойми во что, – она смягчила фразу, – думай, Эйт! Всегда думай. Почему её милость...

– Мадлен, – встряла баронесса, – для вас теперь я просто Мадлен везде и всегда, в любом обществе. Ну или Маргарет... или Виктория или... – Она споткнулась и видимо покраснела под ужасающе толстым слоем посмертного грима, который вкупе с кровью превращал её лицо в зловещую маску, – Меня зовут Мадлен Маргарита-Виктория ДАльбре, в честь двоюродной прабабушки наваррской короле... – она осеклась, перехватив взгляд Чари, – Простите. Я хотела сказать, зовите меня как вам нравится, только не «ваша милость», я буду очень признательна.

– Спасибо, – ядовито бросила Чари, – так вот, почему просто Мадлен Маргарита-Виктория ДАльбре, оказалась заживо похороненной в пещере? Какого лешего, влюблённый в неё дон Альваро убрал стражу? и сразу после этого заявила Эрреровские ушлёпки. Что

они собирались делать с телом Марго, если у них ни инструментов не было, ни телеги? Уверен, что они хотели его выкрасть и продать университету? Даже у нас вон навозная тачка стоит. И главное, на хренища, Скварчиаре подрядил тебя сторожить труп? Ну что, может быть теперь ты согласишься выслушать, «спасённую» нами Маргариту-Викторию?

– Чари, ты переиграла в свои спектакли, – уверенности в голосе Эйта не чувствовалось, – Всё произошедшее цепочка случайностей...

– Да?! – вмешался притихший было Тевье, – а как же твоё: «не бывает случайностей, любая случайность это отступление от плана». Ты же сам сегодня мне это говорил, на этом же месте. Часа ещё не прошло как. Ваша милость, Ма... Мадлен, вот выпейте немного, – Тяф протянул баронессе флягу с водой. Марго благодарно улыбнулась, – и... простите за то, что я хотел вам пятки подрезать ну и колом вас, там внизу...

Мадлен поперхнулась. Вода фонтанчиком синего кита брызнула у неё изо рта и ручейками побежала из ноздрей. Она зашлась в кашле.

– к... каким к...колом? – пролепетала девушка в ужасе округлив глаза.

– Ну я ж думал, что раз вы блудница и падре ваше тело в церкви хоронить отказался, то голову вам надобно отреза...

– Чари! Заткни его! – застонал Эйт, – убери его отсюда!

Тевье видимо сообразил, что ляпнул лишне и замолк, но поздно...

– Б... бл-блудница? Я? – прошептала девушка, – но почему вы так говорите?

– Так не я, – начал оправдываться Тяф, – все говорят ...

– Все? – огромные карие глаза влажно заблестели, – Но это неправда! Неправда! Ведь я ещё... я... никогда ни с кем... – на длинных ресницах дрожали слёзы. То ли от обиды, то ли от того, что Мадлен только что чуть не захлебнулась. Эйт надеялся на второе.

И тут случилось странное. Чари вдруг опустила на колени и крепко обняла девушку.

– Тсс, девочка, – шептала она, глядя её по волосам, – не плачь. Ты же из королевского рода, а королевы не плачут. Ты сейчас порезалась о собственный меч. Красота – это оружие, и оно может ранить даже тебя. Боль уйдёт, Марго, сила останется. Ложь и навет только так могут защититься мужчины. Это единственное, что им остаётся. Потому и полыхают костры инквизиции, корчатся задыхаясь в дыму или петле красавицы-ведьмы, поэтому обесчещенная девушка шагает со скалы, зная, что душа её проклята навеки, а благородный сеньор покупает индульгенцию и его отбелённую душу на небесах ждут тысячи райских дев. Поэтому растут Цветочные городки и поддерживают их власти и даже церковь. Таков мир, Марго, тебе ли не знать. Но мы выживем и когда-нибудь обязательно его изменим. А пока... пусть они смотрят на нас, треплют языками и пускают слюни. Большого им не получить. Это коррида, малыш, и мы не дадим поднять себя на рога. Не плачь, моя королева. Не плачь...

Эйт и Тевье замерли, вытаращив глаза и раскрыв рты. Никто не думал услышать такое от задорной Чариты. Чариты, которая так любила жизнь, и их с Тевье, которая ещё утром с восторженным воплем носилась по полю за удравшим кроликом или с визгом летела с крутого берега в воду, поднимая искрящуюся тучу брызг.

Тяф дёрнул Эйта за рукав и затараторил на ухо.

– Я понял, это из пьесы. Наверняка. Смотри как играет, даже у самой слёзы в голосе. Девчоночья солидарность. Сейчас она её успокоит. Это как тогда, с толпой. Чарита повелительница настроения, повернёт как надо.

Именно от этого и становилось жутко.

– Ничего и ворочать не нужно было бы – прошипел Эйт в ответ, – если бы ты только язык за зубами держал. Иди отмывайся.

– Так я тоже послушать хотел.

– Иди! Вернёшься – послушаешь, а потом Чари пойдёт, а то ведь ты не сможешь с ней одновременно искупаться.

– Ишь, скалозуб, – Тяф презрительно дёрнул себя за мочку уха и побрёл к берегу. Эйт повернулся к девушкам.

– Тяф, погоди, я тоже иду, – поднялась Чари, – действительно надо умыться, а то потом забуду, в зеркало гляну и кувырк... – Проходя мимо Эйта цыганка приподнялась на цыпочки и шепнула в самое ухо: – ей с тобой лучше. Не вспугни.

Эйт проводил недоумённым взглядом тающее в неверном свете луны серебристо-воздушное привидение.

Облака словно небесные кошки кralись к пролитому молоку лунного света. Слизывали его, погружая небольшую площадку перед пещерой в темноту. Но ночная царица была щедра, расплёскивала угощение серебристой рябью по блюдцу озера по искрящемуся звёздами небосклону. Немножко доставалось и Мадлен. Все женщины кошки. Девушка сидела почти на краю обрыва, обхватив колени руками и неотрывно смотрела вдаль, даже как-то заворожённо, словно ей открывалось что-то недоступное другим. Эйт подумал, что сейчас она сама похожа на воплощение ночи. Безликая, прекрасная и... потерянная. Её светлые волосы отливали бледным золотом луны. Платье тёмно-зелёное, как помнил Эйт, бархатное, тяжёлой драпировкой мглы скрадывало очертания тела, сливаясь с темнотой, само превращалось в тьму, усыпанную звёздами драгоценных камней, сверкающую серебряной вышивкой млечного пути.

Эйт присел рядом. Намёки на тайну, так небрежно брошенные Чари, по-нотопыринному бесшумно, но пугающе назойливо кружили в непроглядной тьме его мозга. Ни единой светлой мысли. Но выпустить их, придав форму вопроса Эйт не решился. Вместо этого он вдруг произнёс:

– Мадлен, Чари не права. Боль не делает сильнее. Она ожесточает. Вас полюбили не за красоту. Мало кто видел ваше лицо, например, я не видел никогда. Всех очаровала открытость и теплота. Вас по-настоящему любят, Мадлен. Да, эта любовь принимает, порой странные, формы, иногда причудливые, иногда жуткие, иногда нелепые, но остаётся любовью. Весть о ... трагедии, – Эйт старательно подбирал слова, хоть это и давалось с трудом, – погрузила в траур не только Университет, но и весь город. Возможно, именно студенты хотели выкрасть тело и похоронить в университетском склепе, чтоб ваш дух навечно остался с ними. По древним поверьям первый погребённый в стенах университета становится его защитником на земле и на небесах. Подобно римским гениям места.

Девушка усмехнулась:

– Вот уж не о такой посмертной участи я мечтала – вечно бродить жутким привидением по коридорам университета и пугать школяров.

– Не жутким, – Эйт покачал головой, – а чарующе-таинственным и прекрасным.

– Тот ещё комплимент, – улыбнулась Мадлен, – по части угнетающих откровений вы не слишком уступаете своему другу.

– Я знаю, – кивнул Эйт и сжал в кармане монету, как делал теперь всегда, когда нервничал, – но Тевье бы сказал, я ведь говорю правду! Вас любят и ревнуют, потому и фантазируют, мечтают, придумывают небылицы и даже откровенно лгут. Мальчишкам необходимо быть героями. А они читали только книжки. Впрочем, как и я.

Мужчины не чудища, терзающие плоть и души юных дев, хотя находятся и такие. Нет, мы лишь тянемся к свету, к солнцу. Кто-то вырастает, как дерево, кто-то остаётся былинкой в поле, но нам всем нужно тепло, хотя бы огонь свечи у окна, чтоб было куда возвращаться. Ради чего и кого жить. И этот огонёк можете зажечь только вы. И только

вам решать, сберечь его, сохранить в ночи или задуть. Как любой огонь он может обжечь, это правда, Эйт пнмал, что никогда не сравнится с Чари по убедительности, что он наивен и неопытен, но остановиться не мог. Не мог позволить, чтоб Мадлен поверила Чари. Потому что Чари лгала, – Да, сейчас, из-за неуклюжести Тяфа, вы обожглись, и даже сильно, но ведь это значит, что разожжённый вами костёр пылает ярко и согреет многих, спасёт от темноты. Именно поэтому, а не только из-за крови вашей прабабушки – вы истинная королева. Поэтому плачьте, не стесняясь. Со слезами уходит боль, а только она может погасить пламя. Никак не слёзы.

– Забавно, но вы только что, пусть и гораздо образнее, подтвердили правоту своего друга, – Мадлен вдруг повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза, точно услышала мысли, а не слова, – А вы сами в это верите, юноша? Или прочли в одной из своих книжек. Только не лгите мне, я увижу.

Безупречно совершенная мёртвая маска с пугающе живыми глазами. Контраст был настолько разительным, что Эйт вздрогнул. Но взгляда не отвёл, лишь покрепче сжал золотое солнышко монеты. Вспомнил, всё что говорил сегодня Чари у саркофага, вспомнил о её завтрашнем отъезде, об обволакивающих душу чёрных тенях тоски.

– Верю, – твёрдо произнёс он, – и более того – знаю. Я не лгу.

Тёмные глаза словно вытягивали из сердца тени мечущихся секретов.

– Ваша свеча у окна гаснет? – её голос уже не был тем лёгким шелестящим дыханием ветра, в котором лишь угадывались нотки человеческих чувств. Наоборот. Теперь девушка говорила, как прежде – уверенно, страстно, – Вы сказали, что мужчины, как мотыльки летят на отсветы любви. Но вам некуда лететь? Она... она вас не любит?

– Не знаю... – выдавил, Эйт. – В любом случае это уже не важно. Она уезжает.

Мадлен качнула головой, – Это всегда важно! Месяц назад вы были другим, юноша. Неуклюжим, смешным, но пылким и решительным. А сейчас... сейчас вы заблудились, да? Вы не знаете, что сказать? Но ведь это просто! Повторите, то что произнесли сейчас. Только не мне, а ей! Или можно короче, уложить всё в три слова, – девушка опустила густые ресницы, – Простите, за бестактность, Эйт, это не моё дело и обычно я себя так не веду, но... сейчас, тут, когда я могу вздохнуть, когда ночь укрывает тёплым плащом от ненужных взглядов, я чувствую... чувствую, что дозволено всё. Что я живая, я – Мэгги, Тойа, Марго, а не «ваша милость», не дворцовая кукла с нарисованной улыбкой.

Не мне давать советы, Эйт. Я ведь и сама читала только книги. Но, поверьте, это не самый плохой способ познания мира. Особенно, когда других не остаётся. Я никогда не выбиралась из дворца. Только на верховые прогулки. Да и то не всегда удачно, вы помните, – девушка видимо улыбнулась, в полутьме было не разобрать, но Эйту, почему-то хотелось так думать, – Я никогда не видела моря, представляете? Да что там моря, даже на берегу озера не была. А уж ночью... Жаль, что это лишь краткий миг и за него пришлось заплатить жизнью, но ведь это значит, что он того стоил? – прошептала Мадлен, наматывая на кулачок шнурок от распущенного корсета. Эйт и не заметил, как она его расшнуровала, – О, взгляните, кажется ваши друзья возвращаются!

– Наши, – улыбнулся Эйт, – Теперь уже наши.

– Спасибо, – Мадлен выпустила несчастный шнурок и нащупала в темноте ладонь Эйта, пальцы коснулись монеты. – Ты её сохранил?! – удивлённо прошептала она. – Почему?

Эйт возблагодарил Никс за ночную тьму, иначе бы пришлось краснеть от того, что он покраснел и в результате просто провалиться в обиталище этой самой Никты.

Эйт пожал плечами. Сообразил, что в темноте Мадлен этого не увидит и пробормотал:

– Не знаю.

Он и в самом деле не знал, просто тогда это показалось правильным.

– Так почему вы не хотите в замок? – он очень неуклюже попытался сменить тему. – Только из-за этого?

Эйт взмахнул рукой пытаясь охватить весь мир: озеро, пещеру, гору, вползающую на неё тропинку, долину внизу, зубчатые башни скал на горизонте, море за ними, ночь, небо, всю вселенную.

Мадлен если и не увидела, то почувствовала движение, поняла,

– А разве этого мало? – спросила даже несколько удивлённо. – Прекраснее свободы и жизни нет ничего. Вернее, должно быть, но я не успела узнать что. И уже не успею... Смешно, я задумалась о жизни, когда поняла, что умираю. Все правила, запреты, нормы, этикет и манера поведения оказались такой нелепицей. Мой мир, который казался таким ярким переполненным жизнью и радостью с балами, влюблёнными в меня поэтами и художниками переливающимся стихами и музыкой, вдруг лопнуло как мыльный пузырь. Всё оказалось лишь радужным отражением солнечного света. А самого солнца я никогда и не видела. Я заболела и внезапно не осталось ничего, кроме прочитанных книг. Чужие истории, что я проглатывала и собственные мечты, которые рвали меня изнутри. Так что, да, Тевье прав. Я – чудовище, которое затаилось в тёмном логовище замка и жадно высасывало чужие жизни, питалось радостью и улыбками восторженных школяров, актёров. Но раньше я этого не понимала, только сейчас Эйт, только здесь.

Девушка снова обхватила колени руками и отвернулась.

Плачет? Нет! Когда она заговорила вновь, голос оставался ровным, даже твёрдым.

– А вы были правы, Тевье, – Мадлен взглянула на подошедшего паренька, – Я действительно блудница. Я предала любовь, которой даже ещё не узнала.

Тевье выпучил глаза:

– А разве бывает, блудница, которая не зна...

Чари, отжимающая собранные в длинный хвост волосы, тряхнула головой, хлестнув влажной плетью Тевье по лицу.

Тяф взвизгнул.

– Прости, – девушка чмокнула его в покрасневшую щёку, – ты же знаешь, какая я неловкая.

– Выходит, бывает, – Мадлен вздохнула. – Я не смогу ответить на ваши вопросы, но может что-то станет яснее, и, по крайней мере вы поймёте, почему я не могу вернуться. Я не знаю, что мне делать. В книге было всё так красиво... а в жизни... банально. Дело в том, что отец несколько месяцев назад договорился о моей свадьбе. Он собирался вернуться во Францию и выдать меня за пожилого, но очень влиятельного герцога. Вы, наверное, слышали, что я не католичка? Если позволите, я не стану вдаваться в подробности, просто скажу. Что это принесло моей семье очень крупные неприятности, но, зато, привело меня сюда, – Мадлен улыбнулась, – значит я сделала правильный выбор. Сейчас во Франции стало спокойнее. Во всяком случае нас не режут прямо на улицах. И герцог сможет обеспечить безопасность своей будущей жене. Блудница, вы говорите? Да, меня просто хотели продать богатому и влиятельному старику. Ах, если б этот старик хотя бы был влюблён в меня! Так ведь, нет! Он даже меня не видел. Ему просто нужна жена, которая помогла бы упрочить положение при дворе. Ведь король мой дальний родственник. Я не виню отца. Он безумно любит меня и желает только счастья. Выполняет малейший мой каприз, но именно его забота и обернулось бедой. Я... я не должна этого говорить, но снова грядёт война. Если мы останемся здесь, вы нас убьёте. Ну или наоборот, я стану вашей королевой, – Мадлен засмеялась, но в голосе не слышалось веселья, – Простите, это мрачный юмор, но такие планы были у отца и я всё разрушила. Я скверная дочь.

– А я был бы не против, – вдруг выдал Тевье, – ну чтоб ты... вы... стали королевой. А наша долина – вашим королевством. Как у фей. Нельзя воплотить сказку во всей стране. А в одной Долине-можно.

– Кто знает, Тевье, может так бы всё и случилось, но... в замке появился дон Альваро... Он вернулся в Севилью из Вест-Индии, а потом перебрался сюда. Он говорил, что ходил на пиратском корабле и за его голову королём флибустьеров назначена баснословная награда за то что, он вырвал испанскую инфанту из лап разбойника. Что ему нигде нельзя задерживаться надолго, гильдия убийц идёт по пятам, но теперь он готов остаться и умереть, у моих ног. Я смеялась, но его взгляд, манеры, пренебрежение условностями и этикетом, а главное, дух свободы, что он привёз с далёких островов, очаровали меня. Он знал, как произвести впечатление на девочку, которую нашёл среди книг. Его истории! О зловещих мёртвых кораблях, бороздящих океан, ловцах жемчуга, что умеют заклинать акул, золотых городах и колдовских обрядах... Боже! Как я его слушала. Заворожённо, не упуская ни одного слова... Нет, я не была влюблена... И это самое ужасное. Я использовала его, потому что он был героем. Влюблённым героем. Я уговорила Альваро бежать. Я хотела, чтоб он увёз меня на свои острова. Я обещала стать его женой через несколько лет, если он всё ещё будет меня любить. Выбор между знатным стариком и нищим красавцем-пиратом оказался не сложным.

– Я понял! – восторженно выдохнул Тевье. – Это ваш план! Что выбраться из замка, чтоб тебя не искали, да? Поэтому ты не можешь вернуться? За тобой должен прийти Альваро и забрать, может быть на свой корабль? Я слышал, что один бросил якорь за перевалом в бухте. Это он придумал? Как же всё изящно и просто! Поэтому тебя «похоронили» в пещере, а не в церкви! Какой же я осёл, прости меня, Марго! Я-то думал... эх... Значит вот почему Альваро увёл солдат.

– Тяф, милый, – проворковала Чари, – ты эту удивительную историю обязательно поставишь в своём кукольном балаганчике, а сейчас закупорь свой фонтан ради всех печатей твоего царя Соломона, а иначе увидишь демона, с которым не совладал даже он, понял?!

– Понял, и, в общем-то не против, потому что дедушка говорил, что не совладал он только с прелеснотелой Лилит, которая к мужчинам являлась и...

– Заткнись!

– Как скажете, – Тевье равнодушно пожал плечами, – но я ведь прав, Марго?

– Наверное, Тевье. Во всяком случае мне очень хочется верить, что у Альваро был именно такой план. Но если и так, я о нём ничего не знала. Он не успел мне сказать. Я заболела. Сильно. Отец хотел отвезти меня во Францию, но все понимали, что я не переживу дорогу. Никто не мог ничего поделать. Не сдавался один Альваро. Он обезумел, бедняжка. Клялся, что продаст душу Дьяволу, но спасёт меня. Взял с меня слово, что я выйду за него замуж. Видите, как просто оказалось продать себя в обмен, на лучик надежды. Недорого я стою. Страх – лучшая сваха... И даже отец согласился. И... произошло чудо. Альваро сдержал слово и добыл лекарство. Мне стало лучше. Я перестала кашлять кровью, смогла дышать. Обошлось без чёрной магии, как мне кажется. Альваро нашёл какого-то старого учёного – отшельника. В университете его многие держали за сумасшедшего и даже колдуна. Никто к нему не обращался. Только Альваро. И полученная настойка помогла.

Эйт восторженно воскликнул:

–Мадлен, это случайно, не мэтр Скварчиаре? Хьюго Скварчиаре.

– Простите, Эйт, я его никогда не встречала. И Альваро говорил очень мало. Только рассказал ещё одну сказку, будто то был древний слепой отшельник, что живёт в склепе среди мертвецов и не выходит на свет. Он отдал глаза, потому что только слепой может видеть тропы мёртвых и духов. Он колдун, некромант, поэтому и ведает о секретах жизни и смерти. А в учениках и помощниках ходит у него псоглавец из неблагого двора. Лохматый и злобный полузверь -получеловек. Но это ж Альваро. Наверняка это какой-нибудь старенький учёный в скрипториуме нашёл древний рецепт. В общем я очень

надеюсь, что Альваро всё придумал и всё обошлось без чёрной магии. Хочется, чтоб история барона де Ре не повторилась с баронессой ДАльбре.

– Не придумал, – качнул головой Эйт, – Всё правда. Лохматый злобный псоглавец и ученик «колдуна» – это я. И именно мэтр послал меня оберегать ваше тело этой ночью. Ох, простите, Марго, я пошутил, – поспешно произнёс Эйт, заметив, как вздрогнула баронесса. – На самом деле он не колдун... наверное. Всего лишь странный учёный, но он действительно устроил лабораторию в заброшенном склепе и можно сказать, что его окружают мертвецы. Он анатом. старый, полуслепой ходит в диковинных очках вроде маленьких подзорных труб с огромными линзами.

– А вот я тебе тоже говорил, что некромант, твой мастер, – встрял Тевье, – по нему ж видно!

– Ох, не нравится мне всё это, – пробормотала Чари, – Прямо, шибко-шибко, не нравится.

– Не нравится, – слабым эхом откликнулась Мадлен, – и мне. Это либо судьба, либо...

– Либо! – Чари была категорична, – никто больше меня не верит в случайности. Можно закончить сложнейший номер и свернуть шею поскользнувшись на коровьей лепёхе. Вот вам судьба, а тут другое. Марго, если лекарство помогло, почему ты здесь? Не на свадебном пиру со своим принцем-пиратом?

– Свадьба через месяц. Должна была быть, – в голосе Мадлен наоборот уверенности осталось столько же сколько чешуек у мурены, – Я... Я не знаю, что случилось и почему я здесь.

– Врёшь, – бесцеремонно заявила Чарита, – ну ладно, пока это не важно.

– Не лгу я! – возмутилась баронесса, – Я действительно не знаю почему я тут... живая, – она опустила голову, голос стал тише, – Я... я умираю. Болезнь вернулась, как только кончилась настойка. Я должна принимать её регулярно. Я не могла уехать ни с отцом во Францию, ни с Альваро в Вест-Индию. Он обещал достать рецепт лекарства с постоянным эффектом. Он был уверен, что у колдуна он есть, но... не смог и я... я испугалась, я знала что не выдержу, второй раз, после того как поверила, что здорова, что буду жить... и снова ужас, уж лучше сразу и я... я выпила... настойку лютика с...

– Не надо, Марго, мы поняли, прости меня, – Чари взяла баронессу за руку, – я грубая, знаю, но, порой только так можно добиться правды. Я не хотела причинять тебе боль, прости. Твой Альваро не смог достать записи, а я найду! Слово Каридад Сегри. Не бойся, всё будет хорошо. Но возвращаться домой тебе пока нельзя. Слишком много странного творится вокруг тебя. Да и мы невольно тебя подставили. Как же всё плохо вышло. Ох.

– Поясни, – попросил Эйт

– Лучше Тевье попроси, – отмахнулась Чари, – Теперь всё что он говорил – правда. Уж мы постарались.

– Погодите, – нахмурился Тевье, – Я прав? В чём это?

– Mierda! – выругался Эйт, – то есть теперь, Мадлен – диббук?

– К-кто я? – дрожащим голосом переспросила баронесса.

– Ну диббук это, как говорил, дедушка, – начал Тевье, –

– ...Гуаха, кровосос, лярва, выбирай кто милее, – безжалостно перебила Чарита, – благодаря мне, главным образом. Но мы не могли подумать, что тебе придётся возвращаться в мир живых. Само по себе, твоё воскрешение вызовет у людей ужас, а уж после того, что расскажет Сип с друзьями...

– За мной придёт Альваро. Мы... мы уедем, если будет лекарство.

– Будет! – твёрдо проговорила Чари, – ведь так, Эйт? Если это Скварчiare, мы достанем его записи.

– Конечно! – кивнул Эйт, хоть и без воодушевления Чариты, – я поговорю с учителем и попрошу Formula medicinalis....

– Дурачок! Не слушай его, Марго, мы достанем эту «формула меди...» тьфу, бумажку. Но тебе надо спрятаться, на день-два.

– Но, я не бывала нигде кроме замка, я не умею прятаться.

– Прятаться не надо, предложил Эйт, можно просто переодеться. В мальчика! Чари часто так бегают.

– Я... Я не смогу в мальчика.

– Почему? Вас никто не узнает!

– Потому что! – Мадлен явно смущалась, – Не получится!

– Получится! – Эйт не собирался сдаваться, – У Чари получается прекрасно.

– Ой, дурак! – простонала Чарита себе под нос.

– С чего это? Широкополую шляпу, чтоб лицо не бросалось в глаза и всё...

– Да с того! – Чари подскочила к Мадлен, – Ну-ка, встань. Так. Руки подними.

Мадлен, покорно поднялась и завела руки за голову, словно поправляя волосы, повернулась боком, чуть выгнулась, расправляя плечи... Выглянувшая, словно по её указке луна вычернила точёный абрис лица и... ниже... Эйт снова залился краской. Всё, богиня ночи может принимать нового адепта.

– Да, – сипло квакнул Эйт, – мальчик не получится.

Мадлен снова опустилась на траву, принимая, свою привычную уже позу, прижав колени к груди. Словно пытаясь спрятать, то, что в обычной ситуации скрывать не выходило. Чари опустилась рядом, мимоходом отвесив Эйту хороший подзатыльник.

– Это тебе за «получается прекрасно» – прошипела она ему на ухо.

– Я поэтому и испанские платья не ношу, – пояснила Мадлен, – Не влезаю в ваши панцири. Во Франции нам не обматывали грудь с детства, вот и...

– Хватит, Маргарита-Виктория, – вмешалась Чари, – Мы поняли. Мальчик идёт... лесом. Точно! Пару дней, ты можешь пересидеть в нашем лесном домишке. Там тебя точно не айдут

– Не может! – Воскликнул Тевье

– Почему?

– Потому... Потому что он НАШ! Тайный. Только для троих, мы дали клятву!

– Прекрати, Тяф! – вмешался Эйт, – сейчас уже речь не об играх

– Игр и не было, Тёрн, – Чарита неожиданно встала на сторону Тяфа, – Игра – это способ жизни, а не её замена. Жаль, что ты этого пока не понял. Но речь о другом. Тевье, это Дом! Каждому дому нужна хозяйка иначе он превратится в казарму.

– Но ты наша хозяйка! – воскликнул Тяф. – То есть его.

– Уже нет, я завтра уезжаю. И вообще, теперь мы вместе, нас запутало в этот клубок и по отдельности не выбраться.

– Спасибо, – но нет, вдруг произнесла Мадлен. – Двери моего дома, пока я жива, всегда открыты для вас, но разрушать чужой я не стану. Я прошу об одном, побыть со мной здесь, пока не вернётся Альваро. Я боюсь оставаться одна. Пожалуйста.

Чари вздохнула:

– А если, он не придёт? Или, что ещё хуже, придёт не он?

– Не понимаю.

– Да я сама не понимаю, – Чари поднялась и взлохматила волосы подставив их тёплым рукам озёрного бриза. Ветерок обрадованно запустил пальцы в новую игрушку. Девушка замерла на самом краю обрыва, устремив взгляд вдаль, как совсем недавно Мадлен. Что же они там обе увидели? Эйту захотелось встать рядом. Обнять Чари за

плечи, такую прекрасную, но хрупкую и ускользающую. Тающую в наползающем тумане, точёную серебристую русалку, уносящуюся в ночь под бушпритом чужого фрегата.

Самое удивительное, что до одури романтическая версия Тяфа, объясняет почти все непонятки, за исключением появления Сипа. Но это, положим, совпадение. Все знают, чем он промышляет. Но вот твоя история всё ставит с ног на голову. Может ты и права. И это всё случай. Тогда... тогда здорово! – Чари повернулась, ко всем, – но это, мы узнаем очень скоро. Ждём до утра. Если никто не появится, значит, значит это была самая удивительная и потрясная ночь в нашей жизни!

– А если... если появится, – вымолвила Мадлен

– А если появится, начнём распутывать клубок, потянув за ту ниточку, которую нам дали. Это тоже весело!

– Ага, – поддакнул Эйт, – *Is fecit cui prodest*. Делал тот, кому выгодно.

– Не-не-не, – Чари затрясла головой, то ли не соглашаясь, то ли чтоб ещё больше их взлохматить. Так-то оно так, по факту. Но на деле пустые слова, как и всё, что пишут в твоих книжках.

– С чего это? – насупился Эйт, – Это ещё древние сказали. Первый шаг при раскрытии любого преступления.

– Ну смотри, Тёрн, – оживилась Чари, она просто обожала любые игры, – Откинем пока случайные стыковалки. Хотя я и начинаю склоняться к ним, и взглянем на твой куй продест.

– Куи продэст.

– И на них тоже. Не занудничай! Тяф, твой выход, до утра ещё далеко, поэтому расскажи нам, кому может быть выгодно всё случившееся.

Уговаривать Тевье не пришлось.

– Ну, во-первых, – начал паренёк, – чур без обид.

– Какие обиды, – не понял Эйт

– Хорошо, для примера. Всё происходящее выгодно тебе. Ибо в результате, как мы видим, нищий школяр знакомится с богатой красавицей баронессой и вся его жизнь может измениться по щёлчку её пальчиков. Ты приобретаешь всё, не рискуя ничем.

– Что за хрень-то?! – взвился Эйт – Как я бы это всё устроил?

– Во! – захихикала Чари, – та-да-да-дам...смертельный номер, Эйт начинает думать! Именно, «как?» – это уже другой вопрос. Более важный, чем первый. Но и он не главный, ибо... Тевье...

– Ну, навскидку. Ты умный Эйт, очень. Не чета нам. В Университете ты слышал рассказы о Мадлен Зачарованной и когда встретил её, понял, что шанса упускать нельзя. Ты ученик Скварчиаре, ты разбираешься, в травах, лекарствах... ядах.

– И в приворотных зельях тоже, – поддакнула Чари, – глянь, как она на тебя смотрит!

Мадлен вздрогнула и прижала ладошку ко рту, уставившись на Эйта.

– Да! – наслаждаясь эффектом с кровожадной ухмылкой продолжал Тяф, – И значит, мог приготовить сонное зелье. В замок попасть было просто, Маргарита тебя пригласила сама. Да и потом, кто-то ведь доставлял Альваро снадобья «колдуна»? Уговорить Скварчиаре отправить тебя охранять Мадлен ещё проще, чтобы оказаться рядом, когда она проснётся. А дальше, мы всё видели...

– И видим! – буркнула Чари, когда Эйт с жаром схватил баронессу за руку.

– Марго! Не слушайте их, они ненормальные, вы же знаете, мне ничего не нужно, я даже монетку не... Вы же помните, как я икал, увидев вас. Ну какой из меня злой гений и коварный соблазнитель?!

– Хорошо замаскировавшийся, – едва слышно выдавила баронесса.

Её плечи сотрясала лёгкая дрожь.

- Вы плачете?
- Н...нет, – всхлипнула она, – н-не плачу...
- Но я же вижу!

Мадлен отняла ладошку ото рта и над пляжем тёплыми брызгами разлетелись переливы звонкого девичьего смеха. К ним присоединился хохот Чариты и Тевье, а чуть позже слегка тормознутым эхом отозвался и смех самого Эйта.

– Вот именно поэтому, – отсмеявшись, произнесла Чари, – вопрос выгоды более чем вторичен. Прежде чем говорить о желаниях хорошо бы узнать самого человека. Я, Тяф, и уже даже Марго, тебя знают как вон Тяф своих голеньких обструганных кукол. И заметь, что, защищаясь, ты давил именно на это. Что ты не такой. Значит, что...?

... значит, мы должны найти такого! – закончил Эйт, – Искать надо не того, кому выгодно, потому что выгодно всем. Вернее, при должной сноровке можно сделать так, что станет казаться, будто случившееся выгодно любому. Тебе, так как ты завидуешь, ревнуешь, и просто ненавидишь чванливых богатеев.

– Фи! – фыркнула Чари. – Ревную? Ещё чего. Вот уж несусветная глупость!

Эйт отмахнулся и продолжил, не вступая в спор:

– Влюблённому Альваро, который хотел вырвать Мадлен из рук барона. Каким-нибудь университетским маньякам, желающим обзавестись собственным привидением. Отвергнутому и оскорблённому влиятельному старичку-герцогу, которого здесь нет, но он запросто мог подослать своих людей. Лого дель Лобо нынче полон всякого сброда. Даже самому Генриху Французскому. Смерть пусть дальней, но племянницы короля – отличный повод к войне. Выгода – это начало нити, она глубоко, не ухватить, а у нас если и есть, то только концы.

– Именно! – заплодировала Чари, – хочешь разгадать тайну, тяни за любую нитку, она приведёт к тому, что в центре клубка. Ищи того, кто связан со всеми.

– Паука в паутине, – задумчиво произнесла Мадлен, – того, кто почувствует колебание любой нити. И среагирует.

– Умничка, – кивнула Чари.

– Кукловода, – чуть поздновато, но с довольным видом, добавил Тевье, – дёргающего за нити. И чем лучше спектакль, тем меньше на него обращают внимания.

– Ну что, воронята, – Чари потёрла ладошки, – Новое приключение? У нас есть один день, чтоб разгадать Тайну Зачарованной Мадлен. Каков план? Думаем или ждём ниточку?

– Кажется уже дождались – встревоженно выдохнул востроглазый Тяф, – идёт кто-то, вон свет на тропинке. С факелом похоже.

– Это Альваро! – Мадлен порывисто поднялась и прижала руки к груди, – Ты был, прав, милый Тевье! Значит, это его план! Он нашёл лекарство и мы сбежим, но, тогда... – она вдруг замолчала, – я больше не увижу вас?

– С чего это? – пожала плечами Чари, – будем в Вест-Индии, заглянем обязательно. Только... только будь осторожней, лады? Мне не по себе, когда всё заканчивается так сладенько. Привкла, что следует продолжение. Сказка отличается от жизни лишь удачно поставленной точкой. Тем, что она недорассказана. Может, Эйт прав и я завидую, но всё равно, чаще, розовый финал — это лишь застиранная кровь. Береги себя, Марго, – Чарита обняла баронессу. – Счастья тебе с твоим пиратом. Ему повезло, ты славная девчонка. У меня никогда не было подруги, но теперь я хотя бы знаю, на кого она должна походить. Оставайся такой же, сколько сможешь! Ты честная. Это больно, но круто!

– Погодите с прощанием и финалами разной окраски. Судя по всему, это не Альваро, – Эйт напряжённо вглядывался в мерцающий далёкий огонёк. – Во-первых, странно, что с горы, а не из города. Во-вторых, дон Альваро должен быть на коне, тем более если собирается забрать Мадлен. А факел движется очень медленно и как-то рвано даже для пешего быстро идущего человека. Мне кажется это учитель.

– Скварчиаре? – удивилась Чари, – зачем ему сюда? Он и в город-то никогда не выбирался, ты ему всё таскаешь.

– Да, странно. Да и тяжело ему по этой тропинке вверх-вниз бродить. Он ногу недавно подвернул, когда по лестнице спускался, теперь хромает. Но это хорошо, что он здесь! Мы с ним поговорим- он поможет. На самом деле он добрый.

– Погоди, – протянула Чари, – Мадлен с её пиратом я понять могу. Тебя – нет. Смотри, старый, слепой и хромой колдун...

– Не колдун он. Анатом.

– Ещё хуже, – отмахнулась Чарита, – так вот, он вылезает из своего склепа ночью, и тащится по узкой горной тропинке к мёртвой девушке, которую в течении месяца опаивал какими-то травами...

– Накануне отправив своего ученика охранять тело, – вставил Тяф.

– Только он не опаивал, – поправила Мадлен, – он спас меня. Я заболела раньше. И... и настой лютика выпила сама. А до этого я дней десять никаких лекарств не принимала, когда кончилось снадобье.

– М-да... не расплетается ниточка. Запуталась. Тогда зачем он здесь?

– Расплетается, – прошептал Тевье – Я знаю. Говорят, в определённую ночь колдун, особенно некромант, может, ну... – Тяф залился краской, – ну с покойницей... это самое... особенно с юной, чтоб вернуть себе силы. Забрать все её непрожитые годы.

Мадлен чуть слышно вскрикнула, видимо осознав, что участь университетского духа не самая страшное, что ей грозило после смерти.

– Ой, Тяф, замолчи – взмолилась Чари, – Это вообще не так работает. В Вальпургиеву ночь на шабаше ведьмы с ожившими мертвецами устраивают... разное. Семя покойников возвращает им молодость и красоту.

– А ты откуда знаешь?

– Дурак!!! – вспыхнула Чари и, оттолкнув Тяфа повернулась к Мадлен, – Марго, надо узнать, что хочет Скварчиаре. Ты... ты должна забраться в саркофаг.

– Нет-нет-нет!!! – затрясла головой девушка, отшатнулась, едва не свалившись с обрыва, благо Каридад успела схватить её и оттащить от края.

– Я не могу, Чари, милая, пожалуйста, не заставляй меня.

Глаза Мадлен наполнились слезами, Эйт видел, что баронесса готова упасть на колени. Видела это и Чарита.

– Ладно, – вздохнула она, – Тогда по-другому... Говорите, Скварчиаре почти слепой, и к тому же Мадлен никогда не видел? Ладушки... Так... Снимай платье.

– Ч-что? – поперхнулась француженка, – Но я не...

– Марго! – разозлилась Чари, – либо платье, либо в гроб! Живее! Скварчиаре хромой, а не безногий. Пошли! – акробатка схватила баронессу за руку и потащила в каменистую глотку пещеры.

Мадлен смешно пискнула, споткнувшись, взмолилась:

– Погоди, я ж на каблуках.

– Попросить Эйта, чтоб он взял тебя на ручки?

Ответа разобрать не удалось. Девушки исчезли в темноте, а Эйт и Тевье недоумённо переглянулись.

– Она тебе нравится, да? – почему-то шёпотом произнёс Тевье.

– Кто? – глупо переспросил Эйт

– Не тупи! И знаешь, по-моему, Чари это чувствует. Она... словно боится оставить нас одних. Боится уезжать. Воронята не могут без Белой Вороны. А Мадлен- белая. Она не такая как остальные и ей тяжело, как и нам. Тёрн,– Тевье ещё понизил голос, и Эйту стало казаться, что он не слушает, а читает мысли, – а если мы попросим её не уезжать. Вдвоём. Оба. Скажем, что не можем без неё, что... любим. Она... она останется, как думаешь?

«Кто?», – хотел снова повторить Эйт, но передумал, слишком болезненная была тема, чтоб увильнуть от ответа.

– Останется – ответил так же, едва слышно, – но... но что дальше? Мы разорвём её? Как вороньё? Или друг друга?

Тяф отвёл глаза и даже опустил голову.

– Тёрн, а ты... ты не можешь... с Мадлен. Вы же нравитесь.

– Не могу, Тяф, не могу... прости.

Гроб

Эйт отвернулся. Глупые звёзды насмешливо подмигивали, как акробатки, уцепившись за чёрный купол небосвода. Эйт сморгнул слезинку и перевёл взгляд вниз, на тропу и приближающийся, приплясывающий огонёк фонаря. Тот уже выцарапывал из теней другие, более светлые, и как искусный ваятель, каждый миг отсекая лишнее придавал им всё более чёткие очертания некой новой сущности – высокой, широкоплечей но сгорбленной фигуры седовласого учёного.

– Пора спускаться, – сипло проговорил Эйт. Сам испугался своего голоса. Откашлялся, – Мы до сих пор не знаем, что придумали девчонки. Пойдём, Тяф. Скварчиаре скоро будет здесь.

– Если они переодеваются...

– ...то я пойду первым. И если что, крикну, чтоб ты зажмурился. Идём!

– Я не о том, балбес! – смутился Тевье, – Я говорю, если они переоделись, то белые сорочки видна в пещере. Как спрячется Мадлен?

– М-да. Этот саван Чари нужен был как раз для того, что б её увидели. И кровь. Не подумал. Идём быстрее. Девчат, мы спускаемся, – гаркнул Эйт в чёрную нору прохода и нырнул в объятия собственного эха.

Как слепой крот, сполз в глубину на десяток футов и замер. На миг показалось, что он попал в подземное царство и предстал перед самой королевой фейри. Высокой, грациозной, величественно-прекрасной. Густые волосы волнами расплавленного серебра скатывались по тонкой шее и обнажённым плечам, мерцающей накидкой прикрывая спину. Листья тёмной дубравы подарили цвет платью, переливавшемуся росой алмазов, глубокое декольте забранное паучьей сеточкой притягивало взор к полуоткрытой груди, размеры которой оказались... Эйт судорожно сглотнул. В общем, сейчас дико было предположить, что у этого волшебного существа, «прекрасно получалось» сходить за мальчика. Гибкий стан стягивал так любимой акробаткой широкий кошанный пояс (ну или узкий корсет) с кучей серебристых ремешков и пряжек. Собственно, по нему-то Эйт и опознал в пещерной фее Чариту. Та засмеялась, явно наслаждаясь произведённым эффектом.

– Круто, да?! Прикиньте, я великанша! Эйт, дылда, я теперь тебя поцеловать могу, даже на цыпочки не вставая. Видали, такое? – Чари бесцеремонно приподняла покров шелестящей зелени, обнажив ножку, обутую в странную туфельку, в форме копытца на удивительно высоком каблуке. – Эх, нам бы такое пораньше, Сип бы вообще обделался! Дьяволица с копытами – блеск! Хотя, непривычно на них ещё. На ходулях и то проще было. А тут... то ли держать равновесие, то ли не держать... Мука в общем. Марго умница, в балансе меня превзошла.

Только сейчас Эйт перевёл взгляд на вторую девушку, в простой белой сорочке, которая недавно так хорошо послужила саваном Чари-упырице. Мадлен чуть ли не пряталась за саркофагом. Испуганная и смущённая, без платья и туфель, баронесса разом превратилась в обычную (пусть и очень красивую) девочку, неловкую и худенькую. Оставшись босиком, в полупрозрачных шёлковых чулках, на холодном камне маленькая француженка зябко переминалась с ноги на ногу, обхватив себя за плечи руками. То ли от холода. То ли для того, чтоб спрятать грудь. Не помогало в любом случае. Эйт чувствовал,

что Тевье тоже замер за его плечом. Но на кого он смотрел, да и смотрел ли вообще хоть на кого-то было не ясно, но первым в себя пришёл именно он.

– Скварчиаре скоро придёт, – пробурчал Тяф, старательно отводя глаза от обеих девушек но, тем не менее, с каждым мгновением приобретал всё большую схожесть со стручком огненного перца. Маленький, красный, тронешь обожжёшься.

– Уже? Плохо... плохо... Так, парни, крышку на место, – Чари легко перемахнула через стенку саркофага, слегка звякнув каблуками о мрамор, но... – Ой, нет, я в этом платье не пролезу. Чуть пошире, какая ж я в нём толстая. Вернее... ладно, вооот, Чари сверкающей изумрудной змейкой скользнула в щель, между крышкой и изголовьем. повертелась, расправляя платье, вытянулась поудобнее устраиваясь в саркофаге, пригладила волосы, скрестила руки.

– Господи, прости нас, не из кошунства делаем, – прошептала она, – Хорошо, закрывайте, только не плотно, в прошлый раз я чуть не задохнулась, а сама отодвинуть не смогла. – её передернуло от воспоминания, – Особенно жутко стало, когда вы ушли. Я кричала даже и тишина... Хорошо, что вовремя поняла, буду орать дальше – задохнусь. А потом Эйт рядом бубнить что-то начал. Тогда полегчало, не так страшно. Успокоилась, чуток. Ладно, ребят, простите, это я так, страх заговариваю. – девушка несколько раз глубоко вздохнула и зажмурилась, – Всё. Закрывайте!

Эйт и Тевье навалились на тяжёлый камень. Марго вскрикнула и отвернулась.

– Нет, стойте! – закричала Чари, и отчаянно упёрлась ладошками в мраморный торец, безуспешно пытаясь остановить со скрежетом наползающую на неё каменную плиту, отрезающую от мира живых, от света, воздуха, – Блин, Марго! Что ж ты сделала. Жутко мне теперь, словно взаправду заживо хоронят. Сломалась! Стыдно-то как, – Девушка со злостью врезала кулачком по крышке гроба. Ладно, оставьте так, наполовину, если что, смогу выбраться. Она откинулась на шёлковую подушечку и несколько раз глубоко вздохнула, – Ещё раз простите, – пробормотала она, – не знаю, что со мной. Марго, теперь я тебя понимаю, но выбора нет, прости, что обманула, тебе тоже в гроб. Снова. Больше прятаться негде. Но зато тебя там Скварчиаре разглядывать не станет. Или что похуже. Чари показа скривившемуся Тевье язык.

– Нет, – замотала головой Мадлен, – ты же обещала. Я не смогу! Я умерла там! Я чувствовала, что умерла!!! А потом...

– Тёрн, сделай с ней что-нибудь! Всё катится к...

– Замолчи, Чари! – рявкнул Эйт, – Тяф, успокой её, не дай вылезти из дурацкого гроба, она всё испортит.

А сам прижал Мадлен к груди погладил, по волосам, как недавно это делала Чари. Раз получилось у неё... Попытался вспомнить, что она говорила.

– Тише, девочка. Всё будет хорошо, я тебя не оставлю. Ты же мне веришь, да?

Баронесса кивнула.

– Хорошо, теперь...

– Он уже рядом, взвыл Тяф, – что нам делать? Что мне делать?

– Тёрн, что там, я не вижу?

– Нормально всё! Лежи, притворяйся красивой и молчи.

– Злюк какой, – прошипела Чари и... замолчала

А Эйт действительно разозлился не на шутку, какого чёрта затевать идиотский спектакль, когда можно по-человечески и без кривлянья, напрямую обо всё спросить учителя. Но нет, Каридад Сегри лёгких путей не ищет! И он за ней следом. Эх! Эйт не любил принимать решения. Всегда старался держаться за чужими спинами. Но иногда... он даже не заметил, что его все беспрекословно слушаются, – Тяф, скидывай рубаху, натягивай мою, чистую. Будешь убалтывать Скварчиаре, вместо меня.

– Я? А ты? Что я скажу, твоему учителю?

– Уж ты-то найдёшь, только лишнего не трепи. Так, Мадлен, идите ко мне, повернитесь. Я сейчас завяжу вам глаза. Как в «жмурках», играли? – он поздновато понял, что пример неудачный, ибо смысл игры как раз в том, чтобы слепой «мертвец» тебя не схватил. Оставалось надеяться, что у Марго ассоциации с игрой радужнее. – Сейчас... – Эйт рванул рукав окровавленной рубашки Тевье. Тяф негодуяще пискнул. Но возмущаться не стал. Дураком он никогда не был, хоть иногда и выглядел. – Вот так, не туго? Теперь держите меня за руку и ничего не бойтесь. Я ложусь сюда, – Эйт едва уместился в деревянном ящике. Гроб был очень глубокий и широкий, оно и понятно, делали не для девушки, а для платья, но не особенно длинный. Как удивительно переплетаются события, успел подумать Эйт, устраиваясь на жутком ложе. Если бы барон решил похоронить дочь без изысканных туфелек, знака родовитости и богатства или простом платье по фигурке. Если б не человеческое тщеславие, он бы сейчас просто не втиснулся в гроб и весь их «гениальный» план обернулся хорьковым помётом.

– А теперь вы. Да, прямо на меня.

Мадлен дёрнулась, задев ногой дубовую доску. Конечно она всё поняла. Смысла врать не было, Эйт и не стал,

– Вот и всё, никакой крышки, Марго, перед вами, только моё лицо. Представьте, что вы...

Что она должна представить, Эйт придумать так и не смог. В голове вертелся только образ колдуньи, которую хоронят лицом вниз, чтоб та не смогла выкопаться. Но, наверное, фантазия у француженки была богаче, потому что она мягкой лаской скользнула по его телу и прижалась к груди. Её руки тёплой подушкой легли ему под голову. Она не плакала, не спорила, лишь вздрогнула, когда опустилась крышка. Вздрогнул и Эйт. Наступила тьма. Осталось только дыхание друг друга и жасминовый аромат её волос. И голоса... Голоса с той стороны кулис.

*

– Хейли, это я, дон Хьюго. Я спускаюсь и, надеюсь, что мне в голову не прилетит что-либо тяжёлое. Хоть ты и на страже, не проявляй излишнего рвения, юноша. Шаркающие шаги и тяжёлое дыхание подтвердили правдивость слов ночного пришельца.

– О! Дон Скварчiare! – звенящий голос Тевье, был наполнен почти щенячьим восторгом. Даже Эйт зная всё не услышал фальши, – Как я рад, что вы здесь. Жутко мне тут одному.

– Хм, одному? А ты, собственно кто, маленький Педролино? Подойди-ка поближе? А-а теперь вижу, рыжий Тевье ха-Леви закадычный друг моего непутёвого ученичка. Должен был догадаться, что он потащит тебя за собой. А где же он сам?

– Вы не поверите, дон Скварчiare! – тут такое было, взхлёб начал рассказывать Тяф. Как только колокол полночь отзвонил, к нам Сип-то с друзьями и появился. Ну Сип этот, то бишь Васко Эррера а с ним Крысоед и Курро Толстый те, что могилы, сказывают грабят и покойничков вынимают, а потом университетским продают... ой...

– Слыхал о таком, – согласился Скварчiare. – полезное, между прочим дело делают, ребятки. Сколько жизней спасти можно, если знать, как тело устроено...

– Полезное? – возмутился Тяф, – так они душу губят. Как же потом по воскресении, когда тела нет?

– Хм, забавный Педролино, я бы с удовольствием вступил с тобой в теологический диспут, но время, увы не столь щедро, как может казаться, в твоём возрасте, мальчик. Юная баронесса в холодной усыпальнице за твое спиной, живое (хм, прости, уже нет) тому доказательство. Посему, настоятельно рекомендую не сокращать отпущенные нам с тобой мгновения, поведав мне где чёртов Эйтерн мак Хейлин, которого стоит выдрать, как Исидорову козу!

– Так я и говорю, – затараторил Тяф, – Эйт как Сипа-то заприметил, да скумекал, зачем он тут, так сразу и рванул из пещеры, заорав, дескать, Тевье, задержи их. Я стражу приведу. Ну, они не будь дураки за ним, а я вот теперь сижу трясусь рядом с покойницей. Жду кто заявится. То ли Сип за мертвячкой вернётся, то ли стража баронская. А мне в любом случае несладко придётся. Хорошо, что это вы, мэтр Скварчиаре. Я побегу, да? Если эйта найду, сразу к вам отправлю.

– Стража, говоришь, баронская. Хм... плохо-плохо. М-да, не ждал я что тут Сип объявится. Странно, не того полёта птичка, чтоб баронессу клевать. Ну ладно... у парнишки выбора не оставалось, куда ему против троих. Надеюсь не найдут его по утру с ножом в спине. Досадно, коли так. Очень смышлёный паренёк. На диво. Так, Педролино, пока никуда ты не бежишь, коли уж взялся другу почмочь, придётся постараться. Помоги отодвинуть крышку. О, уже?

– Это Толстый Курро, ему Сип приказал. А как Тёрн увидел, что они удумали, так и... А кто такой Педролино?

– Да есть один такой персонаж. Посмотри на себя-поймёшь. Вот что я называю работать спустя рукава. Закатай хоть, а то по земле волочатся. Темно тут, ну-ка, мальш, посвети. Хоть взглянуть на неё. Правду ли говорят. А то такого в Университете о её красе наслушался.... Не надо так близко, волосы спалишь. Я всё равно не разгляжу, даже в окулярах.

– Правду! – проговорил вдруг Тевье слегка изменившимся голосом. – Я красивее не видел. Да и не может быть никого краше. Лицо нежное, как у нимфы и кожа глаже шёлка. Чище воды родниковой и будто изнутри светится. Волосы густые, как грива лунной кобылицы что в небесных лугах пасётся, сияющие и серебряные слово нити, на коих звёзды закреплены. А брови тёмные, соболиные и ресницы тоже, пушистые, как лапы у ели и длинные, даже сейчас тени на щёки падают.

– Краска это, дурачок, но продолжай только без эпитетов. По-деловому.

– Нос тоненький и прямой. Даже кончик не загибается. Словно, кто по отвесу отмерил и выстругал, да и зашкурил идеально. И скулы тоже резные. А губы... улыбаются, настолько изгиб мягкий. Такого контура я...

–Тьфу! Уж лучше с эпитетами, а то я и забыл, что ты резчик. Ладно, в общих чертах ясно. Выходит, что-то в ней было, коли ты даже на мёртвую глядя о нимфах заговорил. А теперь главное, зачем я здесь. И для чего тебя о чертах покойницы спрашивал. Дал мне барон задание. Сохранить красу эту. Если уж Господь душу девочки прибрал, то пусть отцу хоть тело останется. А может и Суд скоро и вернётся душа в сохранённый да украшенный сосуд. По крайней мере египтяне так считали. Поэтому надо мне его, сосуд то бишь, в лабораторию доставить, а там уж бальзамированием займусь. Даст Бог и останется ваша нимфа прекрасной ещё на пару столетий. Тележку я вашу у входа видел. Теперь главный вопрос, ты один справишься? Сможешь её ко мне доставить? Из саркофага вынуть, из пещеры вынести? Из меня-то помощник, сам видишь, никудышный. Дерзай, юноша, мёртвые не ждут. У них времени лишь до рассвета.

–Всё сделаю, дон Скварчиаре, будьте покойны.

–Хорошо, мальчик, в долгу не останусь. Только поторопись. Если Хейла встретишь, скажи, пусть в лабораториум со всех ног мчится. Нам трудная ночь предстоит. Ну а я пока посижу, переведу дух а потом в гору, к себе. Надеюсь, ты меня опередишь и не разочаруешь.

О, как ловко! Словно сама в руки скользнула. А ты сноровистый, юноша, Хваткий. Выходит, повезло мне. Ну с Богом! Только навозом её сильно не заваливай. Я понимаю, маскировка шедеврально, но мы ж не тати какие и преступления не совершаем. Но глаза людям всё ж не мозоль. Сам понимаешь, слухи поползут барон разгневется. И так о его

дочке разное болтать начали, что де и ведьма и козла под хвост целовала. И прелюбодейка бесами одержимая и еретичка, что прям с костра святой инквизиции сбежала...

*

Эйт чудом извернулся, чтоб в последний момент зажать девушке рот. Негодующий всхлип и оправдания вместе со слезами, слюнями и помадой остались на его ладони.

– Всё? – спросил едва шевеля губами, почувствовал кивок. Убрал руку. Неловко погладил по волосам, – Не слушайте, я знаю, вас. А вы знаете, что я знаю.

– Знаю, – девушка повернула голову, опустила ему на плечо, её губы почти касались уха Эйта, – и ещё знаю, что самое нелепое, это общение на «вы» двух обнимающихся, полюблённых людей запёртых в одном гробу.

– Простите, – Эйт покраснел, но мне, правда, некуда деть руки.

Мадлен вздохнула:

– Всё в порядке, я пошутила... неудачно. Это всё нервы и духота. Что это?

Гулкий скрежет разнёсся по пещере.

– Не знаю, -выдохнул Эйт, – кажется кто-то задвинул крышку саркофага.

– Зачем? Он же пустой?

– Наверное поэтому, чтоб никто не обнаружил отсутствие тела. Но, как дон Хьюго справился один? Хм, он что-то бормочет. Кажется напевает себе по нос. Он всегда так поступает, когда сосредоточен. Но, что ему делать в пещере?

– Не знаю, а вы вообще что-нибудь поняли из того, что сказал ваш учитель?

– Не совсем. Я даже не всё слышал. Как-то шумит в голове и сердце выскакивает.

– Страшно? – шепнула Мадлен, – Тяжело?

– Немножко, – признал Эйт, – я думал будет не так душно и...

– Мы в лодке. Маленькой узенькой лодчонке, новой, только что выдолбленной, нас опьяняет запах свежего дерева и цветов, которыми устлано дно. Жасмин и роза. Нотки бергамота и персика. Различаете? Тонкий шлейф древесных масел. Мы вдвоём в огромном океане. Лодочка несёт нас к далёкому острову, утопающему в яблонево цвет. Нас качают ласковые волны, а над головой бескрайнее синее-синее небо. Воздух такой свежий и прозрачный, а тёплый ветерок играет нашими волосами, спутывая их друг с другом. Она легонько подула на шею Эйта. – Вот так. Чувствуете? Вдохните поглубже. Ещё раз...

– Мадлен, с вами всё в порядке? – на миг Эйту показалось, что девушка сошла с ума. Но шелест её голоса успокаивал, почти убаюкивал, точно шелест волн и казалось, что воздух действительно посвежел, а тревога отступила. А нотки бергамота, персика, жасмина и розы Эйт чувствовал уже давно. С того мгновения, как поднял Мадлен на руки. Он понял, что фантазия у Марго действительно богаче, использовать духи и голос как способ уйти от пугающей реальности... Молодец. Эйт улыбнулся. Сработало. Хочешь, что бы кто-то стал сильнее - будь слабым.

– Чувствую, – улыбнулся Эйт и слегка взъерошил девушке волосы. Похоже, она засмеялась. На миг, даже стало жаль, что сейчас Скварчиаре уйдёт и их путешествие к далёкому яблоневому острову оборвётся. Желаниям свойственно сбываться. Опасайтесь их. Тяжёлые шаги и позвякивание шпор, нарушили мерное покачивание лодочки с бергамотом, персиком, жасмином и розой.

– Ха, старик! – гаркнул зычный голос, – и почему же я не удивлён, встретив тебя здесь?

– Альваро! – чуть не взвизгнула девушка, благо её писк приглушённый крышкой утонул в рокоте мощного баритона.

– Ну, наверное, потому что знал, что я приду. Не? – старый анатом, похоже тоже несколько не удивился. Чего нельзя было сказать про Эйта. Оказывается, Мадлен говорила правду и ничего не путала. Альваро действительно знаком с учителем и похоже давно. А Скварчиаре, выходит, замешан во всём происходящем?

– Вообще-то ты прав, старик, меня удивило не твоё появление здесь, а твоя извечная самоуверенность, граничащая с тупостью. Что я просто исчезну, оставив твоё предательство безнаказанным?

– Предательство? Однако... - хмыкнул Скварчиаре, и в чём же оно состояло, позволь мне уточнить?

– Ты разрушил всё! – взревел Альваро, я мог стать бароном! Владельцем этого зачуханного городишки. Богатейшим человеком севера!

– И как я разрушил столь грандиозные планы? Не позволил убить девочку?

– Да, чёрт тебя дери! Она должна была сдохнуть через месяц после свадьбы, а не на кануне! Всё стало бы моим!

Эйт уже ждал чего-то подобного. Извернувшись в гробу он удавом обвил тело девушки прижимая в стенке. Одна рука зажимала рот, другая удерживала пытающееся вырваться упругое тело. Своей ногой он прижимал её ножки к днищу гроба. Жуткая картина вампир и жертва. Если бы кто-то сейчас поднял крышку... Благо этого не произошло. Яростный рык обезумевшего начальника стражи заглушал все звуки.

– Милая, милая, – шептал Эйт, – успокойся, я молю тебя. Слушай меня, родная. Ты вернёшься к отцу! Альваро за всё заплатит. Но нельзя, чтоб он тебя увидел. Тогда конец. Слышишь. Ради Чари и Тяфа, ради меня. Пожалуйста. Девушка затихла. Даже обмякла. Может быть потеряла сознание. На миг Эйту пришла в голову жуткая мысль, что в темноте он зажимал девушке не только рот, но и нос. Поэтому она так выгибалась и царапала его руку? Господи, только не это, пусть она будет жива! Холодея от страха, и в тоже время обливаясь потом. Эйт коснулся её левой груди. Сердце билось... а острые коготки впились в ладонь. Эйт чуть не вскрикнул.

– Ненавижу! – прошипела Мадлен, захлёбываясь слезами, – Всех вас ненавижу! Будьте вы прокляты! И тебя! Ты любишь её, а сам тут, со мной... извиваешься, как склизкий червяк: «милая... родная...» Мерзь! Отпусти меня! Отпусти, я сказала! Я не буду ничего делать. Обещаю!

–...что болезнь вернётся, если она прекратит принимать твои лекарства, надрывался Альваро

– и она бы вернулась, – голос Скварчиаре оставался таким же спокойным, – если бы это была болезнь. Неужели ты думал, что аптекарь при дворе самих Медичи, не сможет узнать яд, которым ты пичкал девочку? Я много видел зла в этом мире, совершал его ещё больше, но скажи мне, как можно сидеть у кровати умирающей, влюблённой в тебя девочки, смотреть ей в глаза, вытирать слёзы и кровь с её губ, держать за влажную, дрожащую руку и знать, что в следующий раз в бокал надо подсыпать чуть меньше яда. Чтоб она дотянула до свадьбы?

Слёзы катились по щекам Эйта. Не только собственные. Он знал, что оторванный рукав, послуживший повязкой насквозь пропитался ими. Он чувствовал их соль на губах и боль в сердце. Вот он розовый финал, о котором говорила Чари. Слёзы разъедающие кровь.

– Плачь, малыш, плачь, – шептал он, – сейчас можно. Ты не болеешь. Ты здорова. Ты жива и будешь жить. Плачь, теперь всё будет хорошо, пусть и не так как прежде.

– ... признаёшь, что дал ей противоядие? С интонацией алькальда зачитывающего приговор, прогремел Альваро.

– Признаю.

– Ну и хорошо, – голос Альваро так внезапно приобрёл мягкие, даже бархатные интонации, что Эйт не поверил своим ушам. – Понимаешь, старик, богатство, это хорошо, но всё же не главное.

– А что же тогда?

– Ты станешь смеяться колдун. Говорят, смех продлевает жизнь, но не в твоём случае. Так что почему бы тебя и не развлечь. Я ведь солдат. Честь, долг и справедливость. Ну или то, как я их понимаю. Я ведь любил её. Не веришь, но это так. Против её чар устоять нельзя. Я было подумал, что не устоял и ты, хоть и сморчок, но, ты её не видел. Так зачем влез, старик? Если б ты знал, сколько сил мне стоило распустить слухи по всему городу о порочности этой девочки. Чудо, но к ней относились как к святой и мне помогла только её... болезнь и твои коллеги медики и лекари. Когда бедняжку ломало в судорогах, многие поверили в овладевшего ей демона. Тем боле и причина была известна. Она не католичка. Если бы барон не поддался на мои уговоры, с лёгким намёком на костёр инквизиции, то я бы её просто увёз подальше. Мы бы сыграли свадьбу. Она красивая и я был бы даже счастлив с ней. У меня всегда была мечта где-то осесть и организовать своё дельце. Вот с ней бы и организовал. За неё бы платили. Ой-как хорошо платили. Наверняка не меньше, чем за инфанту, скажу я тебе. Не самая приятная участь, но она была бы жива... какое-то время. Но нет. Барон оказался уступчив. Свадьба через месяц. Должна была быть. Ну и как следствие, баронесса тоже должна была умереть. И ты всё испоганил. Я вообще не знал, что от «вязкой нити» есть противоядие.

– Теперь знаешь.

– Слушай, старик, догадываешься, зачем я пришёл сюда?

– Более-менее.

– Ну а чего ты тогда такой спокойный?

– А ты?

Эйту показалось, что начался камнепад, но это просто расхохотался Альваро.

– Смешной очкастый червь! Ты хоть знаешь, почему я тебя ещё не убил?

– Знаю. Ты охотник, как и я раньше. Ты получаешь удовольствие от процесса. Результат, лишь галочка в послужном списке, зарубка на ремне.

– Хм. Удивил. В принципе, да. Я не знаю, старик, какие у тебя планы на баронессу. Почему ты разрушил мои, но, долг красен платежом. Пора заканчивать. Открой гроб, колдун, и взгляни на плоды трудов своих.

Эйт почувствовал как напряглись мышцы Мадлен. Словно у кошки приготовившейся к прыжку. Он испугался что она сейчас рванётся наружу, но девушка только плотнее прильнула к его груди.

– Прости, – шепнула она, – Ты не виноват. Ошиблась я, когда послушала тебя, а не Чари. Она ведь предупреждала. Но я знаю, что ты хотел как лучше. Ты сделал всё что мог, чтоб девочка не выросла. Но не получилось, Эйт. Прости. Когда тебя убивают, ты становишься другой. Дай Бог, тебе этого никогда не узнать.

– Дай Бог, – грустным эхом отозвался Эйт.

–...я тупой? Ничуть! Я тоже читаю книжки и даже итальянские новеллы. Я разгадал твою мозгололку.

– Мою? – каркающий смешок Скварчиаре казался совсем неуместным, – Ты уверен?

– Мне очень больно, затекла рука, – шепнула Мадлен, – давай ляжем как раньше, можно? Только теперь без рук.

– Конечно, – Эйт осторожно повернулся, стараясь держать руки вдоль тела. Мадлен навалилась сверху.

– А чью? Не белобрысой же баронесски, – засмеялся Альваро.

– Осторожно, Маргх-хрх... – развернуться аккуратно не удалось. Острый локоток Мадлен неудачно упёрся Эйту прямо в горло. Тот дёрнулся, но гроб выполнил своё предназначение, вытянутый руки оказались прижаты к стенкам бёдрами девушки.

– Конечно нет, – презрительно хмыкнул, Скварчиаре, – а ты думал о её отце? Старый волк умный и хитрый. Закалённый в боях, прошёл не одно сражение, выжил в парижской резне. Сохранил дочь и всё состояние, неужели ты решил, что он задержит перед тобой лапки, едва услышав про инквизицию?

– Эйт, что ты делаешь?! Прекрати, это мерзко и переходит все границы! Мне плевать, я закричу!

– Гхрло... горлокхх...

– Что с тобой, Эйт? – предмлежье сдвинулся и прохладные пальцы Мадлен пробежали по его лицу, коснулись, губ, шеи... – Не можешь дышать? Сердце?

– Локоть... кхр.. – прохрипел Эйт. – Ты меня чуть не убила. Думал раздавишь горло.

– Прости! О Боже! Кошмар какой, я тебя не так поняла, когда ты начал дёргаться и... я подумала... после всего, что говорил этот подонок, я... Прости, Эйт. Прости меня, я случайно. Давай как раньше... с руками и снова завела своя ладони ему под затылок и запустила пальцы в волосы. Да, так было гораздо лучше.

– Старик, если ты надеешься заговорить мне зубы – не пытайся. Не выйдет

– А зачем мне? Помнишь, первое правило ловчего? Если охотишься ты, значит охотятся на тебя. Что если барон решил избавиться от тебя до свадьбы. Нет Жениха- нет свадьбы. Но как это сделать, чтоб не разбить сердце дочери? Да и не поверит она, чтобы он ни сказал. Можно, конечно, избавиться и от зятя, мало ли несчастных случаев на охоте или тех же болезней. Но оставить дочь вдовой? Партии с особами королевской крови уже не будет. Но что же делать? Избавиться от начальника стражи, наняв головорезов в небольшом городке- нелепость. Да и чутьё у тебя звериное. Нож в спину не всадить. Барон это знает. Поползли бы слухи. Дочка бы не простила никогда. Безвыходно?

– Ну...

– Не совсем.

– Отец?! – изумлённо выдохнула Мадлен, – Нет! Не может быть. Он бы никогда не похоронил меня живой. И убить кого-то он бы тоже не смог. Даже Альваро. Отец-человек слова! Раз он обещал выдать меня за... – она споткнулась... – но... он ведь обещал и герцогу. Даже раньше... Эйт, ну зачем, зачем ты меня вытащил из этого гроба! Почему я не умерла?! Я не хочу, не хочу жить в этом мире, где самые близкие люди оказались... оказываются...

– Тшшш, девочка, тише. Порой из-за любви можно совершить чудовищные вещи. Даже если всё правда, твой отец любит тебя, как никто на свете, если решился на такое. Рискнуть всем, чтобы причинить тебе как можно меньше боли.

– Но вышло наоборот. Столько боли я не чувствовала никогда, понимаешь? Столько, что теперь я больше уже ничего не смогу почувствовать. Сегодня меня убили, Эйт. И лучше бы это сделал Тевье воткнув кол мне в грудь, чем... вот так... медленно и страшно, вытравливая душу. Наверное, это и есть – бальзамирование.

– Не понял тебя, – признался Альваро.

– В этом и фишка, мой недалёкий друг. Ловушка срабатывает, только когда ты не понял. Иначе это просто ящик с бананом и дыркой. Стоит только понять и отпустить банан – ты свободен.

– Какой банан? Ты обезумел старик?

– Похоже, обезьян тебе ловить не доводилось, охотник? А я вот поймал одну, только что. Если ты разгадал всё, как считаешь, если понял, что девчонка жива, у тебя появилась возможность убраться из города, но ты не отпустил банан. Кто ты после этого?

– Ты прав, самовлюблённый охотник на мартышек, я ничего про них не знаю, я охочусь на иную дичь, и если ты под бананом подразумеваешь долг, то да, я не поднялся выше обезьяны. Только, ведь это тебя не спасёт. Весь твой трёп, остроты. Что бы ты не нёс, я знаю, что рядом никого нет. Только ты и я. Не дёргайся, всё равно ничего не успеешь. Ты опоздал, в прямом смысле. Поэтому проиграл, какой бы хитрый план сейчас ни складывался в твоей червячьей голове книгочая, уже поздно. Наверняка, какие-нибудь уличные мальчишки следили за мной, и ты уверен, что зачарованная красавица спит в своём склепе, потому что принца, то бишь, меня здесь ещё не было. Это так. Принц припозднился. У него оставались дела в замке. Но знаешь, к красавицам ведь заглядывают не только принцы... Открой саркофаг и взгляни на свою приманку, старый дурак. Как ты объяснишь барону отрезанную голову и выпотрошенное тело его дочери? Заспиртуешь в своих баночках и предъявишь по частям? Боюсь не оценит.

– Ты лжёшь, – прокаркал Скварчиаре, – никто не решится сделать такое с девочкой, кроме тебя. Каждый знает, что барон не простит.

– Профи да, знают. Но кто с ними работает? Только короли да идиоты. Мы с тобой не относимся ни к тем ни к другим. Зачем когда вокруг море жадных или преданных дураков? Да и потом, не с девочкой, а с ведьмой. Не допустить в Лого дель Лобо нового Зверя из Лагуны. Ты удивишься, сколько оказалось желающих. К чему споры, старик? Открой саркофаг и покончим с этим. Взгляни на дело рук своих. И умри. Я сделаю это быстро старик. Я тоже немного знаком с анатомией. Лезвие войдёт в основание черепа, ты почти ничего не почувствуешь.

– Он убьёт учителя! – Почти застонал Эйт, и рванулся из гроба, – пусти, Мадлен! В этот раз она обвила его ногами нарочно, не позволяя двигаться, пальцы впились в волосы, оттягивая голову назад, но оба знали, что ей не удержать, но... тут губы прижались к губам. Эйт ошалел. В первый миг он подумал, что она его целует, но отпрянуть или отвернуться не мог всё равно. Сжатые кулачки крепко вцепились в его космы. И только потом Эйт понял – не целует. Марго просто зажимала ему рот. Руки были заняты. Её губы шевелились и Эйт чувствовал произнесённые слова:

– Лежи! Пожалуйста, лежи. Не шевелись. Ты не сможешь. Он убьёт тебя и твоих друзей, ты сам мне это говорил. Я не позволю. Не пушу. Ты дважды спас меня сегодня. Настал мой черёд. Обещай! Как я обещала тебе! Я сдержала слово, теперь ты... Эйт, не

убивай нас, пожалуйста. Лежи... – Эйт перестал сопротивляться. Тёплые и солёные, влажные от слёз губы отстранились, но дыхание осталось на лице, Горячее прерывистое. – Мы отомстим! – прошептала девушка, – вместе. Обязательно!

– *Издеваешься, недоделанный барон, посмотри на меня, а потом на крышку и скажи, кто победит.*

– *М-да... – хмыкнул Альваро, – за это всегда ненавидел черепах в мантиях, считают себя умнее других. Скварчиаре выброси пистоль. Думал не замечу? Хотел пальнуть мне в спину, пока буду корячиться с крышкой. Ха, наивный. И второй тоже. Не держи меня за дурака. Вот так, мэтр а теперь, подойди сюда и смотри... В очередной раз скрежет крышки и ругань напугали мёртвую ораду, дочь скалистого утёса по имени Эхо, от которой остался лишь голос. – Дьявол!– взревел Альваро. – Ненавижу эту страну калек. Даже ручку обтесать не могут. Распорол ладонь. Не задался день. Что?! Где она?!– его рык заметался под каменными сводами, но, вдруг затих, перешёл в едва различимый полусвистящий шёпот, – Плевать, ты сдохнешь, старик, сейчас..*

Жуткие звуки из стонов, хрипов, бульканья и падения тела смешались в не менее чудовищную какофонию.

Эйт и Мадлен рыдали вместе, глотая слёзы и зажимая друг другу уши ладонями до тех пор пока не наступила тишина. Гробовая в прямом смысле. Уж Эйт и Мадлен теперь знали, что это такое. Когда тишина давит, разрывая барабанные перепонки, когда кричишь, но знаешь, что голос не разобьёт тишину, а лишь утонет в ней, завязнет, как в трясине, растворится в тенях, превратившись ещё в один кусочек разорванной нимфы по имени Эхо.

– Всё? – шепнула Мадлен, когда тишина стала невыносимой.

– Наверное.

– Я не могу больше, Эйт. Не выдержу.

– Я тоже.

– Выходим?

– Да. Держись за мной. И не сдёргивай сразу повязку, ладно?

– Будет больно от света?

– Не только...

Эйт толкнул крышку. Та с противным скрипом скользнула по стенке и с глухим, но отчётливым звуком упала на землю.

Эйт и Мадлен замерли. Тишина, никакой реакции. Они остались одни в пещере или... одни с мертвецом. Мадлен чуть сдвинула повязку, став похожей на королеву пиратов вырвавшуюся из заточения. Стараясь не наступить на Эйта перевалилась, через край. Поднялась, сделала несколько неуверенных шагов и вскрикнула, попятилась в привычную тьму, зажимая рот ладонями.

– Я же просил держаться позади, рявкнул Эйт, неуклюже переваливаясь через стенку гроба, спотыкаясь и шурясь от света, бросился вперёд и оттолкнул девушку за спину, всё ещё не в силах ничего разглядеть. Мадлен дёрнула его за оставшийся рукав и ткнула пальцем в сторону саркофага. Эйт увидел. И тоже вскрикнул. Дон Альваро сидел, привалившись к мраморной плите, сжимая в руке кинжал. И смотрел прямо на них. И улыбался! Но самое страшное, он был жив. Баронесса окончательно сорвала с глаз окровавленную повязку и шагнула к своему жениху. К своему убийце. Странно в глазах Альваро не отразилось ни ужаса, ни удивления, хотя Мадлен была страшной. В окровавленном саване, жуткая известковая ещё сильнее выделялась по контрасту с золотистым телом, расплзшаяся от слёз краска тёмными провалами пустого черепа обозначила глазницы и оставила жуткие подтёки, напоминающие сползающую, гниющую кожу на щеках, где ручейки слёз разъели слой пудры. Но Альваро ни шелохнулся. Эйт бы

на его месте... Нет он никогда не окажется на его месте! Но именно так и рождались леденящие кровь легенды о мертвецах, возвращающихся за своими убийцами.

– Как же всё глупо! – свистяще-шипящий голос начальника стражи, пугал сильнее чем могильный облик Мадлен – до нелепости просто. Второй гроб. Ха. Я всего лишь, ошибся гробом. Как глупо... – он перевёл взгляд на Эйта, – Конечно, верный псиглавец, старый лис тоже знал, что преданный дурак надёжнее умного профессионала. Я ошибся. Вот кого очаровала моя ведьма, не старика, щенка.

– Эйт, – тихо произнесла Мадлен, – пожалуйста, принеси мне моё платье. Если я правильно поняла, Чари оставила его чуть дальше по тропинке, слева, за «барсучьим» как она сказала, камнем. Нет! Даже не надо ничего приносить. Просто уходи, прошу. Я должна остаться с «возлюбленным» наедине.

– Но..

– Со мной всё будет хорошо. А ты нужен Чари. Очень нужен. Ей грозит беда. Ты видишь, на что способен Скварчиаре, что он сдела с альваро. Он дьвольски хитёр и умён. Вытащи Чари из его логова, пока не поздно.

– Из какого логова?

– Ты же помнишь, она дала слово, что спасёт меня. Найдёт записи колдуна. Она сейчас у него. Спаси её и Тяфа.

– А ты? Как я тебя оставляю... с ним. Марго, это не яд, верне яд, но я не уверен, что смертельный Мне кажется он парализован, а если так, то...

– Тогда выбирай, Эйт – холодно бросила баронесса, – Я или она. Может умереть она, могу умереть я. Ты можешь спасти только одну, кого выберешь?

– Ха, – хрипло карнул Альваро, – я не знаю твоей девчонки, но знаю эту. Выбор однозначен, поверь. Беги отсюда. Хватай свою зазнобу и никогда не возвращайся в город, а лучше в страну или даже на континент.

– Послушайся его, Эйт, – Мадлен присела и разжала ослабевшие пальцы на рукояти кинжала, – Беги к любимой, а я останусь со своим. О, Альваро. Эта наша первая ночь. И она окажется долгой. Я сделаю для тебя то, что и ты делал для меня. Я стану держать тебя за руку, смотреть в глаза и вытирать слёзы. И кровь. Её будет много. Уверю.

– Мадлен! Ты... ты не можешь его убить.

– Его? Не могу... Уходи, Эйт, пожалуйста. Если Господу будет угодно, я вернусь к отцу. Мне больше ничего не угрожает. Люди любят трагические истории любви. Простой солдат влюбившийся в баронессу. И она, ответившая взаимностью. Они не могли быть вместе в этом мире, но мир за порогом вечности не ведаёт сословных различий. И они рука об руку шагнули во врата, которые им услужливо приоткрыла смерть. Юноша выпил яд у её гроба, а девушка вскрыла себе вены кинжалом возлюбленного.

– Нет! Мадлен, ты не...

Баронесса повелительно вскинула руку, прерывая Эйта.

– Но Судьба сильнее смерти. Им не удалось её обмануть. Девушка слишком ослабла после выпитого сонного зелья. Порез оказался неглубоким. Она потеряла сознание. Так их и нашли подроспевшие стражники. Ну а если Сип сболтнёт что лишнее, то это подтвердит правдивость истории. Он видел меня в гробнице в окровавленной сорочке. Так и есть. А остальное разыгравшаяся фантазия. Это один из возможных финалов. Второй... можешь прочесть у Луиджи да Порта.

Эйт прыгнул к ней, но не успел.

Девушка полоснула по запястью отточенным как бритва лезвием. Кинжал со звоном упал на каменную плиту.

Эйт закричал, подхватил пошатнувшуюся Мадлен, она его оттолкнула, вырвалась и опустилась рядом с Альваро. Взяла за руку.

Тот удивлённо скосил на неё глаза, прошептал:

– А ты отчаянная... у нас ... могло что-то получиться.

Француженка скривилась:

– Эйт, твоя задача сделать так что бы стражники подоспели. Беги! Я верю, ты успеешь. И не бросай книжки, они гораздо уютнее этого мира, хоть порой и заставляют плакать.

– Дура! Безмозглая дура! – всхлипывал Эйт, отрывая у рубахи второй рукав, – Не трогай повязку, Марго! Обещай, что не снимешь?! Я приведу людей, слышишь.

– Тссс, не теряй времени на слова, не забудь, что ты должен выбрать. Я или она. Скварчиаре, наверное уже подходит, к склепу. Он убьёт её. Эйт, и Тяфа.

– Эт точно, парень, – просипел альваро, – как пить дать. Это ж надо додуматься вогнать в крышку гроба шип с ядом... Не возвращайся, парень. У нас есть, чем заняться с... невестой.

Эйт, вытирая кулаком слёзы попятился к выходу.

– За что... всхлипывал он, за что ты так со мной, Мадлен.

– Дурачок, – улыбнулась она, – Альваро прав, выбор очевиден. Я говорила тебе, что не могу так жить. Но не могу и уйти, сама. А сейчас это не самоубийство, у меня... есть надежда. Я не смогла бы убить Альваро, пока ещё нет, не смогла бы даже оставить его умирать. Но и помочь, позволить ему жить не могу. Сейчас всё в руках Господа.

*

Зачем я это делаю? Болтаю, влажу в повествование, искажаю восприятие? Кто знает, наверное, моя очередная мелкая девчачья пакость... или месть вселенского масштаба из-за которой галактические нити смотаются в клубки и серый котёнок погонит их по бескрайнему полю вселенной? Я не знаю. Так трудно что-то знать наверняка, когда в один миг звёзды рождаются и гаснут, расширяются и сжимаются вселенные, а ты всего лишь пустое пространство меж мирами и атомами. И тебе пятнадцать и навсегда останется столько и плевать на быстротечность времени. Воистину парадокс. И в этой вечности ты умираешь, задыхаясь, корчась от боли, видишь отражение в луже собственной крови себя и своего убийцы, Именно тогда вы становитесь близки как никогда.. Разве не романтично? О! Вы уже не хотите про любовь и близость? Зря. Я только начала. Я умираю каждую ночь, истекаю кровью. И рождаюсь заново. Во снах чернокнижника Эйтерна Мак Хейлина. Потому что я-память.

Что ж, затыкайте уши и слушайте...

Склеп

От Волчьей пещеры к логову мэтра Скварчиаре в древнем кельтском склепе тянулась только одна тропинка. Вдоль побережья с крутым подъёмом на скалу. По ней-то на удивление проворно для старика и ковылял анатом. Другая дорога только вокруг горы. Там Университет, Цветочный город, там люди. Они спасут Мадлен. Но он не успеет к Чари... Эйту хотелось быть от отчаяния. Но нельзя, собьётся дыхание. Три коротких вдоха – выдох. Когда-то от одного воришки по кличке «Шустряк» он услышал, что так можно удрать от любого. У преследователя дыхалки не хватит. Эйт тогда ему не поверил, а зря.

Парнишку-то так и не догнали. Просто нашли однажды поутру с арбалетным болтом в затылке. И вот сейчас Эйт, вспоминая мальчонку клялся всеми святыми, что поставит в церкви свечку, если опередит старого Хьюго и вытащит из склепа Чариту и Тевье. Если успеет...

...Не успел. С Мадлен ему повезло. Удивительно, невероятно. Едва обогнув скаду, он наткнулся на группу подвыпивших студентов – медиков, не настолько пьяных чтоб не соображать. Но вполне достаточно, чтоб поверить во всю невероятную историю. Он видел, как они придерживая сумки и мантии рванули к пещере, каждому хотелось стать спасителем прекрасной баронессы. Но сейчас.. Сейчас Эйт опоздал. Почти... Он вылетел на террасу перед склепом, когда на тропинке уже раздавалось хрипкое тяжёлое дыхание мэтра Скварчиаре. Один из камней шевельнулся. Вернее, дрогнула его тень. Эйт присмотревшись разглядел рыжую шевелюру друга. Тевье высунулся из-за навозной тележки, в которой планировалось привезти труп баронессы, и мотнул головой в сторону склепа. Эйт кивнул. Mierda! Значит Чари ещё внутри. Он знаками приказал Тевье отползти подальше и не высовываться, а сам, едва не скатившись по крутым ступеням, ободрал ладони о шершавый камень стены, сбежал вниз. Свет от лампад, пусть и тусклый на миг ослепил Эйта, ворвавшегося в лабораторию из ночной темноты. Он не увидел, как Каридад бросилась к нему и повисла на шее.

– Терри! Живой! Я так боялась, – её дыхание билось у самого уха почти в том же ритме, что и у Эйта

– Чари...

– Нет! Не перебивай! Слушай. Знаю, что не поверишь, но мэтр твой – чудище! Монстр! Волк из лагуны, о котором тут болтают. Я кости нашла, черепа... много. Человечьи. Даже... маленькие, ребятёнков то есть, – Чари всхлипнула, – в той комнате, запертой, куда он тебя не пускал. И... банки, а в них... глаза и...

– Тише, Чари, тише. Он рядом, он услышит. Я всё знаю. Банки и черепа это другое, он учёный, но мэтр только что убил дона Альваро, начальника стражи.

– Не другое! Не понимаешь ты! – девушка потащила его к анатомическому столу, громоздкому сооружению в центре зала. Эйт всегда по возможности обходил его стороной. Жуткое, со стоками для крови, оно напоминало не медицинский предмет, а колоду палача или орудие пытки в инквизиторских застенках, – Это ты думаешь он медик. Потрошит мертвецов и прячется от Святой Эрмандады, Инквизиции. Нет, Тёрн! Ремни. Зачем? Глянь! В стене цепь с ошейником. Для кого? Для мертвяков? Чтоб назад на погост не удрали?

– Чари, не сейчас! Нам надо...

– Именно сейчас, Тёрн! Потом будет поздно! Вон там, за решёткой есть кто-то. В темноте в углу. Женщина вроде, не разглядела. Обезумела она, кажись, прыгнула на меня. Бог весть сколько он её на цепи держит. Вот, – Каридад схватила со стола фонарь и шагнула к тёмной нише заbranной решёткой.

Заплясали по углам тени, потянули крючковатые лапы к тонкой девичей фигурке. Такой белой и хрупкой на фоне затхлой черноты склепа. Эйт не был поэтом, фантазёром, так откуда такой образ и сердце колет. «Это после бега» – успокоил он себя. Нужно лишь отдышаться и придумать, как выбраться. Поначалу он решил укрыться как раз в этой зарешечённой выемке, куда не попадал свет лампад, да и Скварчиаре полуслеп, но...

– Видишь? В углу? Тёмная куча. Вроде как мешок с тряпьем. Это она.

Эйт пригляделся. Лязгнула цепь. Что-то зашуршало. «Мешок» шевельнулся. Чёрное на чёрном. С фонарём – серое на сером. Не разглядеть. Эйт придвинулся ближе. Шипение вырвалось из угла. Бесформенный куль снова зашевелился словно был наполнен сотней гремучих змей. Терри вздрогнул, но всё же сделал шаг вперёд.

– Нет! – цыганка повисла у него на руке, – ближе не подходи! Ухватистая она, прыткая и сильная как медведь, заломать может. Цапнула она меня, чуть рёбра не лопнули.

Терри резко повернулся к девушке и видимо в этом порывистом движении проявилось то, что он никогда не сумел бы передать словами, потому как цыганочка вдруг совсем не к месту улыбнулась и подозрительно быстро опустившиеся ресницы отбросили тень на порозовевшую кожу. Чари смутилась? Немыслимо!

– Не волнуйся, – пробурчала она, – Нормально всё. Гибкая я, вывернулась. Только, кажись, палец ей откусила. До сих пор во рту горечь. Больная она. Не поможем мы тут, Терри. Надо кого-то привести. Идём!

– Нельзя, Чари.

– Нельзя? Почему? Мы должны его остановить! Если не с тобой, то с Тевье я пойду к алькальду, расскажу всё, что видела. А ты беги из города, если боишься, что тебя схватят вместе с ним, – глаза девушки сверкали, но не всегдашним, озорным блеском радостным и задорным, манящим в новое неведомое приключение. Нет! Сейчас в них полыхал ледяной огонь. Эйту хотелось, чтоб это бы отблеск фонаря, но он и раньше чувствовал: тёмные вкрапления в небесной лазури вовсе не мило тлеющие угольки, влекущие уютным теплом. Неет, то – останки древних кострищ, на которых колдуны приносили жертвы. И они могут вспыхнуть снова. Пожирающим всё на своём пути яростным пламенем. Страсти или ненависти. Эйт мечтал о первом, – Тёрн, ты... – голос Чари вдруг дрогнул, – погоди, ты знал, что он делает? – девушка непроизвольно отступила на шаг, зажав рот рукой, – знал, про банки, отрезанные руки в них, про ремни... не мог не знать, ты... ему помогал? – пламя больше не бушевало его потушили слёзы.

– Нет! – Эйт вложил в этот короткий выдох всю свою страсть, любовь, которую таил годами. Он не шевельнулся, замер, зная, что малейшее его движение заставит Чари броситься к выходу, прямо в лапы Скварчиаре. Он мог только говорить, как раз это-то у него никогда не получалось, если белокурая акробатка была рядом. – Я никогда не солгал бы тебе, Чари. Ты открыла мне этот мир, я выполз из склепа. Не этого, из склепа бумажных книг и свитков, где только мертвецы спорили друг с другом и рассказывали сказки. Ты подарила мне Солнце. Небо, которое я увидел только в твоих глазах. Жизнь, Чари! Ты подарила мне Любовь! Ой, прости... То есть ты ещё не дарила мне любовь, конечно... ох... «ещё» не в том смысле, что ты мне её подаришь, а что у нас ничего не было. Нет! Вернее, было только с моей стороны, ведь я постоянно думаю, о тебе... Чёрт! Нет! Не так думаю, как ты думаешь! Боже! Какой же я осёл, – Эйт обессилело замолчал. Тихо выдохнул, – Прости меня, Чари, я не хотел тебя обидеть. Никогда не обижу, знай это...

С каждым словом глаза девушки раскрывались всё шире. Эйт решил, что сейчас она его ударит, но она вдруг расхохоталась. Это было так неожиданно и не вовремя, что Эйт вздрогнул.

Чари шагнула к нему и обняла.

– Глупый, глупый, глупый Эйт, – я, конечно, тебе верю, – её губы коснулись его щеки и Эйту стало наплевать на всех докторов и лицензиатов в мире даже самых безумных и опасных... – И тоже люблю! – выдохнула Чари ему в ухо и отстранилась, заглянув в глаза, – Как и Тевье! – закончила она, – Мы потрясная команда, да?!

– Конечно, – голос Эйта почему-то охрип, – только выйти нам с тобой отсюда не получится. Ты не слышала меня. Скварчиаре наверху. Он спускается. Нам не уйти, – слишком поздно понял, что прозвучало это чересчур зловеще. Фатально даже.

– Не уйти? – девушка обвела лабораторию взглядом затравленного зверька. У Эйта снова сжалось сердце. Длилось это доли мгновения.

– Не уйти... – повторила цыганка, но голос уже не дрожал и взгляд стал прежним: дерзким и решительным, – значит, останемся. Выгорело раз –попробуем ещё. Тебе Скварчиаре что велел?

– Привезти сюда тело Мадлен...

– А тело Мадлен это...?

– Ты... ты не сделаешь этого, Чари. Если ты права, он же убьёт тебя!

– Ага! Тело – это я. Тело убивать не надо. Оно мёртвое. А прятаться лучше на самом видном месте. Виднее этого – нет, – она похлопала по столу, – Joder! Платье! В пещере я была в другом! Зачем мы его вернули! Задержи его на минуту, Терри! Совсем на чуть-чуть. Эх, не так я себе это представляла... Иди встречай учителя. Скажешь, что всё исполнил и подготовил.

– Чари, что ты делае... О, Боже!

– Терри!!! Бесстыжий! Имей совесть – отвернись! А то потом начнёшь думать, о чём я думаю.

– Чари, я...

– Знаю... Иди! Постой, Терри. Не дай ему выпотрошить меня, пожалуйста.

– Эй! Кто там внизу? – скрипучий голос резал сжавшуюся тишину, как зазубренная наваха, – Не отзовётесь – пальну из пистолит!

– Кхх, – Эйт прокашлялся, чтоб не дать «петуха», – Это я, мэтр Скварчиаре.

– Хе... Шустрый я, однако. А кто же тогда тут наверху старый и хромои и которому очень нужна помощь?

«Убийца! – захотелось крикнуть Эйту, – Чудовище! И уж явно не мой учитель, которого я знал все эти годы!» Но вместо этого он выдал:

– Да, учитель, я сейчас, – бросил взгляд на Чари, котрая хоть уже осталась в одной камизе, но всё ещё чертыхаясь возилась со шнуровкой корсета и быстро взбежал по ступенькам. Надо дать ей время!

– Я рад, что ты уже здесь, мой мальчик, молодец. Поручение было не из приятных, понимаю. И это лишь начало. Ночка нам предстоит сложная. Ну, теперь, помоги мне спуститься и приступим. Проклятые ступени, проклятая нога. Она уже внизу?

– Да, учитель. Я сделал всё, как вы сказали.

– Спасибо, юноша, но что с тобой? Что за вид? Кровь?

– Да, – смутился Эйт, – столкнулся с Эреррой и его выводком. Так... неприятность, пустяки.

– Хм, ты смелый, юноша и решительный. Ценю.

Скварчиаре, похоже остался удовлетворён. Ответ совпал с рассказом Тяфа.

– Мне показалось я слышал твой голос, ты с кем-то вёл беседу? Или слух мне стал изменять, как и глаза? Прискорбно, ежели так.

– Нет, мэтр, я разговаривал сам с собой.

– Не раненько начал? Мне-то простительно. А ты, вроде как, на полвека моложе.

– Не по себе было одному с... сеньоритой. Вот и сделал вид, что с ней беседую, – Эйт не умел лгать, но сейчас слова слетали сами собой. Главное, всегда добавлять частицу правды. Это он помнил. Этому учила Чари.

– И что же она тебе ответила? – в голосе старика промелькнула тень насмешки? Или почудилось?

Отстать на шаг. Толкнуть в спину. Лестница крута, если повезёт Скварчиаре свёрнет себе шею. А нет – прыгнуть сверху, добить. Главное, чтоб пистоль достать не успел. А если Чари ошиблась и мастер не виновен? Ну ремни, ну цепь. Да и Альваро ещё тот негодяй оказался. Кто знает, что у них с учителем вышло?

– Хейли! Ты, и правда, боишься. Рука влажная и дрожит. Молодец, что не врешь да героя не строишь. Не стыдись. С мертвецами, порой, даже мне неуютно. О неизбежном напоминают. С каждым годом чаще. Но бояться всё же живых надо. Не поворачиваться к ним спиной. Ударят.

Эйт вздрогнул. Он знал, что Скварчиаре умён, но неужели может читать мысли. Эйт слышал, что колдуны на такое способны. А мэтра Хьюго многие таковым и считали. Даже в Университете. Собственно, поэтому Эйт и напросился к нему в ученики. Интересно, Чари их слышит? Наверное, да. Тогда:

– Дон Хьюго, я только сегодня обратил внимание, когда... укладывал сеньориту... А для чего ремни на столе?

– Только сегодня? Хм, я думал ты наблюдательней, юноша. Так это подарок от медицинского факультета. Ты же сама его волок с парнишкой таким рыжим. Причём за ремни эти самые. А хирурги без них никуда. Опиумных препаратов на всех не хватит, да и не просыпаются после многие. Вот и предпочитают поорать, да живыми уйти. При экзерезе катаракты той же, – неприятная штука, уж поверь, без ремней не обойтись, – Мэтр Скварчиаре вздохнул и невольно прикоснулся к глазу. Да и не всегда успешно проходит. Хоть с ремнями, хоть с опиумом.

– А цепь на стене? – Эйт поразился собственной наглости

– Мальчик, что с тобой, – старик даже остановился, – Ты Чико не помнишь? Волкодава нашего. Ах да... он до тебя был. Эх, если б он не сдох я бы и тебя не взял. Без обид юноша. Прекрасный пёс был. Но ты тоже неплох.

– Спасибо, – пробурчал Эйт

Скварчиаре усмехнулся.

– Но спрашивать всё равно смысла не было, ибо любая цепь для зверья.

– А в темницах?

– В темницах тоже зверьё, только двуногое. Кстати, о двуногих. Решётку в углу видел? Так вот, к ней не суйся.

– А что так?

– Любопытство сгубило не только кошку, уверяю тебя, мой мальчик.

Крякнув, дон Хьюго спустился с последней ступеньки, на миг зажмурился, как давеча Эйт. Вот он момент. Ударить по затылку. Только чем? Заступ как и лопата остался наверху в тачке. Медицинские инструменты в шкафу у лестницы, но пока до них не добраться. Да и подзамком они. А ключ, мэтр носит с собой. Дорогие. Да и возможно ли так убить колдуна, ткнув ножом? Или даже полуслепоего старика, который столько лет заменял тебе семью?

Мэтр Скварчиаре сдвинул на глаза свои маленькие подзорные трубы и шагнул к столу, на котором лежала Чари.

– Ох! – невольно выдохнул он, – мой лукавый юный друг. Мне стала ясна причина твоей сегодняшней поразительной работоспособности.

– Я... – замычал Эйт, заливаясь краской, поскольку тоже увидел Чари, –я слышал... вы говорили, что барон Дальбре попросил заняться бальзамированием и... я подумал, что лучше будет... разде... подготовить сеньориту Мадлен к процедуре...

– Я не виню тебя, юноша. Более того – понимаю. Даже теперь, в свои годы, глядя на неё, понимаю... Только хочу предостеречь, Хейли, – мэтр Скварчиаре резко развернулся и его стеклянные глаза – бочонки, казалось препарировали душу Эйта, как сам мэтр тела, – «и нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею»

– Екклесиаст, – невольно, как на экзамене прошептал Эйт.

– Верно, мальчик, верно. Хотя искренне надеюсь, что доктора теологии, тебя не переманят. Ты очень одарённый юноша. Перед тобой откроются тайны мироздания, жизни и смерти, может быть даже этой ночью, – Скварчиаре замолчал и задумчиво взглянул на Чари, – Беда в том, что все мы грешники и нет добрых перед Богом. Поэтому не попади в сеть, мой мальчик. Женщина даже на этом столе – всё равно женщина. Особенно в нашем случае. Держи разум кристально ясным, а сердце – кристально твёрдым и весь мир покорится тебе.

А теперь иди сюда, Хейли, и захвати лампу – мэтр слегка припадая на больную ногу направился к решётке... Эйт последовал за ним. Не так близко, юноша. Она агрессивна. Смотри, – Анатом наклонился приподнял крышку и вытащил из стоящего в углу ведра кусок мяса. В ноздри ударил запах мертвечины, Эйт поморщился. Дон Хьюго лишь усмехнулся и швырнул вонючий ошмёток между прутьев. Бесформенная масса теней и волос метнулась к куску плоти. Серая лапа с короткими жёлтыми когтями ухватила его, поволокла в темноту. Сверкнули острые Зубы. Эйт отшатнулся, но успел разглядеть кривые длинные клыки.

– Дьявол! Кто это?

– Нееет, совсем не дьявол, хотя... – сухой смешок старого учёного щёлкнул подобно огниву разгоняя мрак от увиденного, – вероятно кто-то из антропойдов. Уверен, ты видел подобных у ярморочных фигляров.

– Таких нет! – За это Эйт мог поручиться.

– Таких и я не видел, – согласился старик, – хоть и был королевским ловчим. Каких только диковин не привозил ко двору Медичи. М-да, было время. Имя Хьюго Скварчиаре гремело по всей Флоренции, а сейчас... могильный червь в чужом забытом склепе, – старый учёный то ли процитировал кого, то ли в этом скрюченном теле таилс ещё и поэт, помимо королевского ловчего.

Анатом обвёл тоскливым взглядом своё мрачное королевство.

– Ничего, юноша. Хьюго Скварчиаре ещё напомним о себе. Ладно, идём, нехорошо надолго оставлять сеньориту одну.

– Откуда она у вас?

– Как я полагал, ты днесь доставил баронессу из естественной усыпальницы, которая ей приглянулась перед кончиной в нашу искусственную.

– Я об обезьяне.

– Учись излагать свои мысли яснее, мой друг. Не каждый может понять, что за каша бурлит в котелке. И уж, тем паче, не каждому она придётся по вкусу. – Скварчиаре ловко щёлкнул узловатым пальцем Эйта по лбу. Пребольно между прочим. Но всё же ответил:

– Намедни старый друг осчастливил визитом. Его корыто бросило якорь в бухте за перевалом, а он, видать, вспомнил, что должок за ним. Ну и поскольку наслышан о моих былых интересах – вот и выловил подарок в джунглях Калимантана. А мне теперь *это* кормить, когда у самого в брюхе канониры палят. А теперь к нашей спящей красавице.

– Надеюсь, будить мы её не будем, – попытался пошутить Эйт. Он всегда творил что-то нелепо-неуклюжее, когда волновался.

Учитель это прекрасно знал.

– Отчего же! Как раз наоборот. Но к сожалению, для тебя, не так, как рекомендовал бы достопочтимый Базиле. Удивительный человек, кстати, для нашей испорченной эпохи. Доводилось нам как-то пересекаться по службе. Подобного бескорыстия я больше не встречал и прекрасный сказочник к тому же. Наша юная баронесса оценила бы, – старый анатом усмехнулся, видимо только ему понятной шутке, – Что, ж, надеюсь со временем он их опубликует. А нас с тобой юноша ждёт своя сказка и мнится мне, не мене занимательная. Не бойся. Подойди, – Эйт старательно держался поодаль и старательно

отводил глаза от Чари. Такой он её не видел никогда, ни на выступлениях ни... ей же холодно и страшно.

Скварчиаре поманил Эйта крючковатым пальцем, а затем крепко взял за плечо, – ты не испорчен, ты краснеешь. Это хорошо. Быть может ты ещё не знал женщины? Если так это надо исправить. Голод утоляется пищей. Никогда не мучай себя. Иначе превратишься в зверя. В голодного шатуна-людоеда. В Волка из лагуны. Это не дисциплинирует разум, убивает. Удовлетворяй инстинкты, но не позволяй им властвовать над собой. *Abusus non tollit usum*

– «Злоупотребление не отменяет употребления», – лекции по Римскому праву Эйт тоже помнил.

– Ну вот, выходит, мне нужно опасаться и докторов права, – хмыкнул явно удовлетворённый старик, – Хорошо, мой мальчик, теперь открой наконец глаза, посмотри на неё и скажи, что ты видишь?

Эйт чувствовал себя в казематах инквизиции. Скварчиаре оказался заправским палачом. Мастером заплочных дел. Его пальцы раскалёнными клещами впивались в плечо, а слова рвали душу.

Эйт открыл глаза. Слезы спасали, искажёнными линзами размывая мир вокруг. Лабораториум, стол, распростёртое на нём тело. Она казалось такой беззащитно – нежной. Коротенькая исподняя рубашка почти ничего не скрывала. Ни полупрозрачную алебастровую кожу, ни точёность фигурки. Только сейчас он понял, почему её прозвали Фарфоровой Чари. Такая хрупкая волшебю – сказочная кукла, она оставалась неподвижной под взорами двух мужчин, столь пристально-бестыже разглядывающих каждую пядь её тела, страшно, неестественно застывшая, словно мраморная статуя. Прекрасная и... неживая. Грудь не вздымалась, тоненький шёлк камизы не мог бы этого скрыть. Чари не дышала. Как это возможно Эйт не знал. Но страх обуял его, на миг он увидел её мёртвой и... наверное, умер сам. Во всяком случае какой-то кусочек сердца, если душа, конечно, таилась там, почернел навсегда, наполнившись неизбыточной тоской. Как хорошо, что Тевье этого не видит! Там в пещере, в саркофаге измазанная кровью Чари была страшненькой, но отчасти даже смешной и совсем не мёртвой. А сейчас... сейчас чистая и прекрасная, но жуткая.

– Я жду, Хейли. Что ты видишь, когда смотришь, на неё? И не вздумай лгать и угадывать правильный ответ, – голос мастера не оставлял выбора.

– Красоту, мэтр. Неземную, вечную. Я вижу Богиню.

– О! Если бы ты знал, как близок к истине, мой мальчик! Пафосно, но искренне. И, главное, в самую точку! – ты прошёл испытание, юноша, я не зря потратил на тебя эти годы. Ты улавливаешь суть вещей, сам не понимая того. Эйт даже попятился он никогда не видел старика таким воодушевлённым.

– А теперь вспомни, кого ты видел в клетке?

– Монстра! Голодного и безликого. Пасть и когти, – Эйт невольно вздрогнул, вспомнив кривые клыки.

– А теперь, мальчик. Я открою тебе тайну. *ЭТО* и *ТО* – одно и то же. В клетке наш предок. По его образу и подобию создана – *ОНА* и никак иначе. А теперь главный вопрос – что нас сделало такими как *ОНА*? Какая сила и как её выявить, обуздать?

– Я не понимаю, мэтр.

– И я не понимаю, Хейли, но надеюсь, сегодня это исправить. Я, конечно, тоже вижу Красоту, но не богини. Человека. Сейчас перед нами потрясающий экземпляр! Восхитительные формы! Насколько плавный изгиб груди. Какая узкая талия. Пусть это и объяснимо безжалостным затягиванием корсета. Но длина ног, округлость бёдер – это природа. Порода я бы даже сказал. Иллюзорная хрупкость тростинки при изумительной точёности выгнутых линий Геометрическое совершенство! Но пройдут годы. Её волосы

потускнеют, глаза утратят свой блеск, а кожа покроется сетью морщин. От былой грации не останется и следа. А если помутиться разум, она превратится в то существо в клетке. Страшное наказание, наложенное на нас Природой. Самая изощрённая пытка. Или жестокая насмешка богов, – старик замолчал. В неверном свете чадающих лампад, Эйту показалось, что по морщинистым желтоватым щекам доня Хьюго бегут слёзы.

– Если б ты знал, Хейли, на что я был способен в твои годы. С двухсот шагов из аркебузы я попадал в белку, а сейчас с трудом узнаю того, кто стоит хотя бы в двух шагах от меня. То же ждёт и её. Но мы с тобой можем всё исправить. Если шагнём за грань. Взгляни, мой мальчик, сейчас она идеальна! Конечно, ещё три или четыре года пошли бы ей только на пользу, но уже нет времени ждать. Да и вообще, я рассчитывал только на прелесть лица. Но провидение благосклонно к нам. Нельзя отвергать его дары. Вновьрождённая Лилит превзойдёт свой мифический прообраз. Никогда бы не подумал, что у избалованной, изнеженной девочки в золотой клетке могут быть такие упругие мышцы.

Эйт чуть не взвыл, когда Скварчиаре внезапно приподнял ногу Чари, согнув её в колене. Его сухие скрюченные артритом, но всё ещё невероятно сильные пальцы сомкнулись на тонкой лодыжке, а ладонь другой руки заскользила по бедру, сминая тонкий шёлк камизы. Хотелось прыгнуть вцепиться в седые волосы и бить головой о край этого дьявольского стола, пока разъеденные наукой, извращённые мозги старика не разлетятся по всему лабораториуму.

Но Эйт, не отрывая взгляда от сползающего края рубашки, лишь промямлил:

– А разве у трупа могут быть упругие мышцы?

– У трупа? Юноша, за кого ты меня принимаешь? Я слепой, а не тупой. Конечно же она не мертва...

Колдун! Он всё знает! Олух! Как можно было надеяться обмануть старого лиса. Обыграть на его же поле. Шахматной доске анатомического стола!

Чари ударила свободной ногой по запястью Скварчиаре, сбрасывая его руку со своей лодыжки, с такой злобой и силой, что стало ясно насколько омерзительны оказались для неё эти прикосновения. Крутнулась на столешнице, намереваясь соскочить, но не успела...

Как не успел и Эйт помешать к старику.

Тот двигался с поразительной скоростью. Оказавшись у девушки за спиной, отделённый от Эйта разделочным столом, неуловимым движением захлестнул горло Чари кожаным шнурком, сдёрнутым с запястья. Цыганочка смешно хрюкнула, глаза изумлённо распахнулись. Её пальцы неуверенно скользнули по шее, словно на ощупь проверяя реальность так внезапно появившейся удавки. Поверила... Длинные ногти отчаянно заскребли по тонкой коже затягивающегося ремешка. Всхлипнула, но не сдалась, напряглась, всё ещё силясь подняться, утягивая старика за собой.

– Ну что стоишь, болван! – завопил тот, – держи ей ноги!

Эйт оторопел. И даже оглянулся, нет ли кого за спиной. К кому обращается Скварчиаре. Только манящая тьма спасительного выхода, до которого они так и не добрались. Значит, старик либо обезумел, либо...

– Хейли, будь ты проклят! Помоги мне! Я не справлюсь один! Она чертовски сильная!

Скварчиаре покраснел от натуги, едва удерживая извивающуюся акробатку. Сейчас он напоминал рыбака, пытающегося вытащить огромного золотистого спара на берег. И девушка со ртом, открытым в тщетной попытке глотнуть воздуха, трепещущая, блестящая от пота, походила на заглотившую крючок рыбу.

Эйт понимал, что сходит с ума. Разум искал пути, создавая фантасмагорические образы, чтоб скрыться от ужасающей реальности. Он был готов на всё, лишь бы закончить этот кошмар.

И он решился. Сорвался с места обхватил ноги девушки, придавил их к столу, навалившись всем весом, уткнув пылающее от стыда лицо в её плотно сжатые колени. Иначе было не удержать. Скварчиаре говорил правду. Мышцы ног оказались действительно невероятно упругими, особенно сейчас, когда был напряжён каждый мускул цепляющегося за жизнь юного тела. Но не ноги волновали Эйта. Глаза Чари. И вся смертельная боль открывшегося ей предательства. Огромно-голубые, наполненные слезами океана и штормового ужаса. Эйт хотел верить, что это просто дрожание длинных ресниц, а не тень приближающейся смерти, не боль от его предательства. Неужели они никогда не станут прежними, чистыми как небо, которого она уже не увидит... Не увидит, если Эйт ошибся и его план не сработает.

– Молодец парень! – Скварчиаре так тяжело дышал, будто душили его самого, – я думал после этого сонного зелья, что я ей дал, она будет вялой, как замороженная лягушка. А тут. Надо ж. А ты спрашивал, зачем нужны ремни. Так, девочка, так. Не сопротивляйся... вот умница, – анатом чуть ослабил кожаный шнурок, но не столько, чтоб Чари смогла вздохнуть, – Это будет долго, девочка, но потерпи. Быстрее никак. Нельзя повредить гортань или сломать подъязычную кость. Тогда всё насмарку. Бычий пузырь бы пригодился. А вообще к этому случаю готовил я маску из овечьих кишок. На голову, без отверстий. Натянул бы пока спала, пристегнул ремнями и всё, ничего бы не почувствовала, а теперь терпи... Не надо царапаться, котёнок, уже бесполезно...

Жутко, но голос Скварчиаре вдруг стал мягким, ласковым. Бархатисто успокаивающим, словно он рассказывал сказку перед сном своей внучке:

– Тебе страшно, я знаю. Ты верила в сказки. Начиталась книжек. Луиджи да Порто, если не ошибаюсь. Не удивляйся я ведь итальянец и тоже когда-то был юн и влюблён. Трагическая история влюблённых вечна и всегда одинакова. Альваро бы до этого не додумался, верно? Только ты надеялась на счастливый конец. Хотела, как спящая принцесса проснуться от поцелуя. Может так и будет. Но Альваро не твой принц. Хоть и разделил участь Ромео. А ты – спи. Не думай о том, что умираешь. Видишь, Тёмный океан ласкает тебя, зовёт, манит. Шагни вперёд. Отдайся теплу его набегающей волны...

Девушка действительно перестала сопротивляться. Её тело лишь слегка подрагивало, словно качаясь на волнах невидимого океана. Но Эйт знал, что не из-за слов безумца. Каридад умирала, потому что не смогла пережить его предательства. Иначе бы она никогда не сдалась. Эйт задул пламя. Ничего, Тевье, разожжёт его вновь. Только бы Чари жила!

– Мастер, – голос Эйта даже не дрогнул, – Я правильно понял, что вам было нужно свежее тело, а не трёхдневной давности? Нельзя было допустить, чтоб она умерла где-то в другом месте.

– Именно, юноша! Необходимо, чтоб дух остался привязанным к телу. Нельзя пролить кровь, или позволить сорваться с губ последнему вздоху, но и тело не должно подвергнуться даже малейшему разложению. Только при этих условиях мы сможем начать.. Ты перешагнул черту, сделал выбор, отбросив условности, – Эйт видел, что Скварчиаре устал, пот лил ручьём, на виске пульсировала вена, значит сердце уже выскакивает из груди, а силы анатому наверняка будут ещё нужны для финальной части своего чудовищного опыта. Эх, если бы Чари не сдалась, шансов на успех было бы больше.

– Я не мог иначе, – проговорил Эйт, – вы меня этому учили.

Старик улыбнулся, но тут же скривился, когда ногти Чари впились в его запястье:

– Да умирай уже, упрямая девчонка! Хейли, твоё обучение почти закончилось. Это шаг был решающим. Все испытания позади. Я понимаю, насколько жутким оказалось финальное. Но поверь, я не планировал его.

– Я понимаю, мэтр, и поэтому хотел попросить... Позвольте мне закончить, начатое вами. Ведь чтоб оценить величие и трепет Тайны науки, нужно прикоснуться к смерти, разве нет? Я хочу стать таким же как вы. Шагнуть за грань вместе с вами, мастер. Если, конечно, достоин.

– Хм, что ж... ты очень удивил меня, мальчик, хочу верить, что твоими устами говорит мудрость, а не инстинкт зверя. Что ж сегодня ты поднимаешься на первую ступень бесконечной лестницы познания. Поверь, ты не ошибся в выборе пути.

... и Скварчиаре отпустил концы шнура. Страшный булькающий хрип, переходящий в раздрающий кашель вырвался из груди Чариты. Вернее, ворвался вместе с воздухом в измученные лёгкие, скрывая почти такой же всхлип облегчения, слетевший с губ Эйта. Вздрагивая, заходясь в кашле и рыданиях девушка свернулась в комочек. Несчастная расколотая Фарфоровая Чари.

– Прости, маленькая, – Скварчиаре погладил её по спутанным волосам, – придётся начать снова. Приступай, Хейли. Не стоит мучить девочку ожиданием.

Эйтерн обогнул стол. Теперь всё просто. Встать между Чари и стариком. Закрыть её своим телом. Скварчиаре будет совсем рядом. Он ничего не заподозрит. Один удар с разворота в горло костяшками пальцев или ребром ладони, как получится. А затем удавку с шеи Чари на шею старика. Пинком по больной ноге повалить на пол, одним коленом прижать руку чтоб не дотянулся до пистоля вторым – упереться в позвоночник и рывок удавки на себя. Жалеть гортань и подъязычную кость Эйт не собирался. Ещё шаг и...

...сжавшаяся в клубок Чари вдруг развернулось с неумолимостью и скоростью стальной пружины. Узенькая ступня внезапно распрямившейся ноги арбалетной стрелой врезалась Эйту в живот, лишив дыхания, заставив рухнуть на колени. Второй удар пришёлся в висок. Мир вспыхнул осколками разбитого зеркала, рассыпался перевернулся, как в калейдоскопе. Эйт ткнулся лбом в ножку стола, извергая из себя содержимое желудка. Боже!! Если бы она это проделала со Скварчиаре! Захлёбываясь рвотой, он понимал, что Каридад всё сделала правильно. Для внезапного устранения выбрала наиболее опасного на её взгляд противника, молодого, ловкого, предавшего её. От прихрамывающего Скварчиаре она, похоже, просто надеялась убежать. Ошиблась. Со скоростью кобры его рука метнулась к девушке. Пальцы намертво вцепились в волосы. Рванул на себя, едва не оставив Чари без скальпа, переволок через стол, шарахнул о стену. Чари сползла на пол. Попыталась откатиться, но Скварчиаре ухватил её за щиколотку и подволок к себе.

Чари завизжала пнула его в лицо, сломав нос, по-кошачьи вцепилась в глаза. Но ногти только оставили на щеках багровые борозды. Глаза надёжно защищали бочонкообразные очки. Старик вцепил ей пощёчину, ещё одну. Цепкими пальцами ухватил свободный конец так и не сброшенной удавки... Эйт завыл. Жутко, по волчьему, понимая, что это конец, но сделать ничего не мог. Верне мог и делал: пытался подняться, цепляясь за свисающие со стола ремни. Не выходило. У Чари оставался один миг, чтоб скинуть петлю, пока Скварчиаре наматывал шнурок на запястье. Не догадалась. Только ойкнула совсем по-детски, взмыв вверх и задёргавшись в фуге от пола. Эйт явно не рассчитал оставшиеся силы своего мастера. Скварчиаре без особого труда оторвал девушку от земли и держал на вытянутой руке, как котёнка, уже не заботясь о сохранности горла. Ярость затмила всё. Эйт видел, как Чари вертелась на тонком ремешке брыкалась, царапалась, но попросту не доставала до анатома. Ломая ногти о стол, Эйт всё же поднялся и сделал шаг, но мир опять качнулся как днище унесённой штормом лодки. Эйт снова лежал на полу, его выварачивало

на изнанку. Сознание уплывало, смешивая времена и места как художник краски на палитре.

До открытия Университета Лого дель Лобо не мог похвастаться разнообразием развлечений. Теперь же студенты толпой валили на любое представления приезжих хугларов. Особенно любима ими оказалась «публичная казнь» «совратительницы юной и отродия диавольского» в одном лице. А именно в лице Каридад Сегри. Настоящих душегубов, как правило отвозили в Памплону или Бильбао. А то и в сам Мадрид, так что город подобными столичными развлечениями избалован не был. Актёры быстренько смекнули, что к чему, так Эйт случайно и попал на выступление Фарфоровой Чари, потащившись за толпой. И пропал... Потом он не пропустил ни одного и всякий раз нервничал, хоть номер и был популярным до чёртиков. За час до основного действия девушку на осле или муле провозили по всему городу в облачении «непорочного зачатия», которое гарантировало истинным преступникам прощение небес, а Чари, скорее наоборот, поскольку белая туника, постоянно сваливающая с одного плеча и голубая шапочка, смотрелись на ней почти непристойно. Что, собственно и вызывало такой успех у постановки. Перед ней горделиво вышагивал глашатай в шутовской двурогой шапке с бубенцами, извещая о всех её бесконечных «злодеяниях» комического и весьма фривольного толка, изредка перекидываясь с «осуждённой» старыми, но любимыми толпой шутками. Например, обнажив в очередной раз плечико, сидя на муле задом наперёд и обмахиваясь его хвостом, девушка жаловалась на жуткую жару. «Ну да, – соглашаясь, вздыхал глашатай, – но тебе-то повезло, а вот мне по этой жаре ещё домой возвращаться». Эйт никогда не понимал такого юмора, но толпа заходила от хохота. Девушка в это время корчила рожицы и выделяла разные акробатические номера на спине мула, смешивая зрителей и не забывая выманивать монетки. Зеваки покатываясь от хохота присоединялись к процессии и наконец добирались до площади, на которой уже была установлена высоченная и совсем даже не бутафорская виселица, с которой уже свисал канат с петлёй на конце. Кого-то из зрителей просили крепко связать девушке руки. Конечно, за отдельную и весьма не мизерную плату. Желающих находилось предостаточно. Чари нелепо, с шутками и падениями забиралась на эшафот. Следовала комическая перепалка с палачом в финале которой тот, стоя на коленях, умолял её наконец засунуть голову в петлю. Что она и делала, только задом наперёд, под общий хохот. Палач в ярости срывал капюшон и уходил с помоста. И глашатай начинал торги за роль палача. Суммы, порой, набегали баснословные. Наконец самый щедрый поднимался на помост и под одобрительный гул и свист толпы выбивал лесенку из-под ног Чари. Тут Эйт отворачивался, потому как в первые минуты всё выглядело слишком натурально. Но он понимал, что артисты работают на публику и увы, кто-то наверняка приходил на площадь, только из-за этих минут. В толпе слышались визги и даже плач. Эйт радовался, если находился тот, кто порывался вытащить девушку из петли. Но увы, таких почему-то было всегда меньше, чем добровольных казнейдеев. Наконец, Чари затихала и начиналось настоящее представление. Изумительный по красоте и опасности акробатический номер. Танец воспарившего ангела, души избавившейся от тяжести тела. Ни намёка на пошлость или комичность. Палач нелепый синий колпак, рассыпавшиеся волосы вспыхивали языками небесного белого пламени на фоне темнеющего неба. Под нежную музыку, вращаясь, поворачиваясь к зрителям то лицом, то спиной, она танцевала. Кружилась всё быстрее-быстрее вызывая изумление и людской ропот. Прижав ноги к груди, проскальзывала над верёвкой стягивающей запястья. Под торжествующий вопль толпы легко подтягивалась, скидывая петлю с шеи. Повиснув на ногах, освобождала руки и начинался танец свободы и полёта. Слово на качелях девушка падала вниз,

касаясь волосами или кончиками пальцев помоста и тут же взмывала вверх к самому небу. Скользила и замирала, кружилась и плыла. Темнело. Верёвки уже было не разглядеть и казалось духи воздуха качают её на своих невидимых ладонях. Наконец, словно маленькая шаровая молния, она скатывалась вниз по канату, раскланивалась и подхватив с помоста брошенный капюшон палача с озорной улыбкой бежала в толпу, собирать монеты.

Выныривая на поверхность сознания, Эйт открыл глаза. Не осталось и тени от того прекрасного танца.

Как же Эйт хотел, чтоб и сейчас с той же лёгкостью Чари выскользнула из петли и с улыбкой бросилась к выходу. Но увы. То была лишь иллюзия и мастерство. Незатягивающаяся петля, мягкие подкладки, крепкие мышцы шеи.

Сейчас же узел на шее девушки неумолимо затягивался, сползая за ухо и голова кренилась набок, как у сломанной марионетки. Духи воздуха бросили её в самый страшный миг не подставив ладони.

Всё... Да, она лёгкая и продержится долго, но уже ничего не сделает. Настолько же беспомощна, как и он, блюющий под столом. Но Чари сделала. Она не только походила на кошку, она дралась, как кошка. Крепко вцепившись руками в запястье анатома, подтянулась, качнулась, и обвила ногами его плечо. Упёрлась коленом в локоть, выгнулась... Отвратительный хруст лопнувшей кости и крик старика показались Эйту самой чудесной музыкой. Скварчиаре упал на колени.

«Беги, Чари! Беги!» едва слышно выдохнул Эйт. На большее сил не оставалось. Вряд ли девушка его услышала, но попыталась. Свободный конец ремешка всё ещё был намотан на искалеченную руку анатома. Она дважды ударила его коленом по голове, ухватившись за шнурок уперлась ногой в грудь, силясь вырвать из кулака. Это походило на безумный жуткий вариант старой игры по перетягиванию верёвки. Казалось ещё чуть-чуть и она оторвёт старику руку. Тот рычал от боли, почти теряя сознания. Впрочем, как и Эйт. Но оба силились встать. Эйт уже почти поднялся... Старик, похоже, не мог. Его шатало. Видимо уже совсем не ориентировался в пространстве. Его повело в сторону на пол-оборота. Чари оказалась у него за спиной! «Умница, милая! Теперь один удар в основание черепа и всё!» Но тут старик начал вставать... Со страшной кривой ухмылкой. Как упырь из могилы. Губы разбиты в кровь, нос сломан, искалеченная рука прижата к груди. Чари сзади, её уже не достать, так чего он улыбается... Почему? Сгорбившись, подавшись вперёд, похожий на скрюченного огра он смотрел прямо на Эйта. А Эйт – за спину старика. На вздрагивающие, тянущиеся к полу стройные ноги цыганки. Какими бы они ни были длинными, но до каменого настила уже не доставали. Рост решил всё. Ремешок, от запястья сломанной руки, сейчас крепко перехваченный здоровой, тонкой перевязью исчезал за плечом, где крыльями раненого лебедя слабо трепетали у горла девичьи руки, пытаясь ослабить вновь врезавшийся в шею кожаный шнур. Но в этот раз ухватиться было не за что... Скварчиаре сделал шаг вперёд со своей страшной ношей.

– Заплечных дел мастер, – прохрипел он, сплёвывая кровь, – ну хороша же шутка. Оцени.

Эйт не мог.

– На будущее, Хейл, просто вяжи их. Петля на шею, свободными концами стягиваешь локти и запястья. Задушат сами себя без мороки. Минутное дело. А то... видишь как... Всё, девка. Не брыкайся. Конеч. Волосы мне не рви. И так последние.

Ничего другого Чари не оставалось.

Выгнувшись, как на пыточном колесе, на сгорбленной спине старика, девушка неумолимо сползала вниз своим же весом затягивая петлю. Влажная от пота кожа и

гладкий шёлк рубашки предательски скользили по грубому сукну лекторской мантии Скварчиаре.

– Не убивайте её! Это не Мадлен! – отчаянно выкрикнул Эйт.

– Что? – Скварчиаре даже крикнул.

– Вам же она нужна. Баронесса. А это простая цыганка. Танцовка. Не убивайте её, мастер. Пожалуйста. Я люблю её, – прошептал Эйт, – я приведу к вам настоящую. Клянусь.

– Внезапно! Значит у меня на закорках дрыгается Каридад Сегри, акробатка и воровка, безнадёжная мечта и любовь моего лучшего ученика? Да только за одни его прогулы, и вздорные похотливые фантазии вас стоило вздёрнуть, сеньорита, – фразы вырывались из груди анатома с хрипами, похоже были сломаны ребра, но это ничуть не повлияло на его менторский, издевательский тон, – Эй, девочка, ты меня ещё слышишь? Искренне рад знакомству. Всё встаёт на свои места. И изумительная фигура и одержимость Эйта и твоё нежелание умирать. Но придётся. Мы ведь знаем, что тебя рано или поздно повесят. Моя совесть чиста. Я лишь ускорил процесс.

– Мастер! Вы сами только что сказали, кристальные ум и сердце! Совладайте с яростью и подумайте. Зачем вам цыганка, когда я могу всё исправить. Отпустите её. Вы играли свою партию с баронессой, а это воровка, она никому ничего не расскажет. Ведь если вы её не отпустите...

– То что?! – прорычал Скварчиаре

– ...то я вас убью, – пожал плечами Эйт, – Это же очевидно.

– Ха, мальчик, да, очевидно попытаешься. Что ж, Хейли, как-нибудь ты мне обязательно расскажешь вашу историю. Похоже она даже запутанней уже упомянутой нами. Но поверь, если ты не сделаешь глупость, трагичного финала не будет. Поверь. А иначе, я вам его обещаю! Клянусь.

Белокурые локоны сливались с седыми космами старика. И в полутьме мерещилось, что из шеи у того растёт ещё одна голова. Инфернальный симбиоз палача и жертвы.

Эйт понимал, что живыми им отсюда не выйти. Вернее, он-то мог. Кто его остановит. Выход за спиной. Но нет, конечно, не мог. Кому он лгал.

– Я сейчас уйду, мэтр. Отправлюсь к алькальду, к Мадлен или к самому барону. Расскажу всё, что вы собирались сделать с его дочерью, как отравили её и дона Альваро. Чари умрёт не напрасно. Вы искалечены. Один вы не сможете не то что закончить свой эксперимент, не получится даже сбежать. При любом раскладе вы проиграли.

– Стой дурак!!! Пойми! Твоя акробатка идеальна! Я не знаю, что вы задумали, почему она оказалась здесь, но её тело – награда за моё упорство. За полвека гонений и издевательств, – Сварчиаре выхаркивал слова вместе с кровью, – Есть высшая справедливость. Вся цепь событий вела к этому. Инквизиция, моё бегство в эту дыру, твоё ученичество, игра баронессы, даже жадность и предательство глупца Альваро. Всё вело к моей встрече с прекрасной Лилит. И ты хочешь отнять у неё право первородства? Ты, червяк, который...

– Червяк, который спустил всю вашу жизнь в отхожую яму.

– Ты не уйдёшь!!! Не оставишь её. Не бросишь! Ты же любишь её!

– Кристально чистый разум, кристально твёрдое сердце, мэтр. Я не могу ей помочь. Но могу остановить вас. И отомстить. Прощайте учитель. Прости, Чари, – Эйт повернулся и шагнул к выходу, слёзы дрожали на его ресницах. Дважды за одну ночь он предал девушку.

Рык старика был страшен. Его здоровая рука метнулась к пистолу, а искалеченная под весом девушки дернулась за спину. В тот же миг Чари оттолкнулась от пола, извернулась угрём и клещом повисла у Скварчиаре на спине

Эйт не таил иллюзий, шанса, что бывший охотник промахнётся с пяти шагов не было. Но ему ведь только нужно успеть добраться до лампы. Он нырнул к полке, схватил светильник и швырнул под ноги анатому. А сам прыгнул к ящику с инструментами. Пнул по замку раз, другой. Только бы достать нож. Любой, а там... Взметнувшееся пламя помешает выстрелить даст лишнее мгновение, главное успеть... Под руку подвернулся ланцет. Проклятье! Ну почему так! Но выбирать было некогда. Сейчас бабахнет. Лишь бы не в голову. Если даже в сердце, то в рывке Эйт успеет воткнуть лезвие хотя бы в брюхо безумца. Даст шанс Чари. На выстрел должен прибежать Тевье. Он услышит! Но выстрела не было! Вместо него раздался дикий, чудовищный рёв переходящий в протяжный вой. Огонь мешал разглядеть, что случилось... но тут прямо сквозь пламя шагнул Скварчиаре. Эйт едва не закричал сам. Глаз у старика больше не было. Вместо них в череп глубоко были вдавлены два стеклянных бочонка, заменяющие анатому очки. По щекам струилась кровь и какая-то белая студенистая жидкость. Эйт не сразу понял, что это и есть глаза учёного. Чари взобравшаяся на плечи старика, обеими руками вцепившись в шнурок от очков завязанный на затылке, откинувшись, что есть силы тянула его на себя. Старик был жутко, отчаянно, как раненый бык метался по склепу, бился о стены, в надежде сбросить свою жуткую наездницу. Наконец он рухнул на колени. Его мантия уже тлела. Языки пламени подбирались к ногам девушки, когда она наконец отпустила свою страшную уздечку и длинным прыжком с кувырком ушла от возможного удара слепца.

– Чари... ты сделала это! Ты смогла! – выдохнул Эйт, и бросился к ней, чтоб обнять

– Шшшш! – по кошачий зашипела она и вскинула руку: – Не двигайся!

Эйт затонал. От нежного бархатистого голоса Чари не осталось и следа, а шею уродовали жуткие багровые полосы.

Это страшное едва слышное змеинное шипение рвало сердце. Эйт чувствовал, что по щекам катятся слёзы, но сделать ничего не мог.

– Чари я клянусь тебе... – вытянув руки он шагнул к ней.

Её глаза расширились от ужаса

– Молчи! Ни слова!

– Я люблю тебя, Чари! Вот, я всё таки это сказал, видишь...

Она зажала рот ладошками и затрясла головой

– Нет! Нет! Нет!

– Люблю, – повторил Эйт и улыбнулся...

Из глаз девушки вдруг хлынули слёзы

– Заткнись же, дурак! – что есть силы закричала она, – Я тоже!

От грохота выстрела заложило уши. Невидимый великан подхватил и швырнул девушку на решётчатую дверь клетки с такой силой что загудели стальные прутья.

Эйт в ужасе обернулся. Скварчиаре, стоя на коленях, в дымящейся мантии тянулся ко второму пистолу.

«Он стрелял на голос, – понял Эйт! – Чари это увидела и поняла раньше. Поэтому и просила замолчать. А когда я не послушался, закричала сама, чтоб отвлечь... Господи!» Он бросился к девушке, но его опередили. Серая когтистая лапа просунулась меж прутьев.

– Чари! Сзади!

Девушка только чуть повернула голову. Чудище, как в каком-то жутком танце обвило рукой её талию, притягивая к решётке. Жуткие клыки погрузились в плечо. Чари завизжала.

Слепой охотник снова поднял пистолет.

– Нет! – закричал Эйт и прыгнул вперёд, закрывая от выстрела девушку.

По лестнице что-то загрохотало и навозная тележка, набирая скорость врезалась в Скварчиаре, выбив из руки пистолет, а самого с жутким хрустом впечатав в стену. Вслед за ней в зал влетел Тевье с заступом в руках.

– Где, Ча... – начал он, озираясь по сторонам и вдруг затих пошатнувшись, а в следующий миг его вопль ужаса слился со вторым выстрелом.

Голова твари дёрнулась, звякнула цепь, лапы исчезли в темноте. Эйт выронил пистоль и бросился к Чари. Зажал на плече почти у самой шеи рваную рану от укуса. Вниз он посмотреть боялся. Вся камиза была залита кровью.

– Чари, шептал, он, глотая слёзы – Чари... Как же ты... Зачем...

Веки девушки дрогнули. Задрожали ресницы, она открыла глаза.

– Не... вывернулась... – шепнула она, – Прости...

Подскочил Тевье, схватил её окровавленную ладонь, – прижал к губам.

– Не умирай, – всхлипывал он, – Не умирай, пожалуйста, я не смогу без тебя...

– Не умру, Тяф. Не сейчас, не здесь, – она погладила Тевье по щеке, – Наверху...

Пожалуйста...

Эйт кивнул и поднял её на руки. Девушка застонала. Тяф зажимал рану и поддерживал голову. Двенадцать ступеней. Двенадцать шагов к звёздному небу.

Когда её уложили на мягкую траву. Чари слабо улыбнулась.

– Не больно... Страшно немножко.

– Не бойся, – затараторил Тевье, глотая слёзы, – мы найдём лучшего хирурга, а потом врача! У Тёрна полно знакомых.

– У Терри знакомых? – губы девушки дрогнули, но это была лишь тень прежней ослепительно – искренней улыбки, – у него их двое. Было... Приподнимите, пожалуйста, почему-то не могу сама... Небо я ещё увижу... может быть, пусть мельком, а вот вас...

Девушку усадили под раскидистым дубом. На этот раз её нёс Тевье. Он так и не выпустил её руки, даже когда Каридад привалилась к тёплому стволу. Вторую ладошку, которой девушка зажимала рану в животе приподнял Эйт. Вздрогнул. Попытался ободряюще улыбнуться. Не смог... Зато смогла Чари, улыбнулась как прежде, ярко, сжала обоим ладони.

– Не грустите! Нам всегда было весело вместе. Не стоит менять что-то сейчас.

– Конечно, Чари, мы ещё столько натворим...

– Мы с тобой...

Голоса юношей слились в один.

– Тише, мальчики, не сразу, не вдвоём... по очереди... я ведь порядочная девушка... хоть и выгляжу иначе... сейчас ... Тевье, там ручей, если можешь... мне несколько глотков воды, пожалуйста.

– Тебе нельзя, – одними губами прошептал Эйт.

– Дурачок, мне теперь всё можно. Тяф, прошу...

– Но я... – рыжий паренёк глотал слёзы и не отпуская руку Чари.

Она чуть повернула голову и взглянула ему в глаза:

– Тяф...

– Конечно! Я сейчас, Чари, я быстро! Тевье рванул вниз по тропинке.

– Плохо?

Эйт кивнул.

– Не вывернусь?

– Не знаю, если бы мы были в Университете у медиков и...

– Тссс... Если уберу руку... Сколько? – голос Чари не дрожал, казалось наоборот, набирал силу.

Эйт смахнул слёзы:

– Кровотечение почти остановилось, если ты о потере гуморальной жидкости, несколько часов. Не знаю! Не спрашивай, ты сильная, ты...

– Зануда... – скривилась девушка, – А если сильная – несколько дней... не выдержу... Больно

– Но ты же говорила, что...

– Врала... Терри, чтоб быстро... покажи...

Эйт затряс головой:

– Я не смогу, Чари, не проси меня.

– Я и не прошу... тебя. Только покажи. Тевье вырезает кукол, не людей...

Пожалуйста.

Эйт всхлипнул.

– Смелее, – шепнула Чари, схватила его ладонь, прижала к своей груди, Сюда? Где стучит?

Эйт подавил рыдания. Впервые, он так откровенно касался тела девушки. Бойся своих желаний – они могут сбыться. Сколько ночей он об этом мечтал, а вот сейчас отдал бы всё, чтобы этого не произошло никогда. Его ладонь ощущала упругую округлость груди. Мягкие толчки сердца... Он попытался отдернуть руку, Чари не отпустила.

– Тут? – настойчиво повторила она.

– Ниже на три пальца... и правее, – его рука сдвинулась чуть в сторону.

– Спасибо. Будет больно?

Он кивнул.

– Я потерплю...

По щекам обоих катились слёзы.

– Чари, – голос его дрожал от чудовищности предложения. – Я люблю тебя. Я смогу! А потом сам... Ты ведь помнишь историю Диего и Изабеллы из Тируэля. Или этих итальянцев Ромео и...

Чари грустно улыбнулась и прижала ладошку к его губам.

– Глупый, вот именно поэтому. Пожалуйста, обещай мне не читать больше книжек. И на будущее, Эйт. О таком не говорят. Просто делают. А теперь уже поздно...

– Но я...

– Я не закончила... а главное, я хочу, чтобы ты жил. Только зная, что ты сможешь быть счастливым, я обрету покой. Поэтому сейчас, ты встанешь и уйдёшь, не оглядываясь. И тогда я останусь с тобой навсегда. Не трупом, не одним из холодных тел, к которым ты так привык. А живой, такой, какой ты меня увидел. Такой, какой полюбил. Каждую ночь, я буду приходить к тебе. Ты закроешь глаза и почувствуешь моё дыхание. Присядешь у ручья и услышишь мой смех. Не реви, Терри! Ты не мальчишка! Ты вырос. Сегодня ты сделал выбор. Ты выбрал жизнь, для меня, для себя! Ты сказал мне всё, что должен был сказать уже давно. А это, – Чари кивнула на окровавленную камизу, – случайность, пустяк, который ничего не значит. Мы всё равно вместе. И если ты согласишься, то обязательно встретимся. Понял? Иди!

– К... куда?

– К ней. К своей баронессе. Я видела, как она на тебя смотрит. И про твой заветный эскудо знаю. Молчи! Не верь Скварчиаре. Она тоже всего лишь одинокая девочка. Как и я. И ей так же страшно.

– Чари, ты горишь, вся в поту. Это бред, что ты говоришь? Я не оставлю тебя! Не предам! Больше никогда!

– Оставишь! Растоптать всё что было, что будет, разбить Фарфоровую Чари – это страшнее, чем «предать» мёртвое тело, не явившись на похороны. Слушай дальше. Пороешься в своей ташке. Найдёшь книгу, отдашь ей. Скажешь, что Чарита Египтянка всегда держит слово. И что теперь Мадлен у меня в долгу. Она поймёт.

– Но я не понимаю! – Эйт готов был разрыдаться, – Я хочу быть с тобой! Почему Тевье?

– Милый дурачок... – Чари нашла силы рассмеяться, – это самый безумный пример ревности. Надо будет использовать в номере, – она осеклась, тихо добавила: – можно было бы...

Эйт приподнял её голову и нежно вытер слёзы. Раньше он бы себе такого не позволил. Но теперь ему тоже можно всё.

– Так почему Тевье, не я? – повторил он вглядываясь в глаза, надеясь не увидеть ответа, которого боялся. Если она отведёт взгляд...

Не отвела.

– Тевье верит в Бога. А ты, теперь, – Чари махнула рукой в сторону склепа, – в этот храм науки.

– И что? – Эйт действительно не понимал

– Тяф справится и будет жить дальше. Господь простит его и... меня. А ты себя нет. Всё, иди... а то я сейчас начну реветь... Очень больно... – Чари прикрыла глаза, – И, пожалуйста, Терри, не оглядывайся, прошу.

Эйт встал, увидел на тропинке мчащегося Тевье с мокрой рубашкой в руках. И вдруг упал на колени, прижал девушку к себе, так резко, что она вскрикнула и впился губами в её губы, слизывая кровь, глотая слёзы, ловя дыхание и быть может частички души. Одна рука скользила по обнажённым плечам, а вторая гладила роскошную белокурую гриву, вытряхивая из неё, кусочки дубовой, коры.

– Мы будем вместе! Каридад Сегри. Где бы ты ни была, я найду тебя! Клянусь.

– Я буду тебя ждать, Эйт МакХейлин, где бы я ни была. Клянусь.

*

Как бы мне сейчас хотелось добавить: «И тут появилась я». Не дух, не призрак, погибшей влюблённой девочки, а сама любовь, навеки засевшая в сердце Эйта Мак Хейлина. Моего Терри. Что я – Клятва Колдуна. Хорошо бы тут поставить точку. Потому как собственно это всё. А дальше? Ей-Богу, не стоит вам слушать дальше. Всё что я скажу, уже не имеет отношения к истории Фарфорофой Чари и её любви к странному школяру Эйту МакХейлину... Но это имеет отношение ко мне. Вот только, кто же я? Сам Эйт – чернокнижник сейчас бы назвал меня эгрегором, если б знал, что я существую. Хотя существую ли? Да, я Клятва Колдуна. Это правда. Но не полная. Дело в том, что я не любовь. Вернее, не только она. Потому что... Потому что история Эйта и Чари – не история Ромео и Джульетты, придуманной сказки для влюблённых, которая в любом изложении останется сказкой и потому что миф об Орфее и Эвридике, на то и миф, что до чёртиков правдив. И согласно вечному сценарию, уже в самом конце тропинки, Эйтерн МакХейлин должен обязательно обернуться.

Эйт обернулся. Тевье склонился над девушкой точь-в-точь, как несколько мгновений назад он сам. Эйт не мог разглядеть её лица, только бледный овал с тенями глаз и алыми приоткрытыми губами. Казалось, она смотрит прямо на него. Не видел Эйт и рук Тевье. Только тонкие пальцы Чари, что утопали в рыжей шевелюре то сжимаясь, то разжимаясь, словно в экстазе, пока обессиленно не упали юноше на плечи. Сминая траву дёрнулись стройные ноги. Раз, другой. Тевье осторожно снял руки девушки со своих плеч. Закрыв ей глаза, поднялся и торопливо зашагал по направлению к Тёрну. В руке его влажно поблескивала наваха.

– Это ты убил её! – прохрипел Тевье, – Убил и предал. Заманил в логово чудовища! Чтоб угодить высокородной скурёхе! Бросил умирать одну!

Его кулак описал короткую дугу и врезался в челюсть Эйта. Тёрн упал на колени. Попытался подняться, но Тевье пнул его под рёбра,

– Я любил её, сволочь! А она бегала за тобой как собачка! Выполняя каждый твой каприз. А ты даже не видел! Пинал её, пинал... вот так... вот так... –Эйт едва успевал защищать голову от ударов, – Ты знаешь, что она плакала вечерами, пока ты сидел со своими дьявольскими книгами в склепе с безумцем! Плакала, не зная, как признаться, что любит тебя!

– Тяф! Ты обезумел! Что ты несёшь...

– Заткнись! Я любил её! Я! Любил, как никто на свете! И я сделал всё что она просила. Даже... даже это! – голос Тевье стал тише. Он поднял нож. Эйт заворожённо смотрел как капля крови сорвалась и упала ему на руку. Он был бы рад, если бы Тевье вонзил клинок в его сердце. Но Тяф просто стоял и слёзы катились по щекам на окровавленную рубаху.

– А ты... ты сбежал, Эйт! Ты бросил её, когда был нужен. Трус! Когда нож вошёл в её сердце, оно было уже мертво. Она рыдала, Эйт! Рыдала и молилась! О тебе! Моя Чари. Сильная и Гордая Светлая Королева. Почему ты ушёл, Эйт?

– Но Чари сказала...

– Какая разница что она сказала?! Она актриса! Она сказала, то что ты сам хотел услышать! Как и Марго, тогда у пещеры. Это ведь было красиво, да? Благородно? Как в книжке? Она отпустила тебя, потому что любила. А сама осталась одна! Скулила от боли и страха, как зверёк в капкане. А тебя не было рядом! Я пытался взглянуть ей в глаза, но она не дала, я ей был не нужен! Она держала меня за волосы, чтоб я не видел её, а сама прижималась к плечу, чтобы проводить взглядом тебя!

– Я...

– Вот именно! Я! Я! Я! А ты подумал обо мне, Эйт?! Ты должен был быть рядом со мной. Даже если она прогнала тебя. Если бы ты её любил, если бы был мне другом, мы бы взяли за руки, как всегда. Не отпустили бы её одну в страну теней. Мы бы ушли все вместе! Кружили бы среди звёзд. Но всем плевать на Тевье ха-Леви, верную собачонку на побегушках! Ты знаешь, что она шептала мне на ухо, когда лезвие входило меж её рёбер? Она выдохнула: «помоги Терри, ему тяжело...» Тебе тяжело!!! – такой боли в голосе Эйт никогда не слышал. – А мне? Мне, легко было чувствовать её трепет? Ловить её дыхание, когда она уже задрожала и зная, что, оно предназначается тебе? Умирая, она смотрела на тебя, Эйт! На то как ты уходишь! Что ж, уходи. Но неужели ты не чувствуешь вины? Неужели твоё сердце настолько очерствело, что ты сможешь жить дальше? Если так, то живи.

Тевье замолчал, растерянно взглянул на нож. Проговорил:

– Наверное, я бы убил тебя, Эйт. Сейчас бы убил. Но тут её кровь. Я не стану смешивать её с твоей. Поэтому вставай и уходи, новый Волк из Лагуны. Ты искалечил и зверски убил своего старого слепого учителя. Ты заманил в своё логово, пытал, надругался и в конце зарезал беззащитную влюблённую в тебя девочку. Так решат люди. Мне никто не поверит. Да я ничего и не знаю. Как не знаю и тебя. Быть может это всё правда. Если тебя схватят и повесят – я приду смотреть. Если нет, я надеюсь, тебя сожрёт совесть. Я проклинаю тебя, Хейли. Пусть Чари каждую ночь является тебе во сне, сколько бы ты ни прожил и в какую бы нору ни забился! Будь ты проклят, Эйтерн МакХейлин. Будь проклят!

И тут появилась я...

Жаль, что ненависть иногда сильнее любви. Особенно если ненавидишь себя сам. А я ведь могла быть совсем другой.

Но всё же, приятно познакомиться. Я – неизбежное проклятие колдуна. Я – совесть Эйтерна МакХейлина. И если меня не слышат, это не значит, что я молчу.

*

«Третий петух»

Колдун низко наклонил голову, но всё равно едва не стукнулся о притолоку дверного проёма. В харчевне смешивался запах, прокисшей браги, немытых тел и горелого жаркого. Какой приятней — вопрос спорный. Важно, что вместе они производили сногшибательный эффект особенно на неискушённого путника. Космач к таковым не относился. Кивнув парочке знакомых рож по углам, он прошел к длинному центральному столу и пинком выбив стул из-под уснувшего завсегдатая, уселся за длинный стол. Тот, чьё седалище было узурпировано столь бесцеремонным образом, хрюкнул, бросил взгляд на наглую, вызывающе-угрюмую физиономию молодчика, широкие плечи и, главным образом, на ножи на поясе и за голенищем сапога, прикинул, что драка за хромоногий стул на битву престолов не тянет, сплюнул и, заграбастав недопитую кружку, ретировался в дальний угол. Мак Хейлин щёлкнул пальцами, подзывая подавальщицу.

— Всё как обычно! Мне и уважаемым господам, он обвёл рукой длинный стол, – и леди, добавил он, с удивлением заметив примостившуюся в углу девчонку, в красном плащике и капюшоне. Странно, раньше он её здесь не встречал. Поди, одна из многочисленных хозяйских, хотя... слишком хороша и... невинна. Странное слово для этих мест.

За столом одобрительно загудели, прервав ход мыслей колдуна. Подавальщица сработала споро. Космача тут помнили.

— В этот раз ты что-то раненько, Хейл, — пробасил могучий сосед бородач.

— С обозом не сложилось, — отмахнулся колдун, известный тут как наёмник из охраны караванов, по имени Хейл Медвежатник, — думаю на Белый Остров податься, а там может на корабль какой.

— Не надо тебе на Белый Остров, — пробурчал в кружку рыжий мужик напротив.

— А что так?

— У-у-у... — прогудел бородач словно из бочки, — Скрыпун опять за своё. Сиды да чародейство, бабища из холмов... Её бы сюда с её холмиками и долинами, у Шапки-то нет ничего.

Девчонка сверкнула глазами и покраснела. Необыкновенное по нынешним временам умение. Космач вскинул руку, требуя ещё эля, и подвинул так и не начатую кружку рыжему мужичонке.

— Расскажи.

Рыжий хмыкнул и покосился на здоровяка и остальную компашку.

— Они выслушают ещё разок, — уверил Колдун, — им любопытно, — Всем того же по кругу, — бросил он трактирщице,

— Рассказывай, — повернулся он к мужичонке, — почему мне не надо на Белый Остров?

— Шурин у меня был, — начал тот, отхлебнув из кружки. Стало ясно откуда пошло прозвище. Голос, как старое колесо у телеги, — На Белом острове кузню держал. Жену схоронил, дочурка осталась красивая, бойкая да шаловливая, годками вот, как эта, — рыжий кивнул на край стола.

Все невольно взглянули на Красный Капюшончик. Даже Космач. Вот ведь стадная человеческая натура. Девчонка удивлённо захлопала ресницами, и вновь решила повторить фокус заморской животинки–хамелеона, о существовании коей наверняка не ведала, прям на глазах приобретая оттенок своего плаща. Вышло до жути мило, и колдун нахмурился. Подмечать такие нюансы он не любил. Добром это не заканчивалось. Обычно – исковерканными судьбами. Иногда – телами. Застенчивую простушку становилось уже жалко. Пора было уходить. Но историю дослушать хотелось. Дело в том, что только за этим некромант сюда и пришёл.

Ему частенько приходилось прикидываться простым торговцем-путешественником, а ещё чаще наёмным воином, потому как был высок, широк в плечах, удал, статен да красив. С мечом и ножом управлялся не хуже, чем со словом, а не пользоваться тем, чем одарила природа – считал вершиной глупости. Впрочем, были на то и другие причины, но о них колдун старался вспоминать пореже. С детства помнил, что лучший способ утаить слабость — превратить её в силу. Ведь так повелось, что на людей почему-то во все века, впечатления производят сила да стать, а не разум и знания. Какой-то книгочей с востока сетовал, что никто не позарится на мудрость, в придачу с которой идёт старость, зато за глупостью в довесок с молодостью выстроится бесконечная очередь. Видать, поэтому и приглашали молодого воина к костру или столу, делились кружкой эля да рассказами о существах дивных, которых, как считают, и нет вовсе.

Долгие годы провёл Космач в исканиях и понял одно — не дадут ответа ни ритуалы древних колдунов Чёрной Земли, ни трактаты мудрецов-звездочётов, и без помощи ему не обойтись. Но был чернокнижник не только честолобив, но и разумен! Знал он, многие жаждут знаний, власти, богатства и готовы заплатить любую цену, готовы идти на всё. Этого делать он не собирался. Видел, как корчились под испепеляющим взглядом Инквизиции, недремлющего и сурового Ока Церкви, другие колдуны и ведьмы. Отчасти поэтому и перебрался Космач сюда, чуть ли не на самый край земли. Но не бушующее пламя костра останавливало его от того, последнего шага, на который, по глупости, решились другие. Нет! Не заключит он договора с Нечистым, хоть и сулил тот неведанное могущество. По одной причине. Не мог Эйтерн Мак Хейлин отказаться от души, от той Божьей искры, которая делала его человеком. Делала Творцом.

Именно это сочетание и позволяло некромантии стать уникальным направлением в тайных науках. Но мало кто понимал это. Поэтому-то и причислили всех некромантов к чернокнижникам и приспешникам Князя Лжи. Да что некромантов! Любого, кто имел дело с магией. Но и не без оснований надо признать. Поползли чаши весов и в основе магии оказались не мудрость, не поиск знаний, а страсть и невежество. Вечная путаница в неутолимых желаниях и нежелание мириться с судьбой и законами бытия вызывала мечты о могуществе абсолютном, способном удовлетворить все запросы плоти.

А слуги Тёмного этому потакали и гонялись за человеческими душами. Потому как, сами-то творить не могли. Только изменять уже данный им мир. Космач искренне не понимал тех, кто додумался променять Божественное, недостижимое на обычное земное — слитки золота, титулы...любовь. Особенно, его, конечно, сместило последнее — продать душу, чтобы любить. Как? Глупость. Бред трубадуров. Сам некромант никогда не любил. Вернее, постарался забыть о том, как любил. Впрочем, безуспешно. Не любили и его. Что считал он за великое благо. Ибо любые отношения есть ограничения свободы. А свободу ценил он превыше всего, потому что она позволяла действовать.

И Космач действовал. Искал. Узнавал. Пробовал. И пришёл к выводу, что достиг предела. Дальше без помощи ему не двинуться. Вот тогда великий маг Эйтерн Мак Хейлин, исписавший десятки тысяч страниц и в сотни раз больше прочитавший, резко повернулся и шагнул назад, к своим предкам. К безграмотным ведьмам и волховальникам, ведунам и знахаркам. Тем, для кого навести порчу, испортить молоко, приворожить человека — являлось чуть ли не вершиной магического искусства. Не под силу им было вызвать демона и, заперев в начертанном пентакле, подчинить своей волею. Да и не помышляли они об этом. Квасили соседям молоко, сушили лягушек да собирали травки и были счастливы от того, что ни одна свадьба не обходилась без них, а ребяташки показывали пальцем вслед и ночью боялись подходить к их избам. Действительно, зачем демон, когда ты ощущаешь переполняющее тебя могущество, раз нагнал порчу на соседского поросё. И пусть не слуги Князя Тьмы приносят тебе драгоценные самородки, а змея-долгоножка отыскивает припрятанную кем-то монету, что с того?

Маги, алхимики, чернокнижники презирали своих деревенских братьев. Вернее, таковыми их даже и не считали. И уж тем более Эйтерн Мак Хейлин. И вот он понял — зря! Ибо хранили все эти шептуны да ворожки тайну, над которой бились столетиями все великие университетские колдуны наиучёнейшие. Тайну Единения. То есть связи с Неизменённым миром. Нет, не так. Конечно же, тайны никакой те не хранили. Даже не подозревали о существовании этой Тайны-то. Они просто жили! И секрет заключался в том, что не рядом с университетом, библиотекой, алхимической лабораторией, а рядом с лесом, омутом, холмами. И были у них соседи — не аптекарь, профессор или князь, а домовый, лешак, да обдериха. И, естественно, феи! Волшебный народ, жители холмов, добрые соседи. Ши. Существа неведомые, непредсказуемые и, порой, очень могущественные. Именно поддержкой такого союзника и решил заручиться Космач. Но просить колдун не привык, он привык брать! Причём всегда самое лучшее.

«Лучшим», в данном случае, была прекрасная Королева Фей или попросту — Кароль.

Часто её видели. Могла она мчаться по лесу во главе охоты за белым оленем, а могла и в танце кружить на лугу вместе с подругами. Или даже постучаться в двери и попросить миску овса. («А вот это бы было кстати», — усмехнулся тогда Космач, услышав историю от старой трактирщицы. Но, поскольку ему никогда особо не везло, то и возлагать все свои надежды на визит Королевы Фей в Кэр Туир за овсянкой, он не стал.)

Легенды о её красоте передавались из поколения в поколение, но не очень-то они интересовали чародея, пусть и говорили, что не было прекрасней существа в подлунном мире с момента его творения, и даже единороги, самые гордые из всех созданий, склоняли головы, когда встречали Кароль на лесной тропинке. С любопытством неизмеримо большим, прислушивался колдун к сказаниям о её волшебной силе. И не могли его отпугнуть рассказы о жестокости Королевы, о том, что никогда не оставался безнаказанным обидчик, посмеявшийся причинить вред её народу. Если подвести итог, то все истории сводились к двум типичным и обе и обе Эйтерн Мак Хейлин слышал в соседнем «Третьем петухе» Немудрено, лучшей отправной точки для поисков было не сыскать. И ведомо почему... Не приведи Господь, оказаться пришлому человеку в тех краях, ну а уж если не уберёт его ангел-хранитель, то неминуемо очутится он в харчевне «Третий петух», ну а коли очутится, то не только без гроша останется, но и наслушается такого, что на несколько ночей сна лишится, это уж как пить дать.

— Трагично, — Космач не поморщившись отхлебнул местного пойла, возвращая разговор в прежнее русло, — но на вескую причину пока не тянет.

Скрыпун сплюнул и замолчал. Колдун торопить не стал, понял, что предстоит не просто байка. Потому застольникам и надоело. Не любит народ личные драмы.

— Не надо, потому что барон местный лютует, — наконец со скрипом выдавил из себя рассказчик.

— А чего лютует-то?

— О том и сказ!

— Слышь, сказочник, — не выдержал бородач, — если ты повествовать по схеме «слово-кружка» вздумал, то уж лучше я расскажу, — кароч, махал его шурин однажды по обыкновению молотком, а тут к нему фея подкатывает...

— Заткнись, а... — привычно незлобиво скрипнул рыжеволосый, — но, собственно, так и было. Солнце к закату клонилось, когда та нечисть-то явилась. К самой кузне подлетела на роскошном вороном жеребце. Верхом, да без седла. Шурин никогда прежде ни коня, ни девки такой не видывал. Ни жестокости. Всадница животину загнала почти. Рот удилами разорван, с морды кровавая пена капает. Бока вздымаются, на них смотреть страшно до мяса шпорами и плетью разорваны. А девица престранно себя ведёт. Бестыже. Подол до пупа разрезан, кажись, всё платье на одном широком ремне держится, а тот сплошь камнями усыпан. Портков то ли совсем нема, то ли из такой тончайшей кожи или шёлка сделаны, что весь срам наружу. А сапоги до самой промежности почти. Да блестящие, как масло после жарки.

— Ну, дык, ведомо, — вставил доселе молчавший детина с подбитым глазом, — она их вываренным жиром детишек уворованных некрещеных натирает, чтоб летать потом можнось было.

Глазастенькая девчонка охнула. А бородач хохотнул:

— Ага, на Лысую гору. Промежность натерев, чтоб срамной уд дьявола проскальзывал. Брехня это всё, друже, Кароль не ведьма. Она фея, мать её, что в сотню раз хуже. Ведьма что? В омут её головой и с концами. А с феей что сделаешь?

Эйтерн Мак Хейлин мог бы поделиться опытом. Рассказать, что надо делать и с ведьмами и с феями. И чего не надо, категорически. Например, совать в омут головой, но смолчал, терпеливо ожидая продолжения рассказа.

— Как бы то ни было, — продолжил Скрыпун, когда спор начал утихать, — шурин поначалу и не понял, кто перед ним, решил, что полюбовница какая-нибудь баронская. Всем известно, тот с причудами. Сам попавшихся на дороге мужика, бабу ли запороть может и девок себе таких же выбирает. А сынок, паскуда, и того хуже. Поэтому и говорю, не надо тебе на Остров. Лютует барон.

— Ладно тебе про барона, про фею рассказывай, — поторопил спец по отвару детишек.

— А что про неё рассказывать? Лярва она и есть, — рыжий сплюнул, — сверкнула синими глазищами, спрашивает, мил человек, не подскажешь, где жеребчика мериновать можно? Ретивый стал, буйный. И словно в подтверждение, конь как заржёт, как шарахнется. Деваха только расхохоталась. Звонко так. И острым каблуком коню в бок — хрясь!!! Шурин даже не выдержал: «Почто с животинкой так обращаетесь, милсдарыня? Все ж божьи твари». Она снова расхохоталась, а потом вдруг как-то печально посмотрела и говорит: «Увы, нет, мил человек, не все» и спрыгнула на землю. Её каблучищи длинные да тонкие в грязи на дворе увязнуть должны были, ан нет. Девица как по воздуху проплыла, лишь лёгкий след от острых серебряных подковок остался. В форме копытца. Тут-то шурин и начал смекать, что к чему. Страшно стало, едва лужу не напрудил, но собрался с духом и поклонился: «Добрая госпожа, прости недостойного, за то, что перечить посмел». «Узнал, значит, молодец!» — улыбнулась пришлая. «Узнал, госпожа, но обещанного дать не могу» — тихо так сказал и голову опустил. И фея замолчала. А потом с грустью так и говорит: «Жаль, я уж подумала, что в кои-то веки, честного человека встретила. Но неволить не буду. На то он и выбор. Но хоть жеребца моего дикого подковать сможешь или тоже откажешься?» „Что-ты, госпожа, — восторженно обрадованный шурин, мигом исполню. Только не сердчай. Прости меня за попятки. Не могу я внука отдать, хоть и от

насильника он, но кровинушка-то наполовину родная. Прости неразумного, не отнимай дитяко” „Господь прощает, кузнец, Его проси. Я не умею. Да и нет у меня души. Прощай”. «А конь?» «Себе оставь. В хозяйстве пригодится. Только уздечку не снимай». «Спасибо, госпожа, за милость. За великодушие твоё!» – шурином даже на колени упал, хотел сапог поцеловать, но пришелица отступила на шаг. «На сегодня мне хватит. Я не Беффана, кузнец. Я не разношу подарки и, повторяю, нет у меня души, ни великой, ни малой. Я всего лишь отвожу к перепутью. А дальше выбирайтесь сами. Прощай. Больше мы не увидимся. Помни об уздечке!»

«Но почему, госпожа?!» «Мы — хитрые жители холмов, ставить условия наша излюбленная игра. Ты ведь тоже хитрый, кузнец, иначе бы не просил меня отомстить за честь дочери». «А что я мог? Он ведь сын барона...». «Да-да! — расхохоталась незнакомка и тряхнула гривой светлых с серебристым отливом луны волос, — Поэтому лучше сразу обратиться в Королеве, а потом съюлить. Конечно, нечисть старосте не пожалуется. Мне вот только интересно чем же суд барона страшнее моего? Давай, кузнец, приступай к работе. Жеребец заждался».

Скрыпун замолчал, уставившись в кружку. На сей раз, кажется, совсем.

— Ну а если всё ж наведаюсь на остров, — нарушил молчание Космач, — С твоим шурином поговорить-то можно?

— Поговори, кто ж тебе запретит.

— А где его найти?

— У перекрёстка, за кладбищенской оградой похоронен. Так что поговорить-то можешь, но вот он не ответит.

«Мне ответит», — подумал колдун, но произнёс другое, — А что за оградой-то? Самоубийца что ли?»

— Можно и так сказать, — тяжело хмыкнул рыжий, — раз с проклятой нечистью связался. А так... вздёрнули его по приказу барона. За изуверства над баронским вырождением учинённые.

— Да не штопай ты прореху гнильём! Говори, как есть! — взревел, не выдержав, бородач, — шурином этот его жадюга тот ещё был. День подождал, два, а потом думает, уздечка дорогая, что добру пропадать. Серебром шита. Снесу на рынок. И только снял с коня — вшик, — перед ним уродец баронский лежит, голый, в крови, рот раздёрнут, а к ногам и рукам подковы прибиты с кузнечным клеймом шурина. Соседи вой подняли, тут уж не отмазаться. Холмистая ведьма-то свою часть уговора выполнила. А кузнец обоссался и закончил в петле. Страшился баронского суда его и получил. Сказке конец, наливай по новой. А я те лучше расскажу, чегось там, на поляне было. Как она баронского высерка в жеребятину превратила. Он на ней ночку «поскакал», а она его под утро оседлала.

Космач не перебивал, только взглянул на опустившего голову рыжего. Да не в чести в пивнушках человеческие драмы. То ли дело байки о сношениях фей. Что ж и их послушать можно. Только бы девчонку отсюда выпроводить. Не для её ушей предстоящий рассказ. Хотя, какое ему дело. Месяц, два и пойдёт по рукам, принося лишнюю монетку в мощну трактирщика. А может уже. Кто разберёт. Знанием женщин колдун похвастаться не мог и вообще не любил вмешиваться в чужие дела и судьбы.

— Значит так, — начал бородач, получив очередную кружку местной дряни, — Харчок этот из утробы баронесской вытекший хоть мордой и смазлив был, а нутром — говно. Местных девок портить любил. Налетит на своём коне, подхватит, поперёк седла перекинет и... Вот и с кузнецовой дочкой так же. А отец не стерпел. В полночь требы как заведено принёс и к самой Королеве нечисти обратился. С просьбой наказать насильника, а взамен пообещал, как водится, отдать то о чём не ведает. Ну, а ведомо о чём не ведает.

Ублюдок в животе у дочурки уже поселился. А нечисти только то и надо. Своих-то детёнышей нет.

— Угу, — поддакнул друже с подбитым глазом, — человеческие дитяти потребны мазь варить.

— Заткнись... так вот... феи эти хотя и с формами, но мелкие и тощие, но, сука, красивые. Вон, как эта остроглазая красношапка... И хочется и стыдно. И живут они... ну пока не помрут в общем. И падки, твари, до людей. Потому как у всех ихних мужиков стручки отсохли за древностью лет. Но самое мерзкое — это фейный поцелуй. У них язык, что твоя гадюка доползает до самого сердца и...

Колдун сидел и слушал, полуприкрыв глаза, а слова кружили, очищаясь от шелухи, скверны, как зерно на току под ударами цепа. Он понимал, что всё это байки, рассказы, и на самом деле, конечно было иначе, если вообще было, но по сути это и не важно, важен складывающийся образ. Основа любой магии. Об этом знали древние и исписывали стены пещер, а затем гробниц, ибо на первом месте стоит ощущение. И именно оно реально. Недаром художник считался повелителем жизни. Этим колдун и занимался, прислушиваясь к байкам в трактирах и у костров, писал воображаемые картины и, как молотильщик на гумне очищал зёрна слов от плевел и соломы. Знал некромант, какова власть у Слова, порождающего чувства и какие тайны может оно раскрыть. Но знал и другое, что сильнее Слова в мире только Вера. А в то, что рассказывают за стойками придорожных трактиров, люди верили, безоговорочно.

Поэтому-то и внимал Космач рассказам о заснувших драконах, что обросли мхом и превратились в горные хребты. О громадной рыбе, которую моряки по неведению за остров принимают. И, конечно, о феях. Об их прекрасной и могучей Королеве. Тогда-то и напрягался колдун, загорались его глаза странным блеском и подавался он вперёд, чтоб не пропустить ни одного слова. И долго потом выспрашивал, что да как, когда и где. А всё потому, что была у него мечта тайная, дума сокровенная— выкрасть могучую фею. Заставить служить себе прекрасную Королеву. Ибо хоть и сильным колдуном был Космач, но не мог он добиться главного, ради чего и жил, собственно. Не мог упорядочить разбросанные миры. Нанизать их как бусинки на одну нитку и нацепить себе на шею. Стать свободным. Бессмертным. Внемирным. Стать Властелином над жизнью и смертью! И вернуться, назад, найти тех, кого потерял. Ибо пуста магия смерти без магии жизни. Вот таким было самое заветное, жгучее желание воина, учёного и чернокнижника-некроманта Эйтерна Мак Хейлина.

И он знал, что рано или поздно встретит королеву Фей. Волшебные существа привязаны к этому миру, и вынуждены делать, то что думают люди, истинные творцы. Такие как Скрыпун или бородач с друже... Это и есть величайший и страшный секрет волшебного народца. Поэтому любая небылица отчасти становилась правдой. Ибо образ всегда связан с оригиналом. Именно поэтому сейчас в голове учёного, философа и чернокнижника Эйтерна Мак Хейлина под шумный гомон собутыльников разворачивались скабрёзные сценки достойные потешных балаганов для черни приправленные толикой извращённо-кровавого сладострастия. И когда встретит он Королеву вполне возможно будет она по воле перепивших демиургов в платье с разрезом до пупа, корсете с камнями, да сапогах, блескучих от жирка некрещённых младенчиков. Хотя и прекрасно понимал, как работает сознание, как древние мифы превращаются в современный страшилки, что каблуки это копыта дьяволицы, подчёркивающие статус, как и камни драгоценные, как и краса или уродство неземные, inferнальные, что разрез до пупа, неубранные волосы отражают распушенность и сексуальную свободу, вакханалию языческих мистерий и независимость от мужчин, бунт против патриархата, главные черты ведьмы, за что, собственно и жгли молодых да красивых во все века и во всех странах. Жгли, вешали, топили. Ну, а кожа и сапоги блескучие — змеиные атрибуты гостыи из

другого мира, мира мёртвых. Невольно Ламию да Ехидну вспомнишь. Хоть наверняка Скрыпун о таких и не слыхивал. Колдун невесело усмехнулся и стал рисовать картину. Образы оживали.

*

Тело молодого парня распростёрто на земле, тёмные кудри разметались по измятой траве, а глаза закрыты в предвкушении блаженства. Две стройные красавицы со странным цветом волос, ласкают рельефные мышцы, втирая в них пахучую мазь. Их диковинные зелёные и огненные волосы падают на сильное тело, оттеняя его обнажённость. Юноша стонет в полузабытии. «Сука... я в сказку попал! А ещё не верил в фей», – шепчет он и притягивает девушек к себе. Те уворачиваются легко, как порыв ветерка. Их смех сливается с шелестом травы. И слышится в нём что-то страшное, неизбежное.

Ещё две красавицы стоят чуть поодаль у берёзы. Они разительно непохожи, и в то же самое время неуловимо близки.

– Ты опять за своё. И снова жестокость. Оставь людей, Кэр. Ты становишься чудовищем.

– Потому что такой меня хотят видеть, Мэй. Ты же знаешь, я никогда не прихожу сама. Меня зовут.

– Эй, девчонки, идите ко мне, – раздаётся голос парня из-под пелены волос, – Потом расскажете своим прыщавым эльфикам, каковы настоящие мужчины.

– Зовут... Иди, – фыркает та что выше и палочка, которую она вертит хрустит в сильных пальцах.

– Не ревнуй, Мэй. Он зовёт и тебя. Идём?– тонкие пальцы беловолосой коснулись лица подруги. Та отшатнулась.

– Иди...ты! Моя госпожа! И я пойду... своей дорогой, с вашего позволения. Королевские забавы не для меня, играйте с фрейлинами, – и, присев в реверансе, высокая нимфа растворилась в зелени леса.

– О! Мэй опять надулась. Ну ей же хуже, – хихнула Огневушка, покрывая поцелуями блестящую от мази грудь парня. – Мы закончили, Кэй. Он твой, госпожа.

– Да! Я твой, блондиночка – бляндиночка! Иди и я тебя...

– Мальчик, хмель, хвастовство и мнимая сила – опасное сочетание. Ты ведь из благородных кровей и, кажется, должен понимать, как разговаривают с королевой. Я Кароль, Царица Фей.

–Ха! Я поймал твою фейку за хвост и теперь ты обязана мне подчиняться! Забрал её шкурку! Я помню сказки! А ну, поцелуй господина, Королевка! Говорят, твой поцелуй так прекрасен, что может разбудить мертвеца. Его невозможно забыть Он волшебный! Так что обмен я вам шкуру, ну а вы мне...

– О! Какой начитанный юноша! Как твоё имя? Я польщена! Ты слышал об обмене и поцелуе феи? Что ж, желаниям свойственно исполняться, Действительно, его ты никогда не забудешь. Но, увы, это единственная правда о моём поцелуе.

А как же твоё имя, дерзкий юноша?

– Ха! Нашла дурака! А то я не знаю, что имя – это власть! Хер я...

Неуловимое движение... Кожей гадюки сверкнул сапог, и серебряное жало каблука распорол губы, оставив слова булькать в котелке рта, внезапно наполнившегося хрипом, кровью и осколками зубов.

– Да, очень похоже на то, – королева приложила палец к его разбитым губам, – Я и сама сразу так подумала. Но ты ведь понимаешь, малыш, что если ты не какой-нибудь Херберт, Хервин, Херимон или сам Херкьюлис, то я восприму это как оскорбление и мне придётся вырвать твой язык? – её пальцы, затянутые в тонкую

кожу перчаток, скользнули к его горлу и сжались, – А я этого не хочу. Ведь я обещала тебя поцеловать. А поцелуй без языка – вроде, как и не поцелуй вовсе...

– Ты, шука...! – кровавое варево наконец выплеснулось наружу, вскипев пеной слюней и мата, – Ты не знаешь кто я! Мой отец...

Второй удар, на сей раз носком сапога пришёлся в горло. Хрип сменился на бульканье. Тело дёрнулось в рвотном спазме. Наружу изверглась мерзкая лава выпитого и съеденного за день. Кароль брезгливо отряхнула сапожок.

– Переверните его, а то захлебнётся. Какую же гадость жрут люди!

Феи перекатали несчастного на бок, прижимая напрягшееся тело к земле. Их ногти впились в кожу, разрывая её, добираясь до мяса.

– Беда в том, что знаю, – как ни в чём не бывало продолжила Кароль, – никакой ты не Херкьюлис, а Дерек О’Доннел, барончик младший, любитель невинных девушек. Поэтому... ты сам предложил обмен. Шкурка за шкуру. Из человеческой кожи выходят неплохие перчатки. Думаю, старые пришла пора сменить. после сегодняшнего их уже вряд ли отчистят.

Юноша завыл из глаз его брызнули слёзы.

– Брось, не плачь, мальчик, уже поздно, ведь ты попал в сказку. Тебя поцелует Королева Фей. Не кричи... будет только хуже... Ты ведь так любишь сказки...

*

Космач открыл глаза. За столом по-прежнему пили и ржали.

– ... укатала его чертовка, – басил бородач, – до мыла, а потом кузнецу сдала. Он его и подковал... ха. А потом и сам в петлю бейлифа. Хитрозадая сука. Изворотливая!

– Она не такая! – раздался голосок, молчавшей доселе девчонки, – не распутная и не изворотливая! Она справедливая! – Эффект превзошёл все ожидания – повисла тишина. Даже колдун поднял бровь.

– Чё ты пискнула? – разъярился бородач, он явно не привык чтоб его перебивали, – ты не нечисть, тебя и отыметь можно и плевать на размер...

– погоди, – вскинул руку колдун, – отыметь, как мы из твоего рассказа выяснили любого можно. Так что ещё неизвестно, кто кого. Глянь на неё, уверен, что не нечисть? Вон как глазёнки сузила. Зыркни в в портки-то, вдруг твоё хозяйство по её размеру стало.

За столом заржали.

Бородач насупился.

– Да брось, Медвежатник. Какая из неё фея. Росточком да фигуркой разве что. Да и я ж шучу. Никто её тут не тронет. Хоть и приبلуда она. Из соседней деревни. Полоумной одной дочка. Как отец сгинул, мать сдвинулась, а жаль... Баба стоящая, одна бы не осталась, – за столом согласно загудели, – ну и эта, тож, малость малохольная. Годков 16 уж, а не растёт ни хрена и ведёт себя как дитё сущее. Напялит шапчонку и в лес, к бабке, якобы, хоть и нет у неё никого. Сожрут её волки. А что делать? На цепь не посадишь. Ладно, малявка, давай свою сказочку про цветочки. Весь настрой угробила. Эй, ещё эля!

Космач усмехнулся, он уже предчувствовал квинтэссенцию второго типа историй, которые звучали неизмеримо краше, поэтичнее, но и банальнее.

Девчушка, очаровательно зарделась, бросила застенчивый взгляд на колдуна и начала:

«В здешнем лесу, что до сих пор высится вон там, за холмами. Когда-то в стародавние времена, ну давненько то есть, когда мы ещё тут не поселились была полянка, значит. В этом лесу. Да не простая, а чудо какая хорошенькая. Сплошь её усыпали дивные, нежные розы. Как будто кто-то расстелил яркий плащ под суровыми

и колючими елями. Неодобрительно покачивали они мохнатыми головами да разводили разлапистые ветки, слушая щебечущую болтовню цветов.

— Ох, сестрицы, а ведь действительно, мы самые прекрасные из всего, что есть на свете?

— Да, наши лепестки краше разрумянившейся зари.

— Да-да!!! Никто не сравнится с нами. Ни зверь лесной, ни человек красной.

— Так уж и никто? — вдруг раздался голос, в котором слились и вздохи ветра, и шум дубравы, и звон весеннего ручья.

— Кароль...— зашептались и тут же смолкли ели, склонив вершины в немом восхищении.

— Кароль! — пропел ветер и затих, заворожённый, коснувшись дыханием волос Королевы.

— Кароль...— зашелестели травы, покрывая поцелуями её ноги.

— Я не ослышалась? Вы считаете, что прекраснее меня? Кароль — Царицы Фей? Вы, мелкие и слабенькие — она нагнулась и сорвала цветок, — Разве настоящая красота... ай! — острый шип сорванной розы глубоко вонзился в нежную ладонь.

— Ах так! — Глаза Королевы потемнели, и весь мир затаил дыхание. Перестали щебетать птицы. Белки замерли на ветвях. Бедные розы отшатнулись от разгневанной феи, теряя от ужаса свой волшебный румянец. А Кароль вдруг рассмеялась и махнула рукой, роняя капельки своей крови на белые от ужаса лепестки.

— Запомните! Настоящая красота не может быть слаба и беззащитна! Вы же действительно прекрасны! И если я — Королева Фей, то эта роза, пролившая мою кровь по праву — королева цветов!

Вот так и появились красные и белые розы, закончила девушка. Это мне бабушка рассказывала, а ещё она мне плащик сшила и шапочку, как у королевы цветов! Вот!»

Странно. Девчонку слушали внимательно, посмеивались, но по — доброму. Не харкали, не сморкались. Казалось, своей малохольностью и непосредственностью она облагораживает трактирное общество. И даже грубые мужики становятся мягче. Феномен. Но Космачу было плевать. Он думал о Кароль и делал выводы.

А вывод пока можно было сделать один, нрав у Королевы ох какой неуравновешенный и взбалмошный. А взбалмошных некромант не любил.

Дни шли за днями, недели за неделями, как и было заведено, листья меняли цвет, словно кто-то переворачивал странички в своём странном гербарии. Наступила осень. Любимое время года колдуна. Нет, не потому что тень зимы и смерти ложилась на землю и его сила возрастала многократно. Нет, умирает всё и всегда, вне зависимости от времён года. Процесс разложения вечен и непрерывен. Засыхающая травинка, трухлявый пенёк, сгоревший дом, мёртвый человек. Всё, что некогда было и перестало быть, давало колдуну силы. Вернее оставляло некий след в мироздании. За который Космач и мог ухватиться. Получить энергию или распутать временную ниточку.

Эйтерн Мак Хейлен не любил церемониальную магию, оккультные практики. Не признавал теургов. Последнее дело пытаться управлять чем-то, чего не понимаешь. Грань между хозяином и рабом слишком тонка, чтобы рисковать. Риск — это игра. В игре можно проиграть. А некромант не проигрывал никогда. Только просыпался ночами с криком и в холодном поту, вспоминая чем когда-то давно закончилась игра глупых наивных ребятишек.

Сейчас Космач злился — никак ему не удавалось напасть на след неуловимой Королевы. Везде о ней говорили, кое-кто даже видел, но не колдун. Будто она играла с ним. А игр, как мы помним, некромант не любил. Тем более, если не он предлагал правила.

Золота на деревьях стало уже больше, чем в туго набитых кошельках богатеев, и земля подставила ладони, чтобы принять этот дар, а чародей всё шёл и шёл, куда глядели глаза и несли ноги. За спиной остались белые призрачные леди, умирающие в молочном тумане, клубившимся под сапогами некроманта... и красные колпаки в придорожной канаве, подкрашивающие свои шапки кровью, но сейчас не человеческой, как обычно, а уже собственной... и буги, напуганные до такой степени, что желание пугать у них пропало навсегда. Много чего осталось за спиной. Но Королеву он так и не встретил.

Зато встретил свою знакомую девчущку в красном плаще и шапочке. Правда, плащ был сорван и расстелен на земле, а шапочка втоптана в грязь. Зарёванная девчонка в заляпанном платье скулила и молотила ручонками бугая, пытавшегося развести ей ноги, пристроиться между. Рядом трое громил в волчьих шкурах хохотали и рылись в берестяной корзинке.

Космач прошёл мимо. Он, как правило, не вмешивался в чужие дела и не хотел, чтоб вмешивались в его. Да и потом изнасилованием дело вряд ли ограничится. А смерть колдун переносил с трудом. Слишком большой выброс энергии. Трудно контролировать и дозировать. Яростная, захлёстывающая волна ужаса и смерти порой сметала все барьеры, превращая человека в обезумевшее животное. Но страшнее всего была надежда. Угасающая. Умирающая. Именно поэтому во все века жертвоприношение являлось самым распространённым и самым жутким магическим ритуалом. Особенно человеческое. Просто, эффективно и... неприемлемо.

Колдун скривился. Почему-то вспомнились глаза — огромные, доверчивые и голосок, захлёб рассказывающий историю о глупых цветочках. Некромант вновь поморщился и повернул назад.

Сцена изменилась ненамного. Бугаю почти удалось намеченное. Девчонка уже даже не скулила, а слабо, как новорождённый котёнок, пищала. Вокруг валялись разбросанные пирожки и полураздавленная корзинка.

— Господа, я предлагаю вам деловую сделку. Я выкупаю у вас это недоразвитое... ладно, вполне развитое тельце, скажем, для личных нужд. Я не могу утолить ваш плотский голод, но могу избавить вас от него весьма радикальным способом, но это как крайний вариант. Пока же я подозреваю — несколько золотых вы примете с большим воодушевлением? Нет?

На миг время застыло. Только хрустнул в пальцах некроманта гнилой сучок, подобранный на опушке. Примитивный приём, который использовали ещё древнейшие охотники, принцип подбия. Мёртвый образ равен живому. Куклы под рукой нет, но ничего, расхожий эвфемизм оказался весьма кстати. Сучок хрустнул. Детина вытаращил глаза и неуверенно застыл меж дёргающихся девичьих ножек. Да, немая сцена была бы забавной, но всё испортила девчонка. Женщины... Как всегда...

Колдун едва успел мысленно опустить забрало. Морозное дыхание пронзило его до костей, смешавшись с жуткой болью. Он едва устоял под порывом ледяного ветра.

Пошатнулся... Это всего лишь маленький кулачок сжался на рукояти ножа, который оставил болтаться на распушенном поясе непредусмотрительный насильник. Некромант, в которой раз, поразился хрупкости и ненадёжности человеческого тела. Три дюйма плохо заточенного куска железа и вот величайшее чудо Божественного творения, захлёбываясь кровью, корчится в траве. И самое показательное во всём — на это вообще никто не обратил внимания. Смерть просто прошла мимо, никто и не заметил. Кроме некроманта, ну и самого несостоявшегося насильника. Даже девчонка и та, казалось больше озабочена состоянием своего платья. Сжав ножик, она отползла к дереву и, дрожа, постаралась вжаться в его ствол. Кстати, неплохой способ для поддержания сил.

— Ты кто? — прорычал главарь, оставляя разорённую корзинку помощникам.

— Согласись, это сейчас не столь важно, — пожал плечами Космач. — Важнее другое.

— А кто я, ты знаешь?

— Это ещё менее важно, поверь.

— Я, — взревел детина, оскалив гнилые осколки зубов, — Волк! А это — Стая! Слышал о нас?

Некромант качнул головой. Ну не умел он разговаривать с людьми... Не находил общего языка. Отвык.

—Я хотел лишь поговорить. Предложить золото...

Девчонка у дерева перестала всхлипывать. Космач даже подивился. Чудная, ревела, пока ничего толком не случилось, а как до дела доходит — затихла. Может с ними? Да нее, не похоже...

Главарь поигрывая ножом шагнул навстречу колдуну.

—А мы его и возьмём, не бойсь. Только мы того... не говорим. С покойниками ведь не болтают.

—А ведь и то верно, — кивнул Космач...

...и главарь вдруг замычал совсем уж нечленораздельно, отчаянно пытался раздвинуть внезапно сросшиеся челюсти. Гниение его зубов чудовищно ускорилось и гной начал быстро заполнять рот, заливаясь в глотку. Космач не обратил внимания на выхваченный Волком тяжелый охотничий нож. Но его соратники, обратили, потому как хозяин ножа полоснул лезвием по губам, пытаясь нащупать острием малейшую щель в сросшихся зубах.

Кровь струйками сползала по густой бороде и бычьей шее со вздувшимися руслами вен на грязно-пятнистой коже.

Колдун шагнул к головорезу. Неуловимое движение, тошнотворный хруст лопнувшей кости и дикий рёв вожака, выронившего нож из искалеченной руки оказали должное впечатление на застывшую «стай»

— Хватаете вожака и тащите в лес. Не останавливаясь и как можно дальше отсюда. Ясно? — голос колдуна оставался спокоен, отчего становилось ещё страшнее, — *Silentium videtur confession.*

— Волховик, — проскрипел один на ухо второму, — слышь, заговор прошипел. Ноги делать надо.

— ... и руки тоже! Если умеете. Вправьте кости и наложите шину. Хотя, вряд ли поможет. Да и ещё о вождях. У древнего народа, на вашей земле, один из таких однажды в бою лишился правой руки. После чего его и свергли, ибо правая рука — символ чести, искренности и милосердия. А на что нужен вождь без всего этого? Советую задуматься.

— Ага, — пропыхтел меньшей, силясь устоять под навалившейся тяжестью изрыгающего проклятия и стоны изувеченного главаря.— А ишо он драться не смогёт. И вправду почто нужен?

— М-да, — вздохнул Космач, — Я имел в виду не это. Ну да ладно, — он тряхнул головой и повернулся к девушке. На раздававшиеся за спиной пыхтение и ругань больше он внимания не обращал, вскоре стихли и они, растворившись в более благопристойном шуме леса.

Девчонка сидела на земле, как-то бессмысленно перебирая вываленные на землю пирожки. Очищала их от травинок и складывала обратно в корзинку.

— Вот, — колдун присел на корточки и протянул ей три золотые монетки. — Они отказались. Выходит, кругляшки по праву твои.

— Я... Я убила его... — она подняла глаза. Они оказались ещё больше, чем даже запомнились Космачу. — Зарезала... Насовсем... Насмерть...

Космач тяжело вздохнул и сдвинул брови.

— Нет, ты что? Разве такого здоровяка этой железкой убьёшь? Вот видишь, он уже встал и поплёлся за своими дружками. Всё хорошо, не реви и сопли втяни, никого ты не зарезала. Хотя нет, — добавил Космач, когда девчонка буквально последовала его совету, — лучше не втягивай. На вот, — он достал платок и протянул девчонке.

— С ним точно всё будет хорошо? — всхлипнула сердобольная убийца, не сводившая глаз с покачивающейся фигуры разбойника, который нетвёрдыми шагами ковылял в лес за своими собратьями.

«А как же? — подумал колдун, — отойдёт на десяток шагов и начнёт разлагаться под ёлочкой. Пусть удобряет. Каждый должен приносить пользу по мере своих сил». Вслух же произнёс:

— Само собой! Уверен, что ему уже совсем не больно. Пойдём.

Девушка не шевелилась, провожая взглядом убиенного, только когда он скрылся в лесной чаще, вдруг спохватилась:

— Ой, спасибо Вам большое, сударь. За то, что спасли меня. Если б не вы... они бы... они...

Только бы не заревела. Космач не переносил слёз. В большей степени из-за того, что не знал, как поступить. Очень уж сильно становилось искушение влезть в голову и атрофировать слёзные железы напрочь. Но девчонка не заплакала. Наоборот, её глаза прояснились, а брови тревожно сдвинулись.

— Вы побледнели, сударь. И руки дрожат. Вы ранены? — она вдруг протянула руку и промокнула сопливым уже платком капельки пота на его лбу. Не сказать, что это оказалось так уж мило, но вот прикосновение её прохладных пальцев... Колдун отсыранился. Давно. Очень давно он не испытывал. настолько... странного чувства.

— Нет. Просто, не по мне всё... это, — Космач не лгал. Применять на практике знания из своей специализации он не любил. Слишком непредсказуемы могли оказаться последствия.

А девочка вдруг присела в очень неловком реверансе:

— Простите, меня за неучтивость, сударь. За то, что не поблагодарила сразу.

«Быстро оправилась, — отметил про себя колдун, — либо глупа и не поняла, чем всё закончится, либо...», — но думать о грязном не хотелось. Тем более, до того она забавно выглядела со своим зареванным личиком, с замызганным пирожком в руке, в заляпанном платье, застывшая в позе корявенького недокниксена полупоклона-полуприсеста, что колдун не выдержал и улыбнулся. А улыбался он редко.

— Помочь?

— Что Вы, сударь! Я сейчас быстренько.

Она скидала оставшиеся пирожки в корзинку. Подобрала плащ и свою шапочку. Глаза её снова наполнились слезами.

— Красивенькая была, — всхлипнула она, — бабушка подарила...

— Позволь? — колдун взял шапочку и накрыл сверху ладонью. Едва заметное изменение структуры, мёртвые, разорванные волокна потянулись друг к другу, создавая подобие бывшего цельного образа. Волокна в шапочке, волокна в мозгу... какая, по сути, разница. Но, Боже! Как же трудно менять существующее, гораздо легче создать новое. Никому ещё не удавалось повернуть процесс разложения, распада вспять. Недаром говорят; «Разбитую чашку не склеишь». Вернее склеить-то как раз можно, некромант этим и занимался, а вот сделать целой — нет. Но как раз в этом-то и состоит его цель. Для этого ему и нужна фея.

— Вот, почти, как новая, Потом выстираешь и всё, — некромант старался, чтоб руки не дрожали. Поднимать мертвеца неизмеримо проще. Там каждый кусочек даже разложившегося тела помнит своё предназначение — двигаться.

«Зачем я это делаю?! — промелькнула мысль, — тратить столько сил на какой-то кусок тряпки. Безумец». Но взгляд девчонки напрочь выжег эти мысли. Её глаза сияли.

— Вы волшебник, да? Добрый. Совсем-совсем как в сказках, — это был уже не вопрос, а утверждение.

Но девочка и не ждала подтверждения.

— Конечно, вы добрый! Даже слишком. Вы отпустили их живыми, — она насупила бровки. — Я бы так не сделала. Они, вон, мне пирожки вывалили, шапочку порвали. А теперь, может, ещё кому чего сделают. Они плохие!

«Э-э, а девчонка—то малохольная. Потому—то и глаза такие ясные, чистые. Зла не видят. А может...»

— Это лишь умозаключение, — усмехнулся колдун.

— Простите?

— Я говорю, ведь это только мы так думаем. А на самом деле, неведомо, что дальше будет. А вдруг они по дороге помогут священнику и затем уйдут в монастырь?

— Ой, — засмеялась девушка. — Неужели Вы это серьёзно? А может, они встретят этого священника и убьют его.

— Может, — согласился Космач, — и, более того, это даже вероятно, но повторю, мы этого знать не можем. Поэтому и приговор выносить следует, исходя из фактов, а не домыслов.

— Вы так чудно говорите, — улыбнулась девочка, — а я сказала проще — вы добрый.

— Нет, — качнул головой Космач. — Вот если бы я возвращался этой тропой и снова повстречал их тут... с тобой, вот тогда бы у меня были факты, и я бы поступил иначе.

— Со мной?! — вспыхнула девушка. — То есть вы думаете, я с ними? Что я заманиваю путников, таких как вы и...

— Умозаключения, — усмехнулся Космач, отметив про себя: «а не дура!». — Видишь, это просто. Ты уже научилась, — он подмигнул девочке, отметив, как та зарделась. И поднялся на ноги. — Мне пора.

— Пойдите! — девочка схватила его за плащ. — Может быть, я смогу Вас как-то отблагодарить. У меня ничего нет, но я слышала, как вы говорили с ними о голоде. Вот, возьмите... — она протянула корзинку колдуну, — возьмите, пожалуйста. Они вкусные, честно—честно, хоть и немножко помялись.

— Спасибо, — кивнул Космач, — я рад был оказаться полезным. Читай сказки, Красная Шапочка. Это лучше, чем бродить по лесу. Во всяком случае — безопаснее.

— Что Вы! — засмеялась девушка. — Я и читать—то не умею. А в лесу я с детства. Я его не боюсь. У меня бабушка там живёт.

Космач насторожился.

— Вернее она не моя бабушка, — продолжала стрекотать девчонка. — Когда я была ещё маленькой—маленькой, заблудилась в лесу, а она меня нашла и привела к себе. Сначала

было страшненько. Я думала, она меня съест, — девочка хихикнула и чуть покраснела, — но потом, бабушка дала мне котёнка и сказала, чтоб я шла за ним. Я шла-шла и вышла прямо к деревне.

— А котёнок? — спросил Космач.

— Котёнок потом убежал, — махнула рукой девочка. — Но это не беда, я же говорю, что лес знаю. Поэтому потом я снова пошла к бабушке, ну отнести гостинцев, и вообще она одна, ей там грустно.

— Так иии...?

— Ну, бабушка сначала очень рассердилась, когда увидела меня во второй раз. Мне даже снова боязно стало. Но потом ничего, попривыкла.

— Кто? Ты или бабушка?

— Обе, — улыбнулась девочка. — Она учит меня корешки и травки собирать, о деревьях и птичках рассказывает. А я ей о том, что в деревне да окрестностях делается. Хотя мне кажется, бабушка всё-всё и так знает.

— Послушай, а ты можешь рассказать, где живёт твоя бабушка?

Девочка опустила глаза:

— Понимаете, сударь, я обещала, что никому-никому не скажу. Даже тате с матушкой.

— Я понимаю, — вздохнул колдун.

Был миг, когда он хотел погрузиться в сознание девочки и попросту заставить её сказать. Но такие вмешательства не проходят бесследно, а она и так дурочка. Да и помешало опять что-то. И Космач даже знал, что. Совесть, чтоб ей пусто было. Сколько он от неё не избавлялся, ан нет — вылезет неожиданно-негаданно. Особенно ночами. Он уже начал подозревать, быть может, она частица той самой Божеской искры — души. В таком случае с ней оставалось только мириться.

— ...но Вам я скажу! — девочка оказывается не закончила. — Я же понимаю, Вы спасли меня. Живой меня бы не отпустили, даже после того, как... — она чуть заметно вздрогнула (вот так новость, выходит, не совсем наивная простушка. Неожиданно). — Если вы пойдёте по этой тропинке, а у огромного старого вяза того, что молнией расколот, свернёте на ту сторону, где мха больше, то вам останется только тропку звериную вдоль болота найти — и по ней. А потом будет заброшенная деревня. Жутко там, особенно ночью, я поэтому и не могу с Вами пойти, проводить. Бабушка сказала, если я появлюсь ночью в деревне, то уже никогда белого света не увижу. Живой не выберусь. А ещё там холм эльфий есть неподалёку. Говорят, эти феи всех жителей и перетаскали к себе в мир загробный. Милый сударь, пойдёте со мной к мамке с татей. Вы, наверное, видели деревушка вон, за речкой. А завтра по утречку я Вас к бабушке провожу...

Космач прищурился и взглянул, как усталое солнце плескалось в зеленоватом хвойном море.

«Интересная штука жизнь. А ведь пройди я мимо или не заговори о детской сказке — так бы и блуждал без зацепок по этому вековечному лесу. Коль удача улыбнулась, нечего тянуть. Утро вечера мудренее, но мудрости мне и своей хватает».

— Спасибо, — вслух произнёс он, — ты и не представляешь, насколько мне помогла. Ну, беги домой. И выучись читать! Полезная штука, скажу я тебе. Иногда.

— Вам спасибо! — девочка вдруг прильнула к колдуну, привстала на цыпочки, обвила руками за шею и поцеловала в заросшую щетиной щеку. — Вы славный! Даже если сами думаете по-другому. До свидания, добрый волшебник!

Космач оторопел на миг, а когда пришёл в себя, наглая девчонка уже бежала по тропинке, весело размахивая лапами своего красного плаща. Колдун усмехнулся и развернулся в другую сторону. Впереди темнел лес. Космач сделал несколько шагов и остановился.

— Умозаключения, будь они неладны, — пробормотал он, глянул на корзинку в руке и... размахнувшись, зашвырнул ее подальше в ельник. Затем встряхнул руками, сбрасывая энергию, оставшуюся после поднятия мертвеца и бодро зашагал по едва заметной тропке.

Смерть

Вздрагивали, перешёптываясь осины. Быть может, рассказывали о невесте откуда взявшемся мертвеце, хромающем меж стволами или о забытой всеми старой ведьме, в ветхой лачуге, или о страшном чужом колдуне, вторгшимся в царство их таинственной королевы и высасывающем энергию замерзающих древесных душ. Как бы то ни было, любопытные берёзки, роняя листву, склонялись, чтоб подслушать эти разговоры и недоверчиво покачивали головками, и одни лишь сосны, спокойные и невозмутимые, свысока смотрели на всю эту суету, ибо ведали уже многое. Но никому ничего не говорили. Зачем? Всею своё время. Придёт пора и каждый узнает, что ему должно. В который раз Космач пожалел, что не знаком с тайнами друидов. Ветерок усилился. Шепоток стал громче. Казалось, даже можно разобрать отдельные слова.

Колдун невольно замедлил шаг, прислушиваясь, расшвыривая сапогом пожелтевшие листья. С детства любил он вот так бродить по-осеннему шуршащему морю. Он не часто уносился мыслями в то далёкое и, казалось бы, чужое прошлое, когда не надо было поднимать мертвецов, гадать по внутренностям, искать следы былого в руинах настоящего. И в такие минуты становилось ему слегка не по себе. Вслушивался он в шорох листьев под ногами, и уносилось величие, словно осенний наряд, сорванный безжалостными руками ветра. И понимал Космач, что всё это напускное и временное — красота, сила, могущество и даже знание. И становилось тогда... нет, не страшно. Одиноко. А, собственно, это и есть самое страшное чувство. Ты, словно тот, поднятый мертвец, ковыляешь по лесу, спотыкаешься, но идёшь непонятно, куда и зачем, пока не кончится дарованная энергия. А потом упадёшь и сам станешь энергией для червей или растений. А гонит тебя вперёд только голод (нет, некромант не стал стимулировать центр выживания в мозгу здоровяка, зарезанного девчонкой. Не хватало ещё того, чтоб мертвец стал пожирать живых,

восполняя энергию. Хотя сами—то люди так и делают и не возмущаются, но если кто—то съест их... вот начнётся крик, если такой поднятый упырь набредёт на деревню. Собственно, поэтому из страха таких, как он, Эйтерн Мак Хейлин, и жгли на кострах или подрезали сухожилия, загоняли щетину в пятки, хоронили лицом вниз, да ещё для верности с колом в груди. Всё для собственного спокойствия). Неважно какой голод. Девчонка верно решила отблагодарить, сама того не понимая. Голод, физический ли, плотский или же знаний, власти, приключений. Главное, что неудовлетворимый. И все мы, ходячие мертвецы, пробираемся по умирающему лесу в поисках пищи, а внутри тел холодом разливается смерть. И на самом—то деле истинный некромант не тот, кто вызывает к умершим, а тот, кто вопреки смерти, каждый день пытается вернуть к жизни себя. Просто живёт, зная, чем всё кончится, чувствуя ежесекундную смерть какой—нибудь частицы внутри себя и своих близких. Именно поэтому некромант предпочитал одиночество.

Эйтерн Мак Хейлин встряхнулся, отгоняя дурные мысли. Наивные, глупые, примитивные. Хуже, чем у девчонке на поляне. А девчонка, надо сказать, занятная. Вела себя странно. Как—то... невпопад, что ли. Не пугалась, когда надо, не понимала того, что нужно. А действовала решительно. И везло ей чертовски. Здоровяк умер почти мгновенно. Ткнув, куда попало, девчонка умудрилась перерезать аорту. Причём, видимо уже обратным движением, когда с перепугу выдернула нож из раны. Чище бы и сам Космач не справился. Повезло... Да и то, что Космач проходил мимо... Старая ведьма из леса, похоже, оказалась даже сильнее, чем мог надеяться колдун. Наложить печать удачи — дело совсем непростое. Видать, Красная Шапка своими лучистыми глазками завороживала не только его. Что ж, пора навестить старушку. Повезло... да, странная штука судьба

Долго ли, коротко ли брёл Космач по указанной дорожке мимо вяза да вдоль болота не столь важно. Важно, что наконец—то очутился он в позабытой людьми и, как сказала Красная Шапочка, даже Богом, деревушке.

Гулко ухали на ветру ставни домов, пустых да заброшенных. Мёртвым взглядом слепых глаз провожали чужака провалы окон. Знал чернокнижник, чего ожидать от этих «взглядов». Не раз и он оставлял на пути своём такие вот места. Напряглась его спина. Ладонь на рукоятку меча легла. А воздух замерцал чуть заметно, готовый вскипеть от брошенного заклинания. Но было вокруг тихо, если не считать горестных вздохов оставленных лачуг. Солнце уплывало в своей ладье и почти что уже скрылось за линией горизонта, лишь взмахи его весла отбрасывали длинные причудливы тени, которые всё ширились, расползались, торопливо пожирая свет и становясь всё жирнее и шире. А дома, казалось, оживали и тоже росли, менялись в размерах, как и их тени, приветствуя очередную, пусть и кратковременную победу тьмы. Да, ночь в этой деревушке была бы не из приятных, девочка сказала правду. Может, и пирожки он зря выкинул. Несчастливая им судьба выпала, ничего не попишешь. Такие мысли «ни о чём» в самой сложной, необычной ситуации всегда помогали колдуну. Они снимали оковы рассудочности. Позволяли разуму действовать, как должно, а не как прикажут. Все чувства обострились, и только поэтому не глазами, а будто бы краем сознания, уловил Космач движение тени одной в хороводе общем. Точно белка хвостом махнула у разваленного порога да внутрь дома шмыгнула. А бывают времена и места, что и белка вызывает тревогу не меньшую, чем зловещая фигура, в тёмной подворотне за спиной выросшая.

Космач не думал. Такой же быстрой тенью он метнулся следом. Шевельнул он чуть заметно губами, произнёс слово заветное, и вспыхнул золотистый шарик над его плечом. Как будто кто лучину запалил. Сверкнул в его лучах серебряный нож да перстень на пальце, когда толкнул колдун чуть приоткрытую дверь. Глухим стоном отозвались потревоженные петли. Вторили им подгнившие половицы. Но сыростью и плесенью не пахло. Да и внутри оказалось довольно просторно. Хоть и пыль на полу да паутина по углам, но ни мертвецов, ни гнили. Уже хорошо. Космач огляделся. Прислушался. С кухни

донеслась какая-то возня, щелчок и писк, переходящий в плач. Космач шагнул туда, переступил порог и довольно ошутимо приложился лбом о непривычно низкий верхний косяк. Вот уж воистину — о порог ногою, о притолоку головою. Потирая ушибленный лоб, он вошёл на кухню. Маленькое чумазое лохматое существо, вроде, девочка, одной рукой размазывала по щекам слёзы, а вторую пыталась вытащить из захлопнувшейся мышеловки. Слава Богу, взведённая пружина за столько времени растянулась и девочке было скорее страшно, чем больно. Хотя пальчики она, конечно, прищемила сильно.

— Ты кто? — спросил колдун, протягивая руку, чтоб освободить малышку.

— Не трожь меня!!! — неожиданно зашипела та да так яростно, что Космач отпрянул. — А то я тебя укушу, у тебя рука завоняет, а потом отсохнет! Понял?!

— Тише, малявка! Я тебе помочь хочу. И со взрослыми так не разговаривают. Ух! — это чародей всё-таки раскрыл мышеловку, но при этом едва избежал острых зубов девчонки.

«А ведь вполне её слова могут оказаться правдой. Неизвестно отчего деревня пустует. Может, зараза какая. Порой бывает и такая, которая людей в зверей превращает», — запоздало подумал Космач, но девочку всё же не выпустил. Крепко сжал её ручонку и пробежал пальцами по кисти.

— Да, всё хорошо, никаких переломом. Сейчас и болеть перестанет. Почувствуешь немножко холода и всё.

— А, колдунец! — как-то злорадно протянула замарашка. — Не люблю я колдунов. Злые.

— И то верно. За что ж нас любить, — кивнул Космач, пропуская боль девочки через себя и растворяя её в остывшей печной золе, — злыдни и есть злыдни. А ты-то кто? Почему тут одна?

— Ничего не одна, — набычилась грязнуля.

— А с кем? Где мамка, папка?

Но та, видимо, решила, что и так уже сболтнула лишнего и сидела, закусив губку, как нахохлившаяся сова.

М-да... Что-то тут было нечисто, как в прямом, так и переносном смысле. Космач это чувствовал. Но в чём подвох, понять не мог.

— Ты тут живёшь? Это твой дом?

— Нет. Схоронилась.

«Слово-то какое неприятное, — подумал Космач, — но, похоже, очень верное».

— От чего?

— Колдунец, а глупый, — фыркнула девчонка, — али не видишь, ночь на дворе.

— А-а, — протянул Колдун, — ты темноты боишься.

— Хе! Я боюсь? Темноты? Да я в ней получше всех-всех-всех вижу! Поэтому и побёгла посмотреть. Ой... Гадкий колдунец! Больше ничего не скажу! Отпущай меня, а то хуже будет! — вдруг её голосок изменился. — О! Ветерочек поднялся. Слышишь, как гудит? Домик ветхий, вдруг развалится? Знаешь, как в сказке о поросёночках? Прибежал волк, как ду-у-унет. Или волчица, — непонятно, что её так насмешило, но замарашка вдруг захихикала. — Боишься, колдунец? Выйди на улицу, посмотри, кто так шумит?

— Волков? Не-е, не боюсь. Сегодня уже пришлось с ними встретиться. А что шумит, пошли глянем. И правда ветер странно воет, — он подхватил малышку на руки.

— Не-е-ет!!! — завопила она. — Пусти меня! Нельзя мне на улицу! Тебе можно. Мне нет!

— Почему это?

— Да потому что я еле от них утикла! Все только и говорят: «ельфы, ельфы». А ты знаешь, какие они злые и страшненькие? У-у-у! Ихний главный мертвяк хотел меня своей невесте подарить. Свадьба у него, и он сказал, что из меня забавный подарочек выйдет.

Буду королеву фейную смешить. Ага, как же! Я его куснула и убёгла. А как стала улепётывать, так он за мной погнался. Это не ветер воет, это евойная охота в рога трубит. А ты знаешь, какие у него собаки страшные?

— И ты хотела, чтоб я к ним вышел?

— Ага. Пока бы они тебя словить пытались, я бы снова схоронилась где-нибудь, — грязнуля всхлипнула. — Плохо только одно, мне отсюда далеко уходить нельзя, а то меня не найдут.

— Кто не найдёт?

— Кто надо, тот и не найдёт. Ой, то есть, кто надо, тот и найдёт, а кто не надо — не найдёт. Вот. Совсем меня запутал, колдунец.

— Ничего не понял, — тряхнул головой Космач, — ты же сказала, что прячешься?

— Ну да, глупый ты! От эльфов схоронилась, чтоб не эльфы нашли.

— Ну, я не эльф, как видишь. Будем считать, у тебя всё получилось, и я тебя нашёл.

— Нет! Не ты! Не ты!!! — девчонка попыталась вырваться из рук колдуна, — Она!!! Лиша-а-а!

— Отпусти девочку, — голос наполнил комнату позади колдуна холодом. Очень знакомым. Холодом смерти. Такой негромкий, спокойный и пробирающий до костей. Не любил Космач такие голоса. Вернее. их обладателей. Статная, высокая, красивая и... страшная, вселяющая ужас. Вот уж не думал Космач, что сможет когда-нибудь так подумать о женщине. А оказалось смог... Если бы не рассказ замарашки, то решил бы чародей — вот она, встреча-то заветная. С Королевой. Перед такой не только цветы склонялись бы и бледнели. Да и кровью залить она не одни лишь лепестки может, это ясно. Властная, величавая и смертельно опасная. Нездешняя. Это чувствовалось сразу. И в выговоре, и в одежде, и во взгляде. В этих землях людские женщины так смотреть не умеют. Может, северянка? Светлые волосы, собранные в тугую длинную косу падали на обнажённое плечо. Да, девушка явно не за прялкой сидя такую фигуру заработала. Над плечом рукоять меча серебрится. Но умная. За неё не хватается, знает — толку-то от него в тесной комнатке мало. А вот нож... дело другое. Ох и не понравилось Космачу, как она его держит. Ещё больше голоса не понравилось.

— Не кажется мне, правильным это именование для такого существа, — он опустил девочку на пол. Не потому что испугался. Просто руки нужны были свободные. А ещё подумал, может, бросится она к блондинке. Если повезёт — за колени обхватит. Шага не даст сделать. Ему-то надо, чтоб на полвздоха, на один взмах ресниц эта амазонка замешкалась, а там... Шея у неё открыта. Руки тоже. Да и тело без кольчуги. Лишь тонко выделанная кожа. Такая от ножа не защитит.

«...но и движения не замедлит», — скользнула мысль, показавшаяся очень важной, но всё же не к месту. Не хватало ещё ему, Эйтерну Мак Хейлину, бабы с ножом бояться. Но он боялся, поэтому-то и знал — решит всё первый удар. Единственный. Поэтому-то не вступал в разговоры. По взгляду понял, что бесполезно. Видел, она пришла убивать. Как волчица за волчонка. Обидно. Ведь волчонку-то он ничего не сделал. Только из капкана вытащил. Можно, конечно, бросить оружие да ещё на колени упасть. Сказать, дескать, неповинен ни в чём. А после этого уж впору и самому в петлю. Но с другой стороны — убивать такую красавицу только за то, что защищает она своего зверёныша, тоже не гоже. Ну хорошо, раз дикая и хочет по лесным законам — пусть и живёт по ним. А он человек! Даже более. Поэтому...

— Он колдунец, Лиша!

Маленькая негодница испортила эффект неожиданности, ну и шут с ним. Космач ударил. Не ножом. Силой своего разума. Невидимая волна должна была смять, пронестись по сознанию воительницы, подавить её волю, затопить. Подчинить власти чародея. После этого разъярённая волчица превратилась бы в златорунную овечку, но... Не превратилась.

Лишь лёгкая улыбка коснулась красивых губ и в следующий миг незнакомка ответила. А волчица—то оказалась не пара Волку. Да и не думал Космач, что они из одной стаи. Стремительная, быстрая, смертоносная. Он смог уйти от первого удара только потому, что знал, с какой стороны его нанесут. Слева была девчонка, и Волчица атаковала справа, заслоняя её своим телом. Космач понял, целью этой атаки было не достать его, а заставить отскочить, убрать лохматого зверёныша из—под ног, из зоны возможного удара. Неужели мать? Но как они не похожи. Да и сомневался колдун в том, что мелочь — человеческое дитё... Хотя... может и мать — оборотень? Поэтому и обладает такой силой и скоростью. А его магический удар был рассчитан на человека. Не на зверя.

Плохо... Тогда придётся убивать. Волкодлака ему не усмирить. да и не справиться вручную. Но сможет ли? Космач сомневался в этом всё сильнее. Что ж, выход у него один, собственно, самый естественный — дверь. Отступать — это всё—таки не просить пощады. Но как до неё добраться. Если б они кружили по комнате, как при нормальном бое, всё было бы ясно, но тут... Золотоволосое чудовище стояло между ним и дверью недвижно. Космач прыгнул вперёд, имитируя атаку, и в общем—то даже не надеясь задеть противницу, только лишь заставить чуть повернуться, уйти в сторону, пропуская его к двери... но (какие духи вселились в это сильное тело!) она сама рванулась на нож. Ещё, собственно, ничего не произошло, но колдун понял — это конец. Она одержима. Готова умереть, не только убить. Он как—то читал о таком явлении. Опять же у северян. Берсерки, кажется. Из такой схватки живыми не выходят. В последний миг он попытался изменить направление удара, чтобы лезвие хотя бы упёрлось в рёбра. Оставался шанс, что скользнёт оно по ним не причинив особого вреда. Ну, а после рану он обработает, даже шрама не останется... Второй рукой чародей блокировал её нож. Думал отвести его в сторону... И... что—то пошло не так. Совсем не так.

— Не убивай!!! — раздался девичий крик, в котором непостижимым образом сплелись мольба и приказ. Мгновение назад, могло показаться не ясным, к кому он обращён. Да что там, мгновение назад Космач не повёл бы и бровью, но теперь... теперь уже можно было всё.

Его рука провалилась в пустоту, не встретив никакого сопротивления. Лишь костяшки пальцев ощутили шероховатость кожи на корсете и какая—то серебристая вспышка перед глазами на миг ослепила его. Он понял, что это. Прямо перед лицом. Успел понять...и только... большего он сделать уже не мог. Разве что посмотреть, кто кричал. Хотя он и так уже понял.

Красная Шапка замерла на пороге, распахнув тёмные глазищи, и вскинув руку, словно пытаясь остановить...

...Опускающееся лезвие ножа. Вниз. К горлу. Но как? Он же должен был перехватить его там, сбоку. Удар был нацелен вниз живота, он точно это видел и блокировать его не составляло труда. Он так и сделал. А потом пришла боль... Она разлилась по внутренней стороне предплечья. Заползла на плечо, скользнула подмышку и впилась в шею... Мёртв. Боль не станет сильнее. Он знал это. Теперь только смерть. Перерезаны локтевая, лучевая возвратная, подмышечная и, судя по всему сонные артерии. Вот и всё. Никакая магия не сможет остановить кровь. Ха... Одно движение сейчас. Один удар тогда... Красная Шапка тоже хорошо обращалась с ножом. Всё становилось на свои места. Красивая ловушка. И не такая уж глупая смерть, как могло показаться на первый взгляд. Она рассказала о проклятой деревне зная, что он не пройдёт мимо. Оставалось дожидаться. Некроманту хватило сил улыбнуться, взглянув в глаза девчонке:

— Умозаключения, малышка. Я хороший учитель, да?

Странно, но глаза девушки блеснули от слёз и торжества в них не было и в помине.

— Если бы ты съел пирожок... — всхлипнула она, — Лиша, зачем ты его уби...

Колдун опустил глаза. Крови не было. Было лезвие у горла и набухающие рубцы на руке. Чёртова ведьма била обухом клинка. Играет?

— Кто ты? — голос блондинки оставался так же чудовищно спокоен, дыхание даже не сбилось. — Ты сделала, что я сказала и отпустил девочку, тогда зачем ударил первый? Той сказала, что ты опасен, но сам не нападёшь. Но ты ударил, хоть и боялся причинить мне вред. Почему? Ты странный, поэтому ещё живой. Кто ты?

Некромант пожал плечами:

— Противоречивая личность, выходит...

— Он — колдунец, — пропищала мелкая из угла, — я пальчики прищемила в глупой мышеловке. Больненько было. А он р-раз — и не больненько.

— И ты молчала? — Волчица повернулась к крысёнышу. — Я могла его убить! Того, кто помог тебе, ты понимаешь?!

— Ну и что? Ты всех убиваешь, — малышка равнодушно пожала плечиками.

Нет, она явно не понимала. Да ну их к лешему! Полоумные. Хотя ситуация интригующая. Красная Шапка проскользнула в комнату и уселась на стол, склонив голову на плечо с любопытством изучала некроманта. Той. Имя ей удивительно подходило. Она действительно походила на игрушку. Большеглазую куклу из балаганчика. Или сошла со сказочной гравюры. Все три блондинки. Сёстры? Хотя волос мелкой, конечно не разобрать. Волчицы из одного помёта? Похоже на то. Или старшая — мать? Тогда страшно. Учит их охотится? А он добыча? Космача сжирало любопытство, но он не принадлежал к семейству кошачьих. Хватит, один раз полюбопытствовал. Теперь приходилось разгребать. Он мало помнил о физиологии волколаков, да ещё восточных, судя по всему.

Все трое знали, что он колдун. Что ж к лучшему. Значит, поиграем с куколкой!

Та словно что-то почувствовала, взглянула на него, улыбнулась и... вдруг закашлялась рванув ворот рубахи, словно ей не хватало воздуха. Ну... так собственно и было.

— Тойчик! Не помирай! — взвизгнула мелкая бросаясь к сестре, Лиша, это он! Колдунец!

«Умничка, козявка! Пугай их!» усмехнулся про себя Космач и отпрыгнул от высокой блондинки, демонстративно выкинув вперёд руку со скрюченными пальцами, словно пытался вырвать...

— Сердце, — рыкнул он, — сердце Куклы лопнет, если ты шевельнёшься. Она видела, на что я способен. Поверь, тебе смотреть не захочется.

Блондинка не ответила только нож в её руке чуть изменил положение.

— Не надо, качнул головой колдун, — Не успеешь. Мгновенно убить меня ты не можешь, а я её могу. Она уже умирает.

— Не отпускай, Лиша, — прошептала упрямая Шапка, — Не... сердце... Кор... — очень вовремя зашлась кашлем. Благо, на более осмысленную фразу воздуха ей не хватало.

— Коронарная недостаточность! — рявкнул колдун, — Именно! Кровоток почти остановлен! Взгляни на неё! Губы синеют, ей больно, настолько, что она пытается вырвать себе сердце. Я могу заставить её это сделать, на твоих глазах. Смотри, она уже царапает корсет. Потом доберётся до собственной кожи, мышц...

— Нож! — прохрипела девчонка, действительно уже посиневшими губами, — дай мне нож, Лиша...

— Не вздумай! Иначе она убьёт себя! — вскричал Космач, — Отпусти меня, Волчица и я, клянусь, отпущу её. Я знаю, что вы не прекратите охоту и мы встретимся, но позже. Мне нужна неделя.

— Она ребёнок, колдун, что ты делаешь? — Северянка даже не повернулась, в сторону всхлипывающей девушки, — Той искала тебя. Ей нужна была помощь и всё, а

теперь... ты ведь понимаешь, что я тебя убью? И той меня больше не остановит. Хорошо, сейчас уходи. Если девочка останется в живых, ты проживёшь неделю. Обещаю.

– Спасибо. Прекрасно понимаю. С каждым шагом, что нас разделяет ей будет становится легче. Прощайте, леди.

Дальнейшего развития событий Космач ждать не стал, потому как Той уже дотянулась до узла на шнуровке корсета, и отчаянно его теребила. В отличие от Волчицы, она прекрасно знала, что ни черта, это не сердце, а лишь слегка перетянутый корсет. Кожа из которой он был сделан – обычная мёртвая плоть хоть и прекрасно выделанная. Чуть-чуть сжать, подтянуть её ничего не стоит. А вот повлиять на живое человеческое тело, колдун, конечно же не мог. Да и никто не может. Зачастую оно защищено высшими силами. Поэтому яд или кинжал гораздо надёжнее любого заклинания. Вот и ответ, отчего в гильдиях убийц ножевики, душителю, отравители, стрелки и ни одного колдуна. Навиг они там не нужны. Но откуда об этом знать волколакам.

Врезавшись плечом в дверь, сморщившись от боли, Космач вылетел на улицу. Длинным прыжком метнулся в кусты, перекатился. Затих. Он знал, когда нужно бежать, может, поэтому так далеко и забрался. Сейчас бежать было самое время! Очень быстро и как можно дальше.

Да, как же нелепо он угодил в это Волчье логово. А ведь Красная Шапка предупреждала. Он ждал ловушки там, на поляне, но её не оказалось. Она была здесь. Красная шапка была заодно с разбойниками, но не с теми. Но неужели... слишком уж безжалостно она расправилась с «насильником», слишком хладнокровно и профессионально. Нет... не может такого быть. Подходя к поляне, колдун чувствовал страх. Неподдельный, дикий, первобытный, но... чей? Увидев сцену, он-то само собой подумал, что девчоночий. А если нет? Если это здоровяк боялся девчонки? Вдруг он уже понял, как всё закончится? Как понял и Космач в последний момент. Или того страшнее, он уже был мёртв и знал об этом, девчонке оставалось только выдернуть нож. Ужас... Но зачем? Чтоб заманить колдуна сюда? Но для чего тогда предупреждать? Что-то тут не сходилось. Похоже, хоть и была она с ними заодно, но какой-то симпатией, невесть откуда взявшейся к Космачу прониклась. Да ненадолго. Могла бы остановить. Не пустить... но нет. Полное безумие! Так, сейчас нужно затаится, сбить со следа и отдохнуть, поспать, слишком много сил потрачено впустую. А они могут пригодиться.

*

Кровь... и тонкие пальцы утопающие в рыжей шевелюре и глаза, полные слёз и муки, глаза, которые он не видел, но никогда не забудет... Эйтерн закричал и проснулся. Эта ночь ничем не отличалась от остальных. В паре ярдов от него, весело прыгая по камешкам успокаивающе мурлыкал прозрачный ручей подкидывая в брызгах серебряные монетки лунного света. Космач смахнул со лба пот и откинулся на охапку собранных накануне листьев. Она была тут. Проклятая Шапка. Сидела на корточках на валуне и пялилась на него.

– Привет.

– Здорово. Оклемалась?

– Ага. Забавный фокус с корсетом. Мне даже понравилось.

– Вижу. То-то ты сейчас вся вырядилась в кожу. Повторить?

– Не-а. Позже, – в руке её блеснула металлическая труба с шестью отверстиями вернее шесть металлических трубок, ввинченных во вращающийся блок. А ещё точнее-стволов. Пеппербокс. «Перечница» Дорогая, уродливая, смертоносная. Волколак с серебряным пистолетом это было уже за гранью безумия.

Космач бы засмеялся, но вот перчатка на левой руке девушки настораживала, как бы намекая, что она знает, что «отработавший» ствол имеет весьма некомфортную для

пальцев температуру, а, следовательно, ей уже приходилось им пользоваться. М-да. С этого расстояния шесть свинцовых шариков запросто разорвут все внутренние органы, превратив их в фарш. Ну а о выстреле в голову даже думать не хотелось.

– Что тебе нужно? – устало вздохнул колдун, – Если не пристрелила сразу, то придётся тебя выслушать, да?

– Эй-Ты, действительно, не помнишь меня? – грустно улыбнулась девушка.

– Повежливей, соплячка, когда разговариваешь, со старшими. И с чего это не помню. Вчера виделись.

– А кто из нас старший, Эйт? – девушка повернулась в профиль и завела руки за спину, чуть выгнув спину, – А так, Тёрн? Ты повзрослел. Краснеть и отводить глаза не обязательно.

Точёный профиль в лунной гравюре. Грудь...

Колдун застонал, обхватив голову руками.

– Узнал. – засмеялась девушка, – вот и верь поэтам, что глаза зеркало души.

– Ма-мадлен...

– Ми-милая, было лучше.

– Это не возможно.

– Вот и я так подумала, когда ты не пришёл. Альваро, между прочим, умер через час. Я – уже под утро.

– Ч-что? Но медики, я... я их встретил. Они пошли...

– Значит, не дошли, – Мадлен смахнула слезу с ресниц, – Я ждала тебя, Эйт. Долго, очень. Настолько, что когда поняла, что ты не придёшь, выбраться сама уже не смогла. Я не снимала повязки, Тёрн, как и обещала. Наоборот, пыталась зажать рану, остановить кровь. Я знала, что ты бросишься к Чари, но верила, что потом вы вернётесь за мной.

– Мадлен, – Эйтерн протянул руку и тут же отдернул, – словно обжёгся. – Я никогда не видел твоего лица. Ты даже моложе, чем я думал тогда. Ты. Ты-вампиры? Альваро охотился за тобой, да? Он охотник на нежить? Поэтому он вернулся, поэтому говорил Скварчиаре о долге и чести? И Сипа нанял, чтоб не дать тебе выйти из гроба, до своего прихода. Тебя искали во Франции инквизиторы, ты бежала в Наварру, Испанию. А барон...он не твой отец, да? Он твой... о, Господи. Поэтому и чаял в тебе души...

– Прекрати, Эйт, пожалуйста. Сейчас всё это не важно. Прошло двести лет. Ни ты, ни я не изменились. Вернее ты возмужал.

– А ты помолодела. Той. Тойа. Виктория. Я мог бы догадаться.

– Но не догадался. Эйт, ты не знаешь всего, а я не буду рассказывать. Если ты подумаешь, то поймёшь, что твоя теория – глупость. Кроме одного – я зверь. Такой меня сделало лекарство Скварчиаре. Как, видимо, раньше неведомого Зверя из Лагуны. Но я не убивала людей, я... делала другое. Вообще, Тевье был прав. Я не буду рассказывать. Но самое жуткое – я- это я. Сбылось твоё проклятие. Я не изменилась. Это всё ложь в сказках про вампиров с юным телом и старой душой. Я реву ночами от предательства, обиды и собственной мерзости. Я навсегда осталась глупой, влюблённой, книжной девчонкой, верящей в чудеса. Двести лет, Эйт! Двести лет пытки! Невозможности повзрослеть. Представляешь, я не могу лечь с мужчинной, которого не люблю! До сих пор.

– Мадлен, послушай меня...

– Нет! Я не буду тебя слушать, больше никогда! Меня подобрала Лиша, жалкую, грязную, в сточной канаве. Я пыталась покончить с собой в очередной раз. Утопиться. Меня вынесло в канализацию. Смешно. Вот она – моя судьба. Я не могу умереть, Эйт. Господь не принимает меня. Но ты, ты можешь помочь, да? Я знаю, кто ты, Эйтерн Мак Хейлин. Некромант. Ты можешь...

– Не могу, Марго...

– Можешь! Я не отстану от тебя, Эйт. В прямом смысле. Теперь я найду тебя везде.

– Нет, – качнул головой колдун, – «связь суккубуса» по Парацельсу возможно только... хм при обмене телесными жидкостями. Мы никогда...

– Да?

– Да! Поверь, я бы запомнил.

– Какой бы ни был умный мужчина он всего лишь мужчина, – фыркнула Мадлен.

Вспоминай, Эйт. Мы ревели в гробу, глотая слёзы друг друга. Да что там, вот.. она помахала платком, так услужливо и неосмотрительно предложенного Космачом Красной Шапке. Пот, слёзы, сопли всё в кучку. Почему ты думал только.. о тех, телесных жидкостях? Так чо теперь тебе можно от меня избавиться только одним способом. Она швырнула «перечницу» на колени Эйтерна. Там серебро. Если ты всё сделаешь правильно и не дашь тканям восстановиться...

– Мадлен...

–... то я тебе скажу, где Чари, – закончила французенка.

Эйт вздрогнул. Сердце пронзила боль. Он не знал, что ещё может её чувствовать.

– Она мертва!

– Ну, собственно, как и я. Тлолько она сильнее.

– Где она?

– Ты подаришь мне смерть?

– Да.

– Обещаешь?

– Да!

«О таких вещах не говорят. Их просто делают» – вспомнил о и поднял пистолет.

– Спасибо, улубнулась Мадлен, – Я знала, что ты выберешь её.

По кошачии мягко она спрыгнула с камня.

– На ухо, как тогда. Сейчас можно даже с руками– она обвила его за шею. Губы

коснулись уха. Горячий шёпот обжигал, слова рвали душу страшнее свинцовых шариков.

Мадлен отстранилась и закрыла глаза.

– Я готова, шепнула она. – Спасибо, как здорово, что я тебя нашла, Стреляй.

Эйт наклонился и коснулся губами её губ.

Щёлкнул курок...

La petite mort

Маленькая смерть победила большую. Эйт выполнил своё обещание. Не раз. Иногда

нужно не спрашивать. Просто делать.

ДОГОВОР

Котёнок сидел в придорожной траве и с любопытством, достойным пословицы об их семействе, изучал чужака.

— Откуда ж ты здесь взялся, крохотулька? Не гармонируешь ты с этим местом. А гармония, как нас учили древние, мера всех вещей. Так что ты тут неспроста. Хочешь мне что-то сказать, щёлкоглаз? Ну так не тяни, как говорят, родича за хвост.

Котёнок, казалось, внимательно выслушал колдуна, затем по-особому фыркнул, демонстративно задрал хвостик и потрусил к лесу.

— Ну, если не знаешь, куда идти, иди туда, куда тебя посылают, — изрёк Космач, бросил взгляд через плечо на проклятую деревню с её демоническими обитателями, пожалев ещё раз, что не спалил там всё дотла, сплюнул и поспешил за своим провожатым.

Идти пришлось изрядно. Лес всё густел, тропинка петляла меж стволами, то и дело прячась в кустарнике, казалось, на радость котёнку и назло колдуну. Наконец, кулисы деревьев разошлись, и взору открылась сцена. Декорации были премилые, и это не могло не радовать. После всей-то пережитой дряни.

Очаровательная полянка пестрела цветами — красными и белыми розами. Лесное озерцо или, вернее, болотце искрилось от улыбки Луны, кокетливо любовавшейся своим отражением в этом зеркальце. На берегу приютился небольшой, слегка покосившийся, но, похоже, всё ещё крепкий домик.

— Ну что, маленький бесёнок, привёл к своей хозяйке на ужин, — колдун подмигнул котёнку и, невесело усмехнувшись своему каламбуру, толкнул дверь.

В том, кем была хозяйка жилища, сомнений у колдуна не осталось, едва он только переступил порог. Не только из-за рассказа девочки, о том же готовы были поведать и связки резко пахнущих засушенных трав, разложенных на полу в углах дома и закопчённый котёл, почерневший от дыма и открытого огня, множество безделушек и оберегов, порой весьма неприятных — засушенные лапки кроликов, птиц, Космач бы не удивился, если бы увидел и кисть человека. Кстати в городах так и было: пользовалась спросом, считалось, что отрубленная за кражу рука в качестве талисмана приносит удачу поделщика в воровском ремесле. Белели чьи-то клыки, зубы, кости. Через мутное стекло выстроившихся в каре бутылей неприятно таращились заспиртованные глаза. А если напрячь фантазию, то можно было разобрать и кое-что похуже. С фантазией у чародея всё было в порядке, поэтому он отвернулся.

Нет, он не считал всё это полным шарлатанством, более того, на подобные же, содержащие примитивную, и потому неодолимую силу предметы, он и возлагал основную надежду, когда думал о своей охоте на фей. И вот перед ним носительница и хранительница этой природной силы. Бабка. Ворожка. Труболётка. Проще говоря — ведьма. Самая, что ни на есть классическая, деревенская.

Седая, уродливая, старая она сидела, сторбившись за плохо обтёсанным огромным столом. Сухие, крючковатые пальцы перебирали шёрстку котёнка, свернувшегося на коленях. И он, и его хозяйка пристально, не мигая, смотрели на незваного гостя. Наконец, старуха проскрипела:

— Фу-фу-фу, это точно, то бишь, не помешала бы тебе банька-то. Жаль, не могу сказать, что русским духом запахло.

Соскучилась. Так чей ты добрый молодец будешь?

— Ничейный. Никто пока не позарился.

— Неужто, так мало ценного... внутри? — усмехнулась старуха. — Но это мы сейчас и посмотрим. Какого бы роду-племени ты ни был, садись, босоркун, гость, как-никак. Да и путь ты дальний проделал, непростой, вижу. Сюда нечасто заходят. Что привело тебя ко мне?

— Кто, — поправил колдун. — Кот твой учёный. Престранная зверушка, между прочим. Забавная.

— Более чем, босоркун, более чем.

— Каким это странным прозвищем ты меня именуешь, карга?

— Хе... собственно тем же, каким именуешь меня и ты. В твоём представлении «карга» — это ведьма? И обидеть ты меня не желаешь, колдун? Думаю, нет. Как и я тебя. Места меняются — привычки остаются. Да тебе, босоркун, это известно не хуже, чем мне.

Космач порылся в памяти, но, откуда это прозвание, сказать бы так и не смог. Что-то дальнее и чужое. Варварское. Вроде бы, ветряник, колдун с гор, повелитель ветра, летящий на его крыльях.

— Ну и далеко же тебя занесло, бабушка, — усмехнулся он. — Но, видно, и тут с соседями не ужилась. Деревенька-то пустует. Лихие люди одни остались. Да вот и мне не

предлагаешь попить, поесть, в баньке попариться да спать улечься? Одичала ты тут совсем. Подзабыла обычаи.

— Умный босоркун попался, начитанный, — протянула ведьма, обнажив в улыбке редкие, но острые зубы, — но не рожак... Не-е, не рожак... Наученный. Чернокнижник, поди? Ну, ничего, молодой ещё. Коли слушаешь меня, может, ещё и выучишься чему потребному, не книжному.

— Я? — рассмеялся Космач. — Молодой? Поучить меня хочешь? Может, ещё и клубок предложишь? Всех в округе извела, а теперь помереть не можешь, пока преемника не найдёшь? Ну повеселила ты меня, старая! И на том спасибо. Нечасто такое происходит. Любое твоё желание исполню! Сегодня я щедрый, второй раз уже предлагаю. Первые отказались. Вернее раздумывали долго. Не повторяй их ошибки, бабушка, говори, чего хочешь. Золота? Камней драгоценных?

— Не повторю, милочка. Любое? — старуха прищурилась, а в глазах котёнка, устроившегося у неё на коленях, вдруг сверкнули язычки пламени. — Значит, любое, говоришь...

Внезапно Космач почувствовал лёгкий озноб. Точно сквозняком потянуло.

— Нет, я знаю, конечно, чего ты попросишь. Вечной молодости, жизни, красоты — я бы мог помочь, но... извне это не приходит. Да и поздновато уж, если честно, — он взглянул на согбенное тело карги, обвисшие груди, покрытую пятнами сморщенную кожу. Он неприязненно скривился. И вдруг... услышал, как ведьма захохотала.

— Вот теперь ты развеселил меня, милочка. Молодой, глупый и смешной. Так и быть, выполняю и я твоё желание. Действительно любое.

Космач вскочил. Глаза его сверкнули, рука потянулась к мечу. Не терпел колдун, когда над ним смеялись. Но внезапно стул сильно ударил его под колени, вынуждая нелепо плюхнуться на прежнее место.

— Сиди, чернокнижец. Негоже в чужом доме за ножик хвататься. Большой он у тебя да острый. Ещё поранишься ненароком, а мне с тобой возиться. И так-то вон время трачу. Может, и впустую.

Космач застыл. Впервые в жизни ему стало страшно. Не за себя. Из-за ощущения чего-то неведомого. Силам его неподвластного. Того, что познать он не мог, сколько бы книг ни прочёл. Вот ведь место-то какое проклятое! Сначала девка, краса-златовласка, на ножах его побила, теперь ведьма деревенская, доморощенная в колдовстве превзошла.

— Кто ты, старая? Кальях Варе? Чёрная Анис? Сама Ану? — он сглотнул.

— Перестань! Я уже достаточно сегодня посмеялась. А желание твоё другое. Не обо мне узнать. Говори. И уж, коль пообещала — помогу. А заодно и тебе о твоём слове напомним. Ну как, договор, чернокнижец?

И вспомнил, Космач свои слова разбойнику обращённые и понял, что очень даже может себя на его месте ощутить. А ещё вспомнил Космач, ведь редко какому колдуну удавалось избежать встречи с Мастером Договоров. А кто он — ведомо каждому.

— Вот, значит, как... — Космач прищурился и губы его тронула улыбка. — Вот уж не гадал я тебя здесь встретить, с твоими договорами да ещё в таком обличье. Но, коли так карты легли, договаривай про договор-то... Что потребуешь за помощь?

— Сердце.

— Сердце? — колдун нахмурился. — Это что, иносказание какое? Мне-то казалось, речь всегда о душе шла.

— Сердце, — повторила карга, откидываясь на спинку дубового стула. — На что мне твоя душа? Да и сомневаюсь я, осталось ли у тебя от неё хоть толика.

— Но...

— Брось, босоркун. Не стоит выглядеть глупее, чем ты есть на самом деле. Нехитрое это искусство. Я не Князь Тьмы. Хотя и не лучше Его. Да и не предстанет он в таком виде. Скорее уж в таком...

Космач взвыл от ужаса и, опрокинув стул, дёрнулся назад, к двери.

— ...ну, или вот в таком, на худой конец.

Рука колдуна, наполовину выхватившая меч из ножен, застыла.

Перед ним, как ни в чём не бывало, сидит неопишуемой красоты девушка. Тугая коса через плечо перекинута, на высокую грудь падает, а пальцы тонкие, нежные с шёрсткой котёнка играют. И улыбается.

Тряхнул тогда головой Эйтерн Мак Хейлин, глаза прикрыл и шепнул слова, что морок развеять могут. Любой силы. Красавица улыбнулась. Тогда вытянул колдун руку, чтоб пальцами ощутить то, во что разум поверить отказывался. Взор—то обмануть дело нехитрое, чувства сложнее.

Девушка бросила на него взгляд из-под ресниц длинных да чёрных и точёную бровь выгнула.

— Ай-ай, милый сударь. Неужто потрогать хочешь? А коли замужняя я али помолвлена? Узнает суженный — сраму не оберёшься. А вдруг он у меня грозный? Навроде того, что давеча тебе привиделся.

— Ты... — попытался выдохнуть Космач.

— А то кто же, милоч? Я, конечно. Ну, ты — молодец храбрый, чуда неведомого не убоишься. Возьми меня за руку...

Колдун затряс головой и торопливо спрятал ладони за спину. Девушка звонко рассмеялась:

— Так что ты там мне предложить—то хотел, сударь? Ну то, что невозможным оказалось, ибо поздно для меня уже.

Отчаянно пытался Космач прогнать наваждение, лихорадочно перебирал в голове все формулы чародейские да заклинания известные. Его губы беспрестанно, но беззвучно шевелились. Ничего не помогало. Девушка оставалась нереально реальной. Колдун чувствовал её дыхание, видел жемчужный блеск зубов, едва заметные лучики морщинок у смеющихся глаз, крохотную родинку у уголка губ... алых... манящих... чуть в улыбке приоткрытых...

— Ну не мне ж тебя учить, чаровник мой милый, — сквозь смех в голосе девушки стали пробиваться нотки строгого и нудного университетского магистра. — Любое заклинание, любая формула, любой ритуал есть лишь путь. Способ попасть в колею. Попытка повторить то, что кто-то когда-то уже сделал до тебя. Но ты же знаешь, что изначальная магия стихийна. Произнося свои заклинания, ты упорядочиваешь её, выхватываешь всего лишь песчинку из бушующего урагана. Но тебе довольно и этого. Ты счастлив, ты повелитель неведомого, самой смерти. Ты — колдун—некроман!.. Ладно, открывай глаза, босоркун, так не пойдёт. Ты, прям, сам не свой стал, да и разговор у нас не ладится. Даже на любимую книжную болтовню не реагируешь... А говорил: «молодость... краса...» — просипела старуха, — но, видать, первый-то вариант тебе больше приглянулся.

— Тьфу, — сплюнул Космач, даже не успев уловить миг преображения. — Кто ты, чёрт возьми?!

— Опять ошибаешься, милоч. Чёрт меня не возьмёт. А вот тебя очень даже может. И ты поступил мудро, раз не полез туда, где ничего не смыслишь. Заведомо проиграешь. Там такая битва идёт — не нам в неё вмешиваться. Голову бы лишь задарма сложил. Ну и потерял бы то, чего больше всего потерять боишься, — поёрзала на своём стуле ведьма, устроилась поудобнее и продолжила. — А вот меня ты нашёл! Вдвойне молодец.

Собственно, будь ты умнее, то понял бы, что тебе фея Катринка и не нужна уже на самом-то деле.

— Ты знаешь, Кароль?! Как её найти? Где она? — Космач невольно шагнул вперёд.

— Хе-хе, — закричала карга. — Странная природа человека. Не понять мне вас. Ведь действительно тебе этот облик больше по сердцу — вот и разговор ручейком в своё русло повернул. Да ты садись, босоркун, шея затекает на тебя снизу глаза пялить. Эх, какой вымахал, а ума не набрался. Истинно говорят: «Молодец с воз, а ума с накопыльник».

Что такое «накопыльник» Космач не знал, но и спрашивать не стал, пропустил слова обидные мимо ушей. Единственное, чего он хотел, так это убраться отсюда подальше да побыстрее. Но тайна!!! Тайна всегда держала его крепче кованых цепей. А ещё у него была цель.

— Как мне найти Королеву Фей? — твёрдо повторил он, опускаясь на стул.

— Договор, милочек? Я выполняю своё обещание, ты — своё.

— Брось! Я не верю в сказки. Как я отдам тебе сердце? Ты мнеставишь каменное, и я стану чёрствым и злым?

— Ты и так чёрствый и злой. Может, тебе кто сердце-то уже и заменил, а ты и не заметил? На камень? Лёд? А если ты не веришь в сказки, то ты ещё глупее, чем показался мне вначале. Что ты тогда вообще здесь делаешь?

Космач вспыхнул:

— Не зли меня, старая! Как я отдам тебе своё сердце?

— Ох, безмозгуша! Голова, как у вола, а всё ещё мала. Было бы мне нужно твоё — давно бы оно уж плавало в какой-нибудь из бутылей. Видишь, стоят? — старуха качнула головой в сторону полок. — Есть и пустые. Но мне нужно ЕЁ сердце! Не сразу. Когда ты добьёшься от своей фейки того, чего хочешь, когда она надоест тебе, ты вырежешь у неё сердце и принесёшь мне.

— Зачем оно тебе?

— Знай меру, милочек. В вопросах-то. Я же не спрашиваю, зачем тебе фея, — противно захихикала старуха.

— Хорошо, ведьма, да будет так! Но предупредить должен, ждать тебе придётся долго. Я быстро не управлюсь.

— Я подожду, колдун, я терпелива и времени у меня... много. Более чем достаточно, — на миг, чародею показалось, что на старушечьем лице сверкнули смешливыми искорками молодые девичьи глаза. — Но ты не тяни, босоркун. Да и потом, тело-то тебе останется. А ты у нас — чернокнижник, может даже некромант, — ведьма подмигнула, и Эйтерну Мак Хейлину очень захотелось перекреститься, но он только произнёс:

— Жди. Ну, а теперь — я слушаю тебя. Как мне найти Королеву Фей.

— Ну что ж, слушай! Да будет тебе известно, что выходит Кароль замуж.

— Будет. И было, — перебил Космач, вспомнив рассказ грязнульки из деревни. — Мне известно. Видимо, за кого-то из Неблагого Двора.

— Удивил ты меня, колдун, изрядно, — поморщилась ведьма, — но впредь не вздумай меня перебивать. Особенно, если сказать тебе нечего. Итак, могуч и силен её избранник. Не справишься с ним даже ты. Молчи! — карга вскинула высохшую руку, тощую точно птичья лапка! — Не надо громких слов, босоркун. Ты достаточно умён, чтобы отличить вызов от предупреждения. Повторяю, слушай меня и не перебивай! С королём и его Охотой тебе не совладать. Умрёшь ты! Но выход есть. В ночь перед свадьбой, по древнейшей традиции поднимутся феи на Холм. Будет с ними и Королева. Станут они танцевать при зарождающейся луне, чтоб приняла она силу уходящей феи и

даровала её вновь рождённой. Так проходит обряд очищения. Так прощается невеста с жизнью. Готовится умереть. Ибо не будет больше вольной феи. В общем, священная это ночь. И такой же танец. Мужчин там не будет.

— Где и когда? — угрюмо бросил колдун. — И прекрати читать лекции о свадебных обрядах. Мне не до них нынче.

— Что ж, может, ты и прав, — странно затуманенные глаза старухи вновь обрели ясность. — Стара я, как видишь. Заговариваться стала. А сей обряд, похоже, действительно тебя минует. Но не о тебе сейчас речь, поэтому слушай дальше. Выйдут они из своего королевства в ночь новой луны у Хиллшианна, Холма Эльфов. А теперь — главное. Одинаковы будут все феи. В простых белых рубахах только. А в лицо тебе королеву не узнать.

— Почему? Самая красивая. Если верить сказкам.

— А ты не верь! Как раньше не верил, так и сейчас не верь! — вдруг взбеленилась старуха. — Ишь, доверчивый выискался. «Самая красивая». Кому — краса, а кому и на глаз коса. Эй, черно книжник, ты у нас и так-то учён-преучён, так ещё и в красе женской знаток? Чай, много книжек прочёл? С картинками?

— Да ладно, уймись, старая, — Космач сдвинул брови. — Права ты. Сглупил. Как мне королеву узнать?

— То-то, — проворчала старуху. — Без помощи не узнаешь. Помнишь котика моего? Что тебя сюда привёл, — она погладила серенького зверька за ушами. Тот блаженно заурчал. — Вот он тебе и поможет. Затаишься ты в траве и следи за ним. Глаз не спускай. Как эти девки плясать-то начнут, забежит он в круг. Танца никто не прервёт. Не посмеет. Только королева. В общем, хватай ту, которая к нему наклонится. И, смотри, не мешкай! Второй попытки не будет. Если что учудишь — разорвут тебя. Понял?

— Понял, старая. Если правду говоришь — спасибо тебе за науку, а если нет...

— Молчи! Последнее дело в чужом доме да хозяйке угрожать, — ведьма усмехнулась. — Как правило — последнее... А у тебя и впереди дела есть, так что — не глупи. На, бери кота. Да в глаза ему не смотри.

— Почему? — удивился Космач.

— А вот не любит он этого, — и опять в голосе старухи послышались смешливые девичьи нотки, — царапнуть может...

Колдун поднялся и взял на руки котёнка. Серый комочек оказался удивительно тёплым. Космач уже и забыл, когда держал в руках что-то живое.

— Ещё раз, спасибо за помощь, — чародей чуть наклонил голову, — хотел бы я тебе вопросов задать, но...

— Правильно, милоч. Правильно, что не задаёшь. Потому как мудрость иногда заключается в умении промолчать, а не спросить, — старуха с любопытством взглянула на колдуна и пробормотала себе под нос. — Может, у тебя и получится. У других бы не вышло. И напоследок, запомни самое главное! Что бы ни случилось — не убивай её подруг! Иначе не поможет она тебе. Не заставишь. Даже ты. Она — Королева! Не забывай!

— Не забуду! — Колдун подошёл к двери. Скрипнули несмазанные петли.

— Босоркун!

Космач обернулся.

— Я уговор выполнила, теперь дело за тобой стало, — голос ведьмы вдруг обрёл какую-то странную силу, помолодел. — Если ты не заберёшь её сердце, то потеряешь своё! Запомни!

Космач улыбнулся, пожал плечами и шагнул через порог в нежные объятия утренней зари.

Фея

До новолуния оставалось три дня. Не так мало, чтоб пришлось действовать наскоком, наобум, но и не так много, чтобы всё перепроверить, полностью обезопасив себя. Приходилось идти на риск — довериться этой ведьме—оборотню, кем бы она ни была, и её котику, который, к слову, вёл себя прекрасно. Космач, кстати, впервые понял, почему, если всё же верить сказкам, у каждой ведьмы, каждого колдунчика был помощник. Кот, филин, ласка или даже просто мышь или змея.

Если честно в чародейских делах пособить они могли не значимо, а вот друзьями были хорошими. Это, между прочим, было гораздо важнее. Избавляли они от одиночества, которое плелось за чародеем верной тенью. Каждый чаровник любого уровня обречён быть изгоем. В лучшем случае — отшельником. Хотя разница невелика, уж это—то Космач знал получше других. И вот только, когда приобрёл котёнка, пусть и во временное владение, вдруг понял, что тоже одинок. И ни знания, ни величие, ни сила не могли заполнить эту пустоту. А вот маленький комочек тепла и шерсти — смог. Замер некромант, как громом поражённый, в тот миг, когда осознал, что сидит у костра и, поглаживая котёнка, рассказывает ему о своём детстве. Обо всём том, от чего, как казалось самому колдуну, он избавился уже навсегда много—много лет назад. Дружба, привязанность, честь и верность. Любовь... Весь тот раздражающий никчёмный мусор, который едва не похоронил под собой молодого Эйтерна Мак Хейлина. И только жестокий урок, преподанный тогдашнему наивному студенту—чародею, выдрал его из трясины. Спас. Показался путь, вернее сначала тропка, по которой и двинулся Космач, стал величайшим из чернокнижников, как считали другие, но вот только подлинное величие таилось всё ещё впереди. И для того, чтоб его достичь, нужна Кароль. А котёнок...

...Котёнок всего лишь кусочек мяса в готовом захлопнуться капкане!— оборвал себя чародей, пытаясь вернуться в действительность и отмахиваясь от налетевших, словно мухи на падаль, мыслей. Почувствовали слабину. Ан нет, рано. Это всего лишь усталость. Привычные мысли ни о чём.

Итак, капкан. Королеве осталось только протянуть руку. И она это сделает! Космач не сомневался. Зверёк всё же был очаровательный. Колдун улыбнулся и погладил золотистое пятнышко на сером лобике. Котёнок заурчал.

Вот и день решающий настал. Вернее ночь. Неуверенно, робкими светлячками в бескрайнем просторе, вспыхнули первые звёзды. Затем осмелели, и вот уже целый рой закружил на великом тёмном лугу безлунного неба. Трудно было поверить, что Солнце всего лишь маленький светлячок на одном из стебельков необозримой равнины. А Луна, это великая и прекрасная Дева Ночи и того хуже — отколовшийся когда-то кусок чего-то. Грустно.

Перекатился Космач на живот и чуть—чуть на локтях приподнялся. Травинку сорвал. В рот сунул. Осмотрелся. Лежал он в густой траве на склоне Хиллшиана. Давно лежал. С самого заката. Всего несколько прыжков отделяли его от утоптанной вершины. Это расстояние он за один—два вдоха преодолееет. Лишь бы ведьма не обманула. А потом... потом всё просто и чётко — рывок, нападение, охранный круг, заклинание и домой. Если всё пойдёт как надо.

Да, Космач подготовился, но забегать в раздумьях далеко вперёд, особенно, когда примешивалось ненавистное «если», не любил. Именно для этого, чтоб навсегда избавиться от этих «если», ему и нужна была Кароль — Королева Фей.

И вот, Космач ждал. Он не проигрывал в голове план снова и снова. Не пытался учесть все возможности и варианты. Теперь всё сводилось к одной развилке — придёт или

не придёт. А дальше — зависело от котёнка. Колдун невольно усмехнулся. Каким же немислимым плетением свивается нить судьбы. Мог ли он в самом бредовом сне представить, что дело всей его жизни, да и не только его, а если взглянуть глубже, то, быть может, веретено самого мироздания находится в лапках этого крохотного серого существа.

Космач чуть повернул голову и взглянул на своего спутника. Тот с усердием вылизывал лапку.

— Ты спокоен, малыш, как и я. Знаешь, а мы с тобой ведь замечательно уживаемся. А что, если не верну я тебя старухе?

Котёнок прекратил вылизываться и как-то по-особому, внимательно взглянул на чародея. «Не пожалеть бы...», — словно в ответ непрощенная мысль скользнула. По грани, по самому краю сознания. Пришлая мысль. Чужая. Точно летучая мышь пронеслась над головой, выдав себя лишь взмахом крыльев в неподвижном воздухе. Что за наваждение?

Некромант скривился. Неужели так потрясли его события недавней ночи? Встреча с ведьмой неведомой. Вот уж и каламбурить начал. Не водилось такое за колдуном. Он невольно стиснул зубы, перекусив травинку. Похоже, разоткровенничался с котёнком, а юнцу, глубоко внутри у Космача затаившемуся, понравилось, вот он-то и требует теперь бесед. Никуда это не годно. Не раз видеть доводилось Эйтерну Мак Хейлину магов сумасшедших и полностью и наполовину, бродящих по башням своим, по библиотекам. Что-то бормочущих, руками размахивающих. Увлечённых беседой, одним словом. С самими собой.

Понятно, что собеседника более достойного и интересного не найти, но Космач к подобному общению был ещё не готов. Во всяком случае к регулярному.

Колдун на миг закрыл глаза и глубоко вдохнул. «Самоконтроль — всего лишь объект волевой регуляции. А уж воли мне не занима-а-а... апчхи!»

— Апчхи! — при медитативном вдохе какая-то гадость, может, пыльца, может, пух от одуванчика, а может, и букашка какая, попали Космачу в нос, и он не сдержался. На другом сосредоточен был.

— Что это? Слышали? — зазвенел снизу, от подножья холма, чистый девичий голос. И хоть слились в нём трель птиц, шорох листьев и трепещущий вздох осин в крепких объятиях ветра, у колдуна он вызвал на редкость мерзкие чувства. Что-то похожее на страх, на солоноватый привкус неудачи, собственной ошибки, глупости.

— Фазаний хвост! — раздался нелепый приказ, отданный тоже женским, но резким, чуть более грубым голосом. — Ваше Величество, держитесь за моей спиной.

— Брось, Мэва. Нет в этом краю никого, кто посмел бы мне угрожать. А если и есть, то негоже мне за спинами фрейлин прятаться. Какая же я тогда королева?

— Я не фрейлина, Кароль! И потом, если на тебе нет ничего кроме белой тряпки, то не грех использовать для защиты чьё-то тело.

— Но не подруг же! Мэва, прекрати всех пугать! Сегодня священная ночь. Никто не посмеет пролить кровь на этом холме ибо ждёт его страшное проклятие, будь то человек, зверь или птица. И ты прекрасно об этом знаешь.

Эйтерн Мак Хейлин сглотнул и понял, что это был за странный привкус. Кровь. Он до крови прикусил себе губу. Позор!

Как же всё обернулось-то так? Закончилось даже не успев начаться. Приподнял колдун голову, взглянул и ясен ему стал смысл прозвучавшего приказа. Дюжины две стройных фигурок в простых белых рубахах рассыпались полукругом на манер распушенного хвоста фазаньего и медленно стали подниматься по склону. Казалось, ожил чей-то кошмар и сонм мертвецов в саванах развивающихся плыл над землёй по душу Космача. Хотя... может, так и было. Кто они, эти феи-то, на самом деле? Кто ж разберёт. Колдун даже узнать не удосужился к какому Двору принадлежит сама Кароль. К Благословенному или нет. Может, она из слуг, Воинства Мёртвых, чьи тела так и не были

погребены в святой земле. Просто до сего момента, колдуна различия эти совсем не интересовали. Суеверия. Главное же было просеять зерно. Найти саму Королеву. Нашёл... И вот теперь это зёрнышко грозило прорости крупной неприятностью. А то и бедой.

Феи подбирались всё ближе. Чудилось, что сама природа затихла, силясь услышать, как маленькие ступни касаются склонившихся в поклоне травинки. Никому из смертных ещё не довелось услышать шаги фей. Поэтому-то и наградила их народная молва крошечными размерами да стрекозыми крылышками. Но ничего похожего Эйтерн Мак Хейлин не видел. А видел он приближающуюся вереницу невысоких, стройных, невероятно изящных девушек в простых холщовых рубашках. Распущенные их волосы падали на плечи и, хоть в сгустившейся тьме было не разобрать, но был Космач уверен, что при солнечном свете переливаются они мириадами оттенков и ни один из них не повторяется.

Волшебные создания, хоть приказу и подчинились, и даже пытались казаться серьёзными, но всё портили перешёптывания, смешки да в кулачок фыркание. Их «хвост фазаний» походил не на боевое построение, а на распавшийся хоровод. Девушки брели полукругом, за руки взявшись да о чём-то своём болтая. Колдуну стало почти жалко их убивать.

Представил он, что ждёт этих глупышек. Несколько шагов всего и... бросок потревоженной змеи. Взметнувшаяся из травы чёрная смерть с двумя клыками из холодного железа. Нет для фей ничего страшнее. Первые девушки умрут, не успев ничего понять, остальные — не успев предпринять.

Какими бы сильными чарами эти феи не обладали, любое колдовство — это концентрация и персонификация. То бишь должен быть чаровник спокоен и сосредоточен, готов к заклинанию то есть. А ещё должен он знать, куда его направить. Когда же закружит Космач в кровавом дожде меж фей перепуганных, то ни о каком спокойствии говорить уже не придётся. И заклятия никто не кинет. В гущу-то своих подруг. А вот у колдуна руки будут свободны. И в прямом и переносном смысле. Несколько взмахов меча, а затем — лёгкое движение пальцев и вырвется из амулета вихрь огненный, всё сжигающий на пути своём. А когда вспыхнет их холм колдовской, священный, будет бедняжкам уж не до преследования. А ещё неплохо бы схватить одну из девчонок.

Вот угадать бы которую. Оставалось верить сказкам. Собственно, глаз на одну Космач уже положил. Сильная, гибкая. Выше остальных. Да и краше, пожалуй. Но главное — чувствовался в ней дар повелевать. Уж его-то Космач чуял как-то особо. По-звериному.

Кстати, о зверях. Где котёнок-то? Засунуть его за пазуху, что ли? А то как бы не затоптали ненароком в общей сваре. Оглянулся колдун по сторонам и чуть не выругался. Котёнок задрав хвост и, ничуть не переживая о будущем (великая милость, дарованная животным), преспокойно направлялся к феям. М-да, с огнём придётся повременить, пока он не схватит серенького паршивца. Главное не наступить.

Эйтерн Мак Хейлин приготовился к прыжку. Но...

Человек, венец природы, умный, предусмотрительный и хладнокровный всё испортил, а бездушная и фактически безмозглая мелкая животинка, способная только есть и спать, умудрилась всё исправить. Дала Эйтерну второй шанс.

Котёнок выкатился из высокой травы прямо под ноги статной фее и, как показалось колдуну нарочито-демонстративно чихнул. Нет, конечно, этого быть не может, просто фыркнул от неожиданности. Фея вскинула руку в каком-то угрожающем жесте, и чародей уже собрался прыгнуть вперёд, одновременно ударив её оглушающим заклятием. Но его опередил, произведя тот же эффект, раздавшийся голос соседней девушки:

— Мэва, замри! Ты посмела послушаться меня?! Это всего лишь котёнок! Кис-кис, иди сюда. Чихнульчик. Простыл, наверное. Откуда ты здесь?

Некромант застыл, вглядываясь в девушку поднявшую котёнка. Чари... Фигура, волосы, глаза. Он знал, что это морок. Что сознание играет с ним. Фея принимает тот облик, которого ждут. Прочь все мысли из головы. Вот теперь его выход! Оставив клинки в ножнах, у пояса нашупал он тонкую верёвку. Из чего она сплетена — не к ночи вспоминать. Одна знакомая ведьма пособила. Тут и нити из савана погребённой колдуньи, и волосы, отросшие уже у мёртвой в могиле, и волокна петли, жизнь этой ведьмы и оборвавшей. Ну и ещё кое-что, но не важно. Важно то, что ни одним заклинанием этой бечевы не порвать. Ни одной колдунье из этих пут не освободиться.

Волком ворвался некромант в отару. Чёрным ястребом налетел на белую голубку.

Опустившись перед котёнком на колени, не ведала Королева, что предельно упрощает задачу похитителю своему. Покорно отдаётся в чужие руки. Не иначе веление судьбы.

Чуть склонила голову фея и отбросила с лица густые волосы, обнажив нежную шею. Миг и впилась в неё жёсткая бечева. Рывок. Вдох, крик или заклинание, всё что готово было сорваться с приоткрытых губ замерло в горле передавленном, разлилось болью, вырвалось наружу всхлипом булькающим. В спину упёрлось колено, безжалостно выгибая позвоночник назад. До хруста. Урок старого анатома Скварчиаре пошёл на пользу.

Космач не церемонился. Сейчас не до жалости. Видел он, как от одного слова, от одного жеста вспыхивали и в ярком пламени растворялись рыцари, в броню закованные, оставляли после себя кучки почерневшего, оплавленного металла. Да что там видел! Сам произносил подобные слова и сейчас был готов на любую жестокость только бы не дать им слететь с губ феи, не позволить ей шевельнуть хотя бы пальцем.

Заломил Космач тонкие руки ей за спину, стянул той же верёвкой сначала в локтях, а затем и в запястьях. Свободный же конец обмотнул вокруг окаменевшей ладони Мэвы — фрейлины (ну или не фрейлины), обращённой в статую словом Королевы.

— Не теряйте сознание, Ваше Величество, — прошипел некромант на ухо до боли знакомой Кароль. — Вы меня слышите? Держитесь на ногах. А то ведь вашей прекрасной Мэве будет очень больно, если она удавит собственную королеву. Так, Мэва?

До этого момента чернокнижник никогда не видел, чтоб статуя плакала. Но сейчас крупные слёзы катились из широко распахнутых глаз, и чёрный безграничный ужас плескался в бездонной глубине зрачков.

«Интересно, кто-нибудь сможет снять заклятие, наложенное Королевой? Или бедняжка так и останется статуей? Страшная участь. Как-нибудь нужно будет вернуться...» Презирал Космач излишнюю жестокость. Немотивированное насилие. Своему же объяснение находил всегда.

«М—да... а заклинание неплохое, сейчас бы пригодилось. Да и слово бы, данное карге, сдержал», — колдун обвёл взглядом беснующихся фей. Потеряв сразу двух лидеров, напасть они не решались. Понимали, что хоть жизнь Королевы и в руках чужака, но зависит от их шага. И решиться на него, феи не торопились. Или просто не могли. Тем не менее воздушные создания обернулись фуриями разъярёнными. Всплески безумной ненависти в глазах. Оскаленные белые зубы должны обагриться кровью. Скрюченные, как когти, пальцы, готовы рвать человеческую плоть. Знал Космач, что ждать не долго остаётся. Скоро решится всё. Выплеснется их ярость наружу, как кипящая вода из-под крышки котелка. Пламя бы уменьшить надо, тогда, глядишь, и дольше побулькает.

Следить за всеми было тяжело. Феи кружили, не замирая ни на миг. Всё время кто-то оставался за спиной, сколько бы некромант ни вертелся. Королева же еле держалась на ногах. Никак не мог сфокусироваться её взгляд. Трепетали длинные ресницы, бросая страшные тени на белки закатывающихся то и дело глаз. Рвались из перетянутого горла жуткие полувздохи — полувсхлипы... Чари, Чари, Чари!!! С тобой было так же! Держись, милая, не умирай! Ты смогла в прошлый раз, сможешь и сейчас.

Он поражался и восхищался тем, насколько сильна Королева. Отчаянно боролась она за каждый глоток воздуха, хваталась за уплывающее сознание, и не сдавалась. Как и его Чаритта когда-то. «Держись, девочка,— шептал колдун про себя. — Пока видят они, как ты страдаешь, не сделают и шага, как только затихнешь — разорвут меня на части. Вернее, попытаются. Терпи, моя королева! Ради них и ради нас с тобой! Твоя боль — единственный наш щит, пока мы не добрались до круга. Ещё немного и станет легче». Космач понимал, если сейчас же не разорвёт образы в сознании — сойдёт с ума.

Но время уходило, Кароль остовалась Чари, а ситуация патовой. Единственное, что смог сделать некромант, так это подхватить котёнка, мельтешившего под ногами и сунуть его, довольно бесцеремонно, в суму поясную. Тот возмущённо тявкнул, однако вырываться не стал.

И феи, и колдун сателлитами кружили вокруг Королевы, каждый по своей орбите. И казалось, никогда они не пересекутся, ибо таков ход вещей. Подумывал Космач его нарушить, а заодно и слово, ведьме данное, но понимал, что раз не соврала карга в одном, то и в другом не должна обмануть. И сам он видел насколько упряма Кароль — Чари. Пожалуй, если убьёт он кого-то из её подруг, то действительно возникнут потом проблемы. Неразрешимые. Не добьётся он от неё помощи ни лаской, ни угрозами, ни пытками.

— Леди, довольно! Вы уже вскружили мне голову в самом, что ни на есть, прямом смысле. Возьмите пример с Мэвы, замрите.

В ответ раздалось шипенье, от которого даже котёнок спрятал мордочку поглубже в сумку. Но Космач не сдавался.

— Вы же любите договоры. Вот я и предлагаю вам один такой.

— Мертвяк! Ты всего лишь жалкий говорящий мертвяк, — прошелестел голос одной из фей. Голубоглазой, с причудливой чёрно-огненной гривой на голове. — Ты сделал больно нашей королеве. Ты осквернил Ночь!

— Ты не дал Невесте умереть девой и возродиться женой, — выдохнула другая, с волосами жёсткими и зелёными, как лапы елей. — Ты попрал закон Смерти и закон Жизни.

— На тебя, смертный, и на весь род твой уже легло Проклятие Осквернённой Ночи, — подхватила третья.

— Мне невыразимо приятно беседовать с вами, леди, но, право слово, сейчас не досуг. Так что выберите себе какую-нибудь яблоньку и водите хоровод там. А то действительно голова кружится, а мне ещё подумать кое-над чем придётся. Ну или давайте мы с Кароль отойдём. А эту скульптурку, коли она вам приглянулась, оставим. Ну, что-то вроде прощального подарка Королевы. На память, своему народу... Не-не-не... — короткий росчерк клинка, и прыгнувшая вперёд Чернобурка, всхлипнув, отпрянула, зажимая царапину на лице.

— Ты пролил кровь! — прошептала она в ужасе, изумлённо всматриваясь в окровавленные пальцы. — Здесь! Сегодня! И ни слова, ни холодное железо теперь тебя не спасут! Содеянного не искупить!

Некромант сплюнул. Вот привязались-то. Как же их отогнать? Всего десятка полтора шагов вверх по склону до круга магического, который он подготовил. Но всё случилось, чуть раньше и чуть ниже. Если пытаться отступить — Кароль не дойдёт. И так-то несколько мгновений осталось, прежде чем обессилев, рухнет на землю.

Про импровизированную виселицу из вскинутой руки застывшей Мэвы, Космач наврал, конечно. Предостеречь хотел фрейлин, взъярившихся от действий неразумных. Да и для Королевы основной задачей стало на ногах устоять, а не пути к свободе обдумывать. Неразумно было бы просто так оставлять за спиной волшебное создание, силой неведомой наделённое, пусть даже полузадушенное и колдовскими петлями стянутое. А вот инстинкт самосохранения, что в любой твари таится, защищал колдуна лучше панциря. Итак, с

ними—то всё понятно. Кароль связана магическими путами, он сам — данным словом, а вот феи...

Феи не связаны ничем. Только страхом за свою госпожу. Но первая растерянность должна уже пройти. Разум должен был победить страх. Они все магички. И сильные. Элита колдовского народа. Если бы они ударили разом, всеми стихиями... Даже ему, Эйтерну Мак Хейлину пришлось бы несладко. Но они силы его не знают. Людей презирают, а вовсе не страшатся. Для них он всего лишь жалкий смертный с двумя железками в руках. Так чего ж они не нападают? Почему в их глазах плещется страх? Уж его—то Космач узнавал без ошибок. Слишком часто доводилось ему видеть такие глаза. Собственно, любое его появление на людях вызывало именно такое выражение. Но только у тех, кто его знал. Феи не знали. Выходит, они знали кого-то другого. И боялись. Настолько, что поступились гордостью, о которой складывались легенды.

— Дьявол! — выругался Космач и был очень недалёк от истины.

Топот копыт разорвал ночь и вопль её боли заглушило конское ржание. Из сгустков тени, из разорванного тела самой тьмы вырос всадник. Он осадил коня и спрыгнул на землю, казалось даже травинка не шевельнулась под тяжёлыми латными сапогами. Феи испуганными перепёлками метнулись в стороны, расступаясь и застыли в причудливых позах реверанса: «Господин!».

Вот уж какого Двора этот Господин, у Космача сомнений не было. Бледный. Седой. С остекленевшим застывшим взором мертвеца.

— Отпусти Королеву, смертяк! — серовато-синюшные губы выплюнули приказ, словно он был уже исполнен. Казалось, этот закованный в латы ходячий труп в этом не сомневался.

— Как черёмуха? Вкусная?

— Что?

— Да вот, показалось, ты черёмухи переел. Язык высунь... Ну, точно... хочешь полюбоваться? У меня где-то тут в сумке зеркальце было для бритья.

— Аргх!!! — рыцарь двигался с удивительной скоростью. Тяжёлый меч рассёк воздух в пяди над головой колдуна. Хотя тот и знал об ударе. Ушёл от него, швырнув в лицо нападавшему горсть едкого порошка из сумки и, намереваясь вогнать клинок точно над горловиной нагрудника и шут с ним с данным обещанием. Но произошло невероятное. Белый хоть и чихнул и промахнулся, но каким-то неуловимым движением перехватил лезвие. Сжал в кулаке и... сломал. Космач отпрянул, недоверчиво уставившись на куцый обломок. Феи завyli. Кароль как-то странно всхрипнула. А прищелец скривил свои черёмушные губы и поднял кулак. Осколок таял. Истончался, превращался в туман. Несколько капель чёрной (или Космачу так показалось) крови упали на землю и заплясали весёлыми язычками пламени.

— Час танца, сменит час крови, — тихо проговорил Седой.— Так сказано в Великом Обряде. Но кровь должна была пролиться не тут и не моя. Ты осквернил Ночь, человек. Ты знаешь, что это такое? Ночь Великой Свадьбы? Когда должны были породниться оба Двора. Ты хотел забрать мою невесту, смертяк? Наслушался сказок? Поверил им? Глупец. Ты выбрал не ту. Схватил бы другую и ушёл бы живым и, может даже, счастливым...

— Да ту я выбрал, ту... — колдун отбросил бесполезный огрызок и, подойдя к статуе снял верёвку. Кароль пошатнулась, но Космач подхватил её. — Не сейчас, Ваше Величество! Не сейчас... пора нам уходить.

— Я повторю, — так же тихо и спокойно произнёс Лорд Мёртвого Воинства, — хотя обычно этого не делаю — отпусти мою невесту.

— И ты позволишь мне уйти?

— Я позволю тебе упасть на меч. Я позволю тебе никогда не узнать, что за величайший дар я предложил. Я позволю тебе умереть!

— По мне так уж излишне витиевато. Я тебе попроще предложение сделаю. Знаешь, так, по-мужицки. Нас двое. Баба одна. Гони всех с этой горки. Поднимемся повыше и...

— ...На кулачках? Носы друг дружке расквасим, — Князь улыбнулся почти по-человечьи. — Ты забавный малый, смертяк. Ты понимаешь, что я могу, шевельнув пальцем, превратить тебя в пыль? Дуну, и твоя кожа и мясо сползут со скелета, который всё ещё будет молить меня о пощаде.

— Ну, — пожал плечами Космач. — А ты понимаешь, что мой скелет не побежит освобождать твою невесту? Взгляни на неё. Как думаешь, сколько раз она ещё сумеет вдохнуть? Давай на спор? Я говорю – не больше десятка. Твоё слово? Ну, а пока можешь шевелить пальцами. Хотя я бы посоветовал всё же мозгами. Кстати, как я понял, сам-то ты эту верёвочку снять не можешь? Так-то... Моё предложение в силе. Я знаю, что вы, если даёте слово, как правило, его сдерживаете. Я тоже. И я даю слово тебя не убивать.

— Червяк!!! Второй раз ты вывел меня из себя! Я тоже даю слово! Ты — не умрёшь!

— Ну и славно! Но это так. Дополнение к главному условию. Побеждаю я — ты отпускаешь нас на все четыре стороны. Заметь, целыми! Побеждаешь ты — отпускаю вас я. Идёт? Или ты всё ещё не уверен в своих силах, мертвяк?

— Идёт! — слуга махнул рукой, и феи бросились врассыпную.

Космач же повернулся, взвалил Королеву на плечо, услышав за спиной приглушённый рык. Улыбнулся и зашагал вверх по склону. А в голове неотступно, и опять чужой мыслью вертелось: «Могуч и силен её избранник. Не справишься с ним даже ты!» обиднее всего было то, что об остальном-то ведьма сказала правду. «Не справишься с ним... не справишься», — был голосок.

А Космач считал шаги, ощущая на плече лёгкое, почти невесомое, но такое тёплое и живое тело Чари. Шеей чувствовал её прерывистое, хриплое дыхание и почему-то с каждым её вздохом, с каждым ударом сердца, ему становилось всё спокойнее. Эйтерн Мак Хейлин улыбался.

Древнейший охранно-сдерживающий символ — пентакль, звезда, заключённая в круг, не выпускает демонов наружу. Сейчас он должен сработать иначе. Наоборот. Не впустить. Ещё три шага... Два... Один и...

... Удар оказался столь силен, что на миг перехватило дыхание. Боль пронзила плечо. Показалось, что Космач со всего маха наскочил на каменную стену. Кароль покатила по траве, всхлипнула, забила в судорогах. Видимо, при падении фея всё же невольно дёрнула руками, петля сдавила горло сильнее и при каждом рывке тела продолжала неумолимо затягиваться.

Слуга выронил меч и упал перед невестой на колени. Его тонкие белые пальцы порхали над её шеей, не в силах коснуться сплетённых колдовством нитей, всё глубже врезававшихся в кожу.

— Помогите ей, смертный! Она умирает!!! — в голосе Князя послышались умоляющие нотки. — Я клянусь, я дам тебе всё, что ты хотел попросить у неё. Здоровье, богатство, власть!!!

— Заткнись! — просипел Космач, подползая к задыхающейся Королеве. — Мне нужно сосредоточиться.

Слуга покорно затих. Его ладонь нежно коснулась вспотевшего лба Кароль.

— Отойди! — велел Космач. — Твоя колдовская аура слишком сильна. Она забивает мою. Я не могу ничего сделать.

— Просто перережь эту дьявольскую верёвку! — рывкнул слуга, но всё-таки встал, поднял меч и отошёл на несколько шагов, не спуская глаз с противника. — Неужели ты

такой глупец, смертяк? Как ты мог подумать, что я не замечу твою простецкую пентаграмму? Не блокирую её?

Но колдун не слушал. Лёгким касанием пальцев он ослабил петлю, нащупал вздрагивающую жилку — сердце билось часто, но равномерно. Кароль судорожно вздохнула. Закашлялась.

— Он убьёт тебя! — чуть слышно прохрипела она. И колдуну на миг почудилось, что в этих словах прозвучала не угроза, а предупреждение.

— Может быть. Но не сегодня, — Космач взял фею за руку и закрыл глаза. Он успел увидеть, как усмехнулся и поудобнее перехватил меч Князь Мёртвого Воинства. Как шагнул к обессиленной паре...

Не открывая глаз, колдун улыбнулся в ответ.

— Всё. На сегодня хватит... Пора домой.

Всё, что ему было нужно это несколько мгновения покоя. Абсолютного. Для концентрации. Для достижения полной отрешённости от мира. От ЭТОГО мира...

...где-то далеко-далеко загнанным эхом заметался отчаянный вопль ярости великого, но обманутого Князя. Да, он мог всё! Но только в том, в своём мире. Единственное, что он не мог — это покинуть его. Потому что не знал дороги. Ему нужен был Проводник. Такой, как Космач. Отворяющий Двери, Шагающий меж мирами, Творящий Пути. Ходок. Путеводец. Ему нужен был Эйтерн Мак Хейлин. Эйт по кличке «Терновник». Мой Терри!

*

Нет, я не дух, не бес, не демон и даже не диббук, но иногда ментальному конденсату тоже необходимо тело. Я итак ждала слишком долго. А если вселяться, так почему-бы не в Королеву?

Продолжение следует